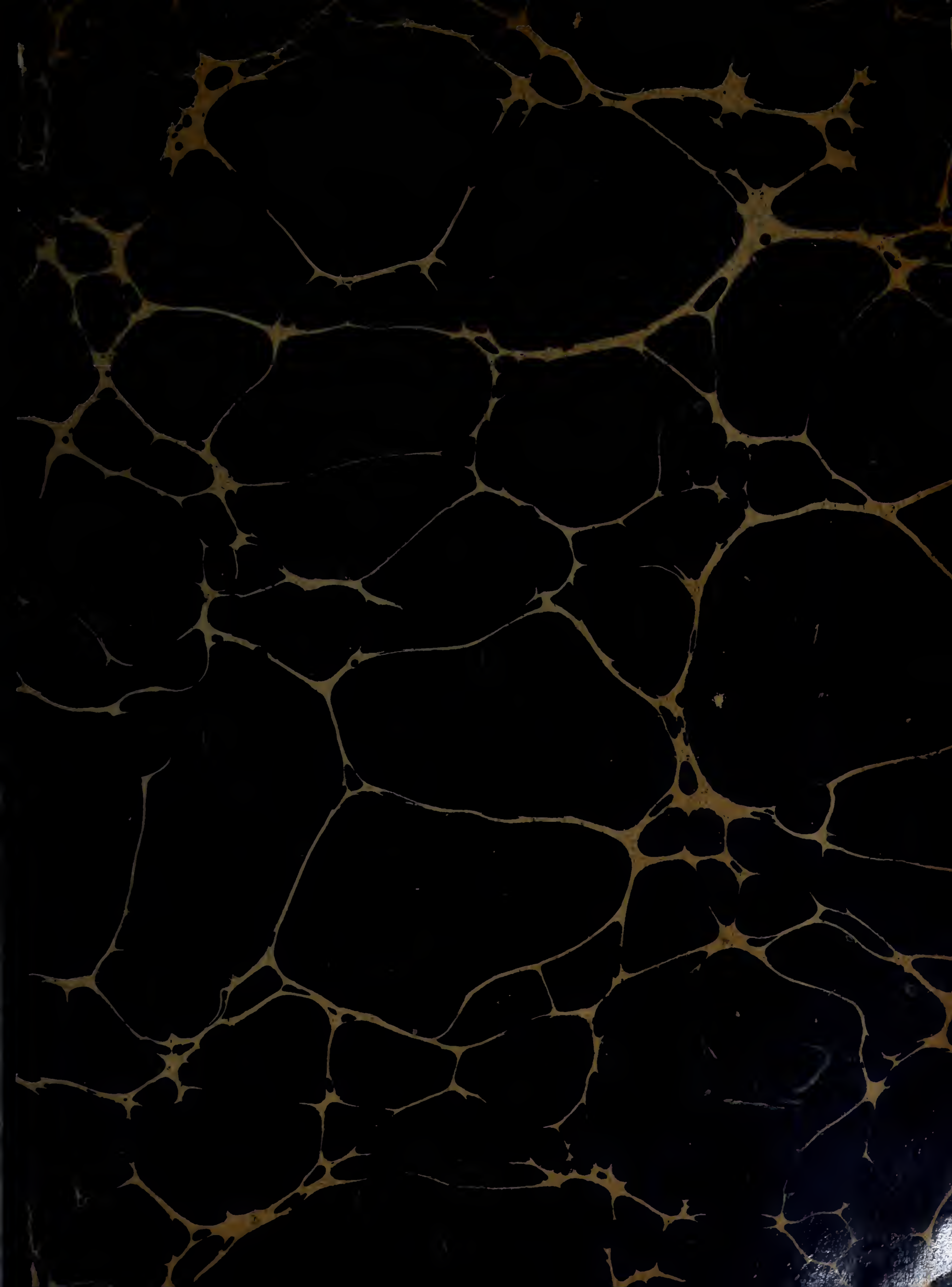

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Выпускъ второй.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА,

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ, БІОГРАФІЕЮ, СЪ СТАТЬЕЮ ОБЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ, ИЗДАНІЯХЪ, ПЕРЕВОДѢ ЕГО САТИРЪ И СЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ВСѢХЪ СТАТЕЙ О КАНТЕМИРѢ, НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

ИЗДАНІЕ

П. ПЕРЕВЛѢССКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая 15 го дня, 1849 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. *Стихотворенія.*

Стр.

В. *Проза.*

Прибавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Планъ при изданіи втораго выпуска остался тотже, что и былъ при первомъ; критика не указала мнѣ никакихъ измѣненій къ лучшему, а самъ я другого не придумалъ.

Портретъ Кантемира снятъ съ портрета, приложеннаго къ первому изданію его сатиръ, снимокъ съ почерка (факсимиле) — изъ Историческаго альбома М. П. Погодина. Такъ - какъ факсимиле довольно не разборчивъ, то я помѣщаю здѣсь стихи, въ немъ заключающіеся:

Но естьли изъ малой (кучи денегъ) я своей получаю,
Сколько нужно, для чего большую не знаю,
Предпочитаетъ? Тому подобенъ мнѣ мнится
Тиціи, кто за чашею одною тащится
Воды на пространную рѣку, хотя можетъ
Въ ручейкѣ чисту достать. Что ему поможетъ
Излишность, когда рѣка берегъ подъ ногами
Подмывъ, съ пескомъ и его покроетъ струями.

Петръ Перевлѣсской.

Москва.
2 мая, 1849.

I.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КН. АНТІОХА КАНТЕМИРА.

КНЯЗЬ АНТІОХЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАНТЕМИРЪ.

А. ЧЕРТЫ ИЗЪ ЕГО ЖИЗНИ.

I. *Кантемирово похвальное слово Дмитрію Өессалоникійскому.—Одобреніе проповѣди Петромъ Великимъ. — Заботы отца о воспитаніи Кантемира. — Кондоиди. — Ильинскій; — Персидской походъ. — Смерть отца. — Лекціи первыхъ нашихъ академиковъ.*

Утромъ 26-го октября, 1719 г., на дворѣ Заиконоспасскаго-монастыря стояло множество экипажей; въ церкви была страшная давка и тѣснота: десятилѣтній преображенскій солдатъ, свѣтлѣйшій князь Антіохъ Кантемиръ говорилъ *панегирическое слово въ похвалу Св. Великомученика Димитрія Өессалоникійскаго* *. Самъ царь нарочно пріѣхалъ послушать своего малолѣтнаго преображенца; остался чрезвычайно доволенъ его проповѣдью, и свое удовольствіе изъявилъ отцу его, князю Димитрію Константиновичу, тутъже присутствовавшему. Высокое вниманіе Петра усугубило за-

* Оно находится въ рукописи, и хранится въ московской патріаршей библіотекѣ подъ No 230-мъ.

боты молдавскаго господаря о воспитаніи его младшаго сына *. Будучи самъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, знатокомъ многихъ языковъ, даже писателемъ **, князь Димитрій Константиновичъ ввѣрилъ образованіе Антіоха людямъ достойнымъ: первыми наставниками его были учоный грекъ Анастасій Кондоиди, сочинитель похвальнаго слова ордену Андрея Первозваннаго, и академическій переводчикъ Ильинскій, *другъ наукамъ нелицемѣрный, искусный довольно въ Латинскомъ языкѣ, нѣсколько въ Молдавскомъ и совершенно въ Славянскомъ*, какъ отзывается объ немъ одинъ изъ его современниковъ.

При всемъ довѣріи къ учоности и добросовѣстности этихъ двухъ воспитателей, отецъ Антіоха самъ непосредственно наблюдалъ за порядкомъ его ученія; и чѣмъ внимательнѣе слѣдилъ онъ за развитіемъ дарованій своего слабаго, болѣзненнаго сына, тѣмъ дѣ-

* Отъ перваго его брака съ волошскою княжною Кассандрой у него были дѣти: Княжна Марія (род. 1700 г., 29 апр.), Смарагда (14-го апр., 1701 г.), Матвѣй (1703, окт. 18-го.), Константинъ (1705, іюля 29-го), Сергѣй (1706 авг., 11-го) и *Антіохъ* (1709, сентября 10-го).

** Онъ говорилъ потурецки, поперсидски, поарабски, погречески, полатынѣ, поитальянски, порусски и помолдавски. Сверхътого хорошо зналъ языки славянскій и французскій. Изъ сочиненій его извѣстны: 1) Исторія

ятельнѣе принималъ участіе въ его воспитаніи. Отъ этого участія не могли отвлечь его даже дѣла государственныя; и среди ихъ онъ находилъ время для занятій съ сыномъ. Въ такихъ занятіяхъ мы видимъ Димитрія Константиновича и во время персидскаго похода, въ которомъ онъ сопутствовалъ государю въ качествѣ блюстителя походной турецкой типографіи и составителя манифестовъ. Дорóгой Антіохъ не прерывалъ своего ученія. «Сверхъ безпрестаннаго чтенія, самыя земли, говоритъ учоный Бееръ въ своей книгѣ *, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, служили ему вмѣсто отверстой книги, представляющей обычаи; нравы народовъ, коммерцію и земныя произращенія; что все старался ему изъяснить своими разсужденіями родитель его.»

Къ сожалѣнію, будущему нашему сатирику не суждено было кончить своего воспитанія подъ надзоромъ такого нѣжнаго и учонаго руководителя: 21-го августа, 1723 г., умеръ отецъ его, такъ много и горячо его любившій. Умирая, онъ завѣщалъ своимъ

о возвышеніи Оттоманской Имперіи, писанная на латинскомъ языкѣ, 2) Система Мухамеданскаго закона, писан. порусски, 3) Нынѣшнее состояніе Молдавіи и друг., см. Беера.

* Исторія о жизни и дѣлахъ молдав. господаря стр. 332.

дѣтямъ всего больше заботиться объ образованіи *. Это мудрое, прекрасное завѣщаніе точнѣе и лучше всѣхъ исполнилъ *меньшой сынъ его, въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ лучшій*, по безпристрастному выраженію тогоже завѣщанія. По смерти отца, онъ не измѣнилъ своему благородному стремленію къ наукамъ, которыя, къ счастію его, имѣли въ Россіи достойныхъ представителей въ лицѣ Бернулли, Белфингера, Беера и Гросса. Къ нимъ обратилась пытливая любознательность Кантемира, и въ учоной бесѣдѣ съ ними нашла себѣ обильную и достойную пищу: Бернулли ознакомилъ его съ трудными вычисленіями высшей математики, Бельфингеръ—съ законами физики, Беeръ раскрылъ предъ нимъ дѣянія царствъ и народовъ, а Гроссъ развивалъ передъ нимъ благотворныя идеи нравоучительной философіи. Уроки послѣдняго особенно увлекали скромнаго юношу: нравоучительная философія была и навсегда осталась любимѣйшимъ предметомъ его занятій. «Она, говаривалъ часто Кантемиръ, научаетъ насъ познавать самихъ себя, поступать честно и сдѣлаться полезными обществу.» Такимъ образомъ въ школѣ первыхъ нашихъ академиковъ Кантемиръ довершилъ свое воспитаніе, которое высоко цѣнили современники, и на которое съ надеждой и

* Исторія Беера стр. 307.

довѣренностью смотрѣло само правительство. Извѣстно, что въ 1728 г. его хотѣли-было послать къ французскому двору для переговоровъ, — а ему было тогда всего 20 лѣтъ отроду, онъ былъ еще только гвардейскимъ поручикомъ!

II. *Сатира на хулящихъ ученіе или къ уму моему.—Случай къ ея извѣстности. — Стихи Ѳ. Прокоповича и Ѳеофила Кролика.—Прошеніе къ Аннѣ Іоанновнѣ. — Милость императрицы. — Назначеніе его резидентомъ къ великобританскому двору.*

Въ концѣ 1729 г., Кантемиръ задумалъ испытать свои силы въ дѣлѣ литературномъ: первымъ произведеніемъ его была сатира на *хулящихъ ученіе*, или *къ уму моему*. Прекрасная эта сатира, смѣло карающая заблужденія современной русской жизни, была написана имъ вовсе не для авторской славы, но *для одного только препровожденія времени*. Скромный сатирикъ не имѣлъ намѣренія ее обнародовать: не попадись она случайно въ руки какому-то изъ его услужливыхъ пріятелей, который поспѣшилъ сообщить ее Ѳеофану Прокоповичу, — мы бы, можетъ, никогда не имѣли въ Кантемирѣ писателя, и въ литературѣ нашей было бы однимъ меньше изъ ея славныхъ дѣятелей. Знаменитый пастырь Церкви понялъ кол-

кія, но благородныя обличенія невѣждъ, нелюбящихъ науки, глубоко сочувствовалъ смѣлому сочинителю, и старался повсюду *разсѣять* первое его произведеніе. Возвращая сатиру, Ѳеофанъ почтилъ Кантемира привѣтливымъ посланьемъ. Конечно, оно написано такими виршами, которыя дики нашему уху, избалованному звучными стихами Жуковскаго и Пушкина; но оно замѣчательно своимъ теплымъ, радушнымъ сочувствіемъ къ первому опыту поэта, а потому достойно всеобщей и всегдашней извѣстности, — и мы долгомъ поставляемъ представить его вполнѣ нашимъ читателямъ:

Не знаю, кто ты пророче рогатый; *
Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почтожъ было имя укрывати?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцевъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ три краты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ щастья довольно щастливый.
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель:

* Издатели (русскихъ классиковъ) объясняютъ слово *рогатый*, посредствомъ *смѣлый*, *отважный*. Я думаю, что этотъ эпитетъ имѣетъ отношеніе къ Кантемиру, какъ Сатирику: Ѳеофанъ Сатиру вооружаетъ рогами, полагая ея происхожденіе отъ Сатира: это, такъ сказать, аттрибутъ,

О тебѣ поютъ Парнасскіи лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
  И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верьхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.
  А ты, какъ началъ, течи путь преславный,
Коимъ книжныи текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
  И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что не одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ выразилъ свое благородное сочувствіе къ смѣлой сатирѣ Кантемира: честь эту раздѣляетъ съ нимъ другой духовный витія, учоный архимандритъ новоспасскій, Ѳеофилъ Кроликовъ. Вотъ какими латинскими стихами привѣтствовалъ сатирика придворный проповѣдникъ Петра I:

которымъ онъ характеризуетъ Поэта. Слово *пророче* есть латинизмъ въ смыслѣ: *vates* пророкъ и поэтъ.... Corniger vates.... думаю, что это латин. выраженіе было на языкѣ Ѳеофана, а онъ только-что перевелъ его по-русски. *Cornutum carmen*, находящееся въ латинскихъ стихахъ Ѳеофила Кролика, тоже выражаетъ. Прим. С. П. Шевырева. См. Москов. Наблюд. 1846. VI — 262.

Ars est celebris stultitiae genus
Pernosse, naevos carmine pungere
Cornuto, ut expungas, nocens si
Fors animis dominetur error..

Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
Et miscere dulci sic, voluntas
Ut ſaciat meliora sponte.

Utrumque praestas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
Vitabis at si, quae reprehendis,
Omne feres, Venerande, punctum.

Важно искусство распознавать людскія глупости, колоть пороки острымъ стихомъ, и истреблять вредные, господствующіе въ умахъ предразсудки.

Не маловажна заслуга открывать слѣды дурныхъ нравовъ, и смѣшивать въ стихахъ полезное съ пріятнымъ такъ, чтобы воля сама собою стремилась къ лучшему.

То и другое совершаешь ты, какъ мощный властелинъ, ктобы ты ни былъ подъ скрытымъ именемъ; но если ты самъ избѣгаешь того, въ чемъ укоряешь другихъ, то совершенно успѣешь въ своемъ намѣреніи.

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
Laudat et ingenium stultitia ipsa tuum.

Quae contra doctos jactat convitia stultus
Numinis ignarus, vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quae picta veste superbus
In studia assiduo parta labore jacit;

Dives et obtrectat congesto pauper in auro,
Ebrius in doctos, quae mala probra vomit;
Haec tu cornuto ventitas carmine Scriptor,
Et quae sint studiis commoda digna, doces.

Какія достойныя почести воздастъ тебѣ мудрость, почтенная тобою столь лестнымъ образомъ, остроумный писатель, когда и самая глупость, уязвленная колкимъ стихомъ, восхваляетъ твой геній!

Пусть невѣжда, чуждый всего священнаго и коснѣющій въ своемъ невѣдѣніи, порицаетъ мудраго, пусть празднолюбецъ, гордящійся своею блестящею одеждою, издѣвается надъ познаніями, пріобрѣтенными неусыпнымъ трудомъ;

Пусть сластолюбивый богачъ, бѣдный среди кучей золота, изрыгаетъ хулы на просвѣщеніе: все это развѣваешь ты, какъ вѣтромъ, своимъ стихотвореніемъ, и научаешь цѣнить достоинство наукъ.

Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
Dicant praesidium dulce decusque Deae!
Si te pungo, tace; quia te non nomino, clamas:
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

Вниманіе этихъ двухъ духовныхъ особъ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ сатирѣ есть много колкихъ стиховъ на духовенство. Благодаря такимъ цѣнителямъ, литературная извѣстность молодаго писателя распространилась въ обществѣ, и доставила ему лестное расположеніе князей Черкасскаго и Трубецкаго, принца Гессенъ-Гомбургскаго, которые были тогда во главѣ ревнителей просвѣщенія. Они ласкали и покровительствовали Кантемира, — а въ 1730 г. не замедлили воспользоваться авторскою его способностію: знаменитое прошеніе Аннѣ Іоанновнѣ о *возстановленіи самодержавія* было написано нашимъ первымъ сатирикомъ. Прошеніе имѣло желанный успѣхъ—и 20-го декабря тогоже года императрица *за вѣрныя службы* пожаловала Антіоху —

Какъ же Музамъ (Касталидамъ) тебя, увѣнчаннаго мудростію, не назвать оплотомъ и украшеніемъ, пріятнымъ Богу!

Если я тебя колю, молчи; ибо не называю тебя по имени; если же кричишь, то (я не виноватъ) ты самъ выказываешь свою слабость.

однакожъ вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрой — въ вѣчное владѣніе *тысячу тридцать крестьянскихъ дворовъ*. Эта милость встревожила особенно князя Димитрія Михайловича Голицына, тестя старшаго брата кантемирова, который не по праву завладѣлъ всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ. Голицыну думалось, какъ бы скромный князь Антіохъ не явился теперь справедливымъ истцомъ потеряннаго наслѣдства; потому онъ началъ хлопотать, чтобы его поскорѣй послали къ какому-нибудь двору въ качествѣ министра. Ему возражали, «что Кантемиръ еще молодъ, такой постъ ему не по силамъ»; дѣло колебалось; но полновластный курляндскій герцогъ сказалъ свое могущественное слово, «*я знаю Антіоха Кантемира, я отвѣчаю за его способности*» — и дѣло рѣшено по желанію Голицына: — двадцати-двухлѣтній гвардейскій поручикъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ.

III. *Дипломатическая служба въ Лондонѣ и Парижѣ. — Интриги графа Остермана. — Занятія науками и литературой. — Болѣзнь. — Послѣдніе дни. — Извѣстіе Гросса о кончинѣ Кантемира. — Слова Монтескьё.*

1-го января, 1732 г., Кантемиръ выѣхалъ изъ Москвы къ своему дипломатическому посту; а черезъ три мѣсяца былъ уже на мѣстѣ. 6-го апрѣля

Георгъ II-й далъ ему первую аудіенцію, на которой вниманіе короля превзошло даже ожиданіе самаго Кантемира; не менѣе того онъ былъ обласканъ королевой и всѣмъ дворомъ. Одною изъ важнѣйшихъ тому причинъ была молва объ его великой учоности, которая пришла въ Лондонъ за долго до его пріѣзда. Уваженіе двора и людей государственныхъ вскорѣ еще болѣе упрочилось прямодушіемъ и благоразуміемъ, съ какими Кантемиръ велъ дѣла дипломатическія, къ совершенному удовольствію обоихъ дворовъ. Англія, въ изъявленіе дружескихъ своихъ отношеній, послала въ Петербургъ лорда Форбеса въ званіи полномочнаго министра; Россія съ своей стороны утвердила въ этомъ званіи своего молодаго резидента. Высокое званіе, блистательное образованіе, молодость — все, казалось, призывало русскаго министра къ веселой свѣтской жизни, — а онъ напротивъ жилъ скромно и уединенно: отправлялъ депеши, большею частію писанныя собственною рукой, бесѣдовалъ съ учоными, занимался языками, и особенно италиянскимъ, сочинялъ, переводилъ. Учоныя и дипломатическія занятія до того растроили у него глаза, что въ 1736 г. онъ принужденъ былъ ѣхать въ Парижъ лѣчиться у знаменитаго Жандрона. Искуство славнаго парижскаго врача много облегчило болѣзнь, хотя совершенно и не исцѣлило ея. Полубольной, Кан-

темиръ воротился въ Лондонъ, и попрежнему въ тиши кабинета проводилъ время *между Греки и Латины.* Среди ихъ онъ забывалъ всѣ свои непріятности по службѣ; ему не давали ни чиновъ, ни наградъ, точно позабыли объ его существованіи. Шесть лѣтъ продолжалось такое невниманіе къ дипломатической жизни Кантемира, которою однакожъ были довольны; только въ 1736 году его пожаловали въ камергеры, и въ томъ же званіи перевели въ Парижъ. При французскомъ дворѣ онъ встрѣтилъ много затрудненій со стороны кардинала Флёри, и вытерпѣлъ много непріятностей отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Остермана: Флёри хитрилъ и спорилъ объ аудіенціи, испрашиваемой Кантемиромъ у Людовика XV; хитрый и завистливый Остерманъ, считая Кантемира опаснымъ для себя соперникомъ, старался удалить его отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ; былъ имъ недоволенъ и посылалъ ему выговоръ за выговоромъ: выговаривалъ ему и за то, что *самъ собою, не принявъ пожалованнаго ему характера полномочнаго министра, жилъ инкогнито*, и за то, за чѣмъ онъ говорилъ рѣчь королю на французскомъ языкѣ, а не на русскомъ, выговаривалъ даже и за то, отчего новый французскій посланникъ Шетарди такъ долго не ѣдетъ въ Россію; да и мало ли за что выговаривалъ Ос-

терманъ прямодушному дипломату. Подозрительные выговоры министра были вовсе незаслуженные : по службѣ Кантемиръ дѣлалъ для пользы Россіи все, что̀ могъ: кончилъ переговоры о мирѣ съ Портою, въ которыхъ Францiя была посредницей; настойчиво и съ достоинствомъ убѣждалъ Флёри признать за нашимъ дворомъ императорскій титулъ. Не смотря на то, выговоры продолжались; тщетно Кантемиръ хотѣлъ забыть объ нихъ въ занятіяхъ науками, изъ которыхъ онъ особенно полюбилъ Алгебру; наконецъ они довели его дотого, что онъ рѣшился выйти въ отставку. Просьба объ увольненіи отъ должности была послана въ Петербургъ вскорѣ по смерти Анны Іоанновны (1740). Впрочемъ предусмотрительный дипломатъ адресовалъ просьбу не прямо на имя правителя государства, герцога курляндскаго, а на имя одного изъ своихъ друзей. Въ письмѣ къ пріятелю просилъ доставить просьбу по адресу, если *духовная государыни останется во всей силѣ, а въ противномъ случаѣ предать огню.* Духовная государыни потеряла свою силу; правитель сосланъ въ Сибирь; просьба объ отставкѣ предана огню. Съ перемѣною правительства служба Кантемира перемѣнилась къ лучшему; вмѣсто прежнихъ немилостей, осыпали его милостями: ему прислали чинъ тайнаго совѣтника и званіе гофмейстера, извѣщали о намѣреніи правитель-

ницы назначить его воспитателемъ къ малолѣтному императору Іоанну Антоновичу; мало этого, великій канцлеръ, князь Черкасской предложилъ ему руку своей дочери, богатѣйшей наслѣдницы имперіи (70 тыс. душъ). Кантемиръ съ радостію принялъ чинъ, но испугался обязанности, ему предназначаемой, и ко всеобщему изумленію, отказался отъ руки богатѣйшей невѣсты въ имперіи. Родство съ первымъ сановникомъ государства, говорилъ онъ тогда одному изъ друзей своихъ, можетъ лишить меня спокойствія, котораго я столько желаю, — увлечетъ въ дѣла государственныя, отъ которыхъ я всячески стараюсь удалиться, чтобъ посвятить себя всего распространенію наукъ и искуствъ въ моемъ отечествѣ; и въ воздаяніе прежнихъ заслугъ своихъ, онъ просилъ себѣ только президентское кресло въ академіи наукъ. Ему отказано и велѣно оставаться на прежнемъ постѣ. Въ самомъ дѣлѣ Кантемиру, съ его разстроеннымъ здоровьемъ было не до политическихъ дѣлъ; его даже тяготило самое званіе полномочнаго посла, которое онъ охотно желалъ (1742) промѣнять на президенство въ академіи наукъ. Пойдетъ ли на умъ вмѣшательство въ политику, приобрѣтеніе силы и власти, когда васъ мучитъ почти всегдашняя безсонница, когда желудокъ вашъ ничего не варитъ, и когда васъ душитъ водяная въ груди?

Ко всѣмъ этимъ болѣзнямъ прибавились еще лихорадка и кашель, которыя до того обезсилили и истощили бѣднаго Кантемира, что въ концѣ 1743 г. онъ уже не могъ никуда выходить. Доктора Жандронъ и Демуленъ опасались за его жизнь, потеряли вѣру въ свои медицинскія пособія: Ахенскія воды, которыя прежде (1741 г.) немного помогли больному, признали недѣйствительными; думали испытать еще одно послѣднее средство — перемѣну климата. Назначено было отправиться ему на зиму въ Неаполь; съ надеждою и благодарностью больной принялъ совѣтъ любившихъ его врачей; но къ сожалѣнію, самъ собою, безъ дозволенія правительства, онъ не могъ привести его въ исполненіе. Пока пришло въ Парижъ разрѣшеніе выѣхать Кантемиру въ Неаполь, онъ уже былъ не въ состояніи имъ воспользоваться. Шесть мѣсяцовъ страдалъ Кантемиръ отъ своихъ мучительныхъ болѣзней; и въ эти дни страданій онъ не прерывалъ своихъ обычныхъ и любимыхъ занятій: два раза въ недѣлю посылалъ депеши къ нашему двору, читалъ религіозныя книги, особенно краснорѣчиваго Боссюе, переводилъ нравственныя правила Епиктета. Напрасно друзья уговаривали его оставить всѣ занятія,—напрасно убѣждали его, что эти занятія еще болѣе усиливаютъ его болѣзнь: Кантемиръ всѣмъ и каждому отвѣчалъ одно:

«только въ трудѣ и занятіяхъ забываю мою болѣзнь.»

Дней за 12 до смерти, съ однимъ изъ близкихъ друзей своихъ, онъ читалъ *«о Дружбѣ»* (de amicitia), извѣстное сочиненіе славнаго римскаго оратора. Другъ, воспользовавшись случаемъ, посовѣтывалъ Кантемиру *привести въ порядокъ домашнія дѣла и очистить совѣсть.* Кантемиръ съ благодарностью и твердостію принялъ дружескій совѣтъ, и тутъже написалъ духовную, по которой сдѣлалъ наслѣдниками своего имѣнія сестру княжну Марью, и братьевъ Матвѣя и Сергѣя, Константинъ же былъ выдѣленъ, какъ неправо завладѣвшій отцовскимъ имѣніемъ. Покончивъ домашнія распоряженія, онъ пожелалъ исполнить христіянскія обязанности: въ великую субботу исповѣдался у своего духовника, а въ Свѣтлое Воскресенье, въ домовой церкви пріобщился Св. Таинъ. На второй день праздника онъ еще самъ ходилъ къ обѣднѣ: на третій уже немогъ ходить и приказалъ нести себя въ церковь. Въ середу ему стало еще труднѣе, — онъ не могъ уже читать. Это онъ счолъ самымъ вѣрнымъ признакомъ приближенія часа смерти. Лишившись своего любимѣйшаго занятія и единственнаго утѣшенія, Кантемиръ проводилъ послѣдніе дни въ христіянскихъ размышленіяхъ и слабымъ, прерывающимся голосомъ бесѣдовалъ съ учонымъ другомъ своимъ Мопертюи,

который навѣщалъ его раза по два въ день. Чувствуя приближеніе смерти, онъ спокойно разсуждалъ объ ней. «Смерть, говорилъ онъ за нѣсколько минутъ до своей кончины, прежде ужасала меня, а теперь служитъ утѣшеніемъ, когда только подумаю, что она исходитъ отъ Того, Кто даровалъ намъ жизнь.»

Въ субботу на свѣтлой недѣлѣ (около 6 часовъ вечера), 11 апрѣля, 1744 г., кончились муки и страданія больнаго; тихо отошелъ онъ отъ міра, читая молитву, и слабѣющею рукою совершая крестное знаменіе. Тѣло его, въ силу завѣщанія, перевезено въ Москву, и *безъ всякой церемоніи ночью* похоронено на Никольской въ греческомъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ его отца и матери. Секретарь посольства, Генрихъ Гроссъ, донося императрицѣ о кончинѣ министра, такъ заключилъ свое печальное донесеніе: «Ваше Императорское Величество потеряли въ немъ вѣрнаго раба и весьма искуснаго и ученаго министра, какимъ его всѣ здѣсь почитали, и понеже къ превосходнымъ качествамъ ума, присовокуплялъ онъ гораздо пріятное обхожденіе со всѣми, а особливо съ друзьями: то вообще въ городѣ и при дворѣ объ немъ сожалѣютъ.» Высокое понятіе Гросса о его дипломатическихъ достоинствахъ раздѣляла большая часть современныхъ французовъ: лучшимъ тому свидѣтельствомъ служатъ эти строки Монтескьё изъ

его письма къ аббату Гуаско: «Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui que Vous avez perdu, mais la Russie ne remplacera pas si aisement un ambassadeur du merite du Prince Cantemir.»

Б. ИЗЧИСЛЕНІЕ ВСѢХЪ ДОСЕЛѢ ИЗВѢСТНЫХЪ ЕГО СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ.

а. СОЧИНЕНІЯ.

I) *Стихотворенія.* 1. Приношеніе Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. II. VIII *Сатиръ съ предисловіемъ:* 1. На хулящихъ ученіе, 2. Объ истинномъ благородствѣ, 3. О различіи страстей человѣческихъ, 4. Объ опасности сатирическихъ сочиненій, 5. На человѣческія злонравія вообще, 6. Объ истинномъ блаженствѣ, 7. О воспитаніи, 8. На безстыдную нахальчивость. III. *Пѣсни:* 1. Противу безбожныхъ. 2. О надеждѣ на Бога. 3. На злобнаго человѣка. 4. Въ похвалу наукъ. IV. *Письма:* 1. Къ князю Трубецкому. 2. Къ стихамъ своимъ. V. *Басни:* 1. Огонь и восковой болванъ. 2. Пчельная матка и Змѣя. 3. Верблюдъ и Лисица. 4. Ястребъ, Павлинъ и Сова. 5. Городская и полевая мышь. 6. Чижъ и Снигирь. VI. *Эпиграммы:* 1. На самолюбца. 2. На икону святаго Петра. 3. На Брута. 4. На старуху Лиду. 5. На прихотли-

ваго жениха. 6. Хроностическая на коронацію Петра II. 7. Къ читателямъ сатиръ. 8. На Леандра, любителя часовъ. 9. На гордость новаго дворянина. II) *Проза:* VII. О стихосложеніи. VIII. Отрывокъ изъ министерскаго донесенія изъ Лондона. IX. «Письмо о счастіи. Кромѣ этого есть еще десять неизданныхъ *Философскихъ писемъ*, которыя остались въ бумагахъ Н. А. Полеваго. Но гдѣ и у кого они теперь, мнѣ неизвѣстно.»

Ь. ПЕРЕВОДЫ.

I. X Посланій Горація 1-й книги, стихами безъ риѳмъ. II. Оды Анакреона * (неизд.). III. Фонтенелевы разговоры о множествѣ міровъ, М. изд. 2-е, 1761 г., съ примѣчаніями. IV. Юстинова Исторія V. Корнелій Непотъ. VI. Таблица Кевита. VII. Персидскія письма. VIII Нравоученіе Епиктета. IX. Разговоры Альгаротти о Свѣтѣ. (Послѣднія шесть *всѣ не изданы.)*

В. ИЗДАНІЯ.

Сатиры были посвящены Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и въ первой разъ вмѣстѣ съ другими стихотвореніями изданы, не извѣстно кѣмъ, въ 1762 г., съ его портретомъ, и съ примѣчаніями, которыя, вѣроятно написаны самимъ Кантемиромъ. Это предположе-

---

* Рукопись находится въ библіотекѣ М. П. Погодина.

ніе о примѣчаніяхъ мы основываемъ на томъ, что первое изданіе сдѣлано съ той рукописи, которую сочинитель прислалъ императрицѣ изъ Парижа. Второе изданіе сатиръ, но безъ примѣчаній, было сдѣлано въ 1836 году графомъ Толстымъ, Есиповымъ и Языковымъ, которые возъимѣли-было благородное предпріятіе издать всѣхъ русскихъ классиковъ. При этомъ изданіи была помѣщена біографія Кантемира, написанная графомъ Толстымъ. Послѣднее изданіе сатиръ вышло въ 1847 году, въ полномъ собраніи русскихъ писателей А. Ф. Смирдина, въ одномъ томѣ съ баснями Хемницера. Изданіе Смирдина буквально перепечатано съ изданія 1762 г., но безъ біографіи, которая приложена при первомъ. Въ него, къ сожалѣнію, не вошли также прозаическія сочиненія кн. Антіоха Кантемира, разсѣянныя по разнымъ журналамъ.

Г. Какія изъ его сочиненій переведены на иностранные языки.

Изъ сочиненій его переведены на французскій языкъ всѣ сатиры, и въ 1749 .г. изданы въ Лондонѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Satyres de Monsieur le prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie.

Въ предисловіи переводчикъ говоритъ о себѣ, что онъ родомъ италіянецъ, былъ въ дружескихъ

сношеніяхъ съ сочинителемъ, во время болѣзни переводилъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ на италіянскій языкъ: но имени своего нигдѣ не сказалъ прямо; въ концѣ письма къ какой-то дамѣ, лично знавшей и уважавшей нашего сатирика, переводчикъ означилъ свое имя только буквами L. A **. Митрополитъ Евгеній переводчика называетъ италіянскимъ аббатомъ Гуаско; на чомъ онъ основалъ свое мнѣніе, мнѣ не извѣстно. Книга эта принадлежитъ теперь къ библіографическимъ рѣдкостямъ; а потому для любопытныхъ я прилагаю здѣсь нѣсколько строкъ изъ перевода первой сатиры:

Tranquilise toi, mon Esprit, ne me force point à prendre la plume. Attends que tu te sois fortifié par de plus longues études. Ne peut-on sans écrire passer des jours, qui s'envolent? Et faut-il nécessairement être Auteur pour acquerir de la Gloire? Que de chemins dans ce Siécle conduisent à l'honneur! les pieds hardis y marcheront sans broncher. Celui que les neuf Soeurs nous ont ouvert est le plus glissant. Plusieurs y ont consommé leurs forces avant que d'atteindre le but. Quand tu te seras épuisé par le travail, on te fuira, où l'on te tournera en ridicule.

Un Savant toujours courbé sur les Livres n'acquerera jamais de somptueux et superbes Palais, ni de vastes Jardins ornés de Marbre. Que dis-je? Il n'augmentera pas méme d'une seule Brébis le troupeau, que son Père lui

a laissé. Notre Jeune Monarque, il est vrai, donne aux Muses de grandes espérances. L'ignorant honteux de l'être, n'ose paroître en sa présence. Appollon trouve en lui un Défenseur ; il l'a vû honorer lui-même sa Cour, et s'appliquer à multiplier les Habitans du Parnasse, en leur procurant généreusement les commodités de la vie. Mais helas! les Hommes louent par crainte dans les Souverains, ce qu'ils blâment avec hardiesse dans les Particuliers.

Qui ne sait, dit le dévot Criton, tenant le chapelet à la main, que les Sciences ont enfanté les schismes et les hérésies ; Que plus un Homme se croit éclairé, plus il s'éloigne du droit chemin ; Qu'à force de lire on tombe dans l'Athéïſme? Cette Ame sainte soupire, et nous prie, les larmes aux yeux, de refléchir seriéusement sur les maux infinis, que l'étude a déja causés parmi nous. Nos Enfans, qui jusqu'ici tranquiles et soumis, marchoient sur les pas de leurs Péres, et exacts au service divin écoutoient avec crainte et respect, ce qu'ils n'entendoient pas; aujourd'hui, quel scandale! ils commencent à lire la Bible, tâchent de l'expliquer, veulent savoir les raisons de tout, et n'ont plus une foi aveugle pour leurs Pasteurs : ils abandonnent insensiblement leurs louables coûtumes : ils oublient de boire le *Quas*. On ne les forceroit plus, le bâton à la main, à manger des Viandes salées. Ils ne mettent plus de Cierges devant les Saintes Images. Ils s'imaginent enfin, que l'autorité temporelle est mal-placée

entre les mains des Ministres Sacrés, et ils osent dire en sécrèt, qu'il ne convient point à ceux, qui ont rénoncé au Siécle, de rechercher la possession des Biens terrestres.

Д. ЗНАЧЕНІЕ КАНТЕМИРА ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Князь Кантемиръ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей въ періодъ нашей исторіи отъ Петра I до Елисаветы. Судя по тому времени, онъ писалъ много и разнообразно, переводилъ и того больше: писалъ басни, епиграммы, пѣсни, писалъ философическія разсужденія и сатиры; переводилъ съ разныхъ языковъ сочиненія историческія, нравоучительныя и философскія. Но не переводы, хотя весьма замѣчательные, даютъ ему почотное мѣсто въ нашей словесности; не басни, не философскія разсужденія, даже и не пѣсни, *пѣтыя въ цѣлой Россіи*, отдѣляютъ и возвышаютъ его между современною литературною братіею: Кондратовичемъ, Буслаевымъ, и Тредьяковскимъ: что намъ въ этихъ переводахъ, когда мы можемъ имѣть и имѣемъ лучшіе? что намъ въ его басняхъ и пѣсняхъ, когда въ нихъ нѣтъ ни изящества рѣчи, ни творчества, ни современности содержанія? такъ чтоже изъ его произведеній доставляетъ ему великую честь быть въ числѣ памятныхъ дѣятелей нашей литературы? Какія же сочиненія возвышаютъ

его надъ современнымъ ему литературнымъ тріумвиратомъ? сатиры, однѣ сатиры,—въ которыхъ онъ, смѣясь надъ злонравными, вмѣстѣ съ тѣмъ плачетъ объ нихъ во глубинѣ своей души. Онѣ-то составляютъ великую заслугу Кантемира литературѣ и обществу; отъ ихъ смѣлыхъ и внятныхъ насмѣшекъ исцѣлился не одинъ злонравный. И сатира была собственно его призваніемъ (Сат. IV—стх. 137—156). За что онъ ни брался въ другомъ родѣ, у него, по собственному же сознанію, выходили стихи *жоскіе, досадные ушамъ,* и похожіе на тѣ жалкія вирши Максимовича, *что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ;* но лишь принимался онъ за сатиру, стихъ его лился скорѣе, онъ чувствовалъ въ себѣ поэтическій даръ, и

Проворенъ, веселъ, спѣшилъ, какъ вождь на побѣду,

Конечно въ сатирахъ его также, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, нѣтъ творчества, нѣтъ изящества рѣчи; длинные силлабическіе стихи *жоски, досадны ушамъ* и часто походятъ на вирши Максимовича, надъ которыми онъ самъ смѣялся; конечно у него не рѣдко встрѣчаются óбразы неграціозные, выраженія до того грубыя, что языкъ не поворачи-

вается произнести ихъ въ школѣ и порядочномъ обществѣ: но за то сатиры его содержанiемъ своимъ представляютъ ясное, хотя и не полное, выраженiе современной жизни; онѣ хотя *именъ не значатъ*, но чистосердечно говорятъ правду, и за сто лѣтъ откровенно доносятъ намъ, чѣмъ болѣло современное ему общество. Такимъ образомъ сатиры Кантемира, незначительныя и слабыя, по строгому, безжалостному приговору высшей эстетической критики, становятся значительными и важными предъ судомъ критики исторической, не менѣе справедливымъ, но болѣе снисходительнымъ. По суду этой-то исторической критики, изъ всѣхъ сатиръ Кантемира важны особенно двѣ первыя, какъ вѣрныя выразительницы тогдашнихъ общественныхъ недостатковъ; объ нихъ и войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Самодержавный просвѣтитель земли русской всею силою своей власти вооружался противъ невѣжества и старинной нашей лѣни, на которую жаловался еще кроткiй Мономахъ; вмѣстѣ съ просвѣщенiемъ Великiй Петръ водворялъ между подданными и новыя идеи о достоинствѣ человѣка въ жизни общественной, которое дотолѣ основывалось преимущественно на разрядныхъ книгахъ. Плохо пришлось брадатымъ боярамъ, которые годны были только засѣдать въ совѣтѣ, *уставя свои брады, и ничего не отвѣщая;* плохо стало и тщеславнымъ бари-

чамъ, которые умѣли только нѣжиться *въ пуху подъ парчею*, и требовать высокихъ должностей и блестящихъ отличій, опираясь на заслуги своихъ предковъ. Между-тѣмъ какъ они метали свои гнѣвныя несправедливыя жалобы, что ихъ обходятъ чинами и лентами, продавецъ подо́выхъ пироговъ бралъ крѣпости, получалъ ордена, и въ рукѣ своей крѣпко держалъ фельдмаршалскій жезлъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, при такомъ броженіи умовъ, происшедшемъ отъ внесенія новыхъ идей въ русскую жизнь, въ старомъ поколѣніи образовалась густая толпа недовольныхъ, которые питали заклятую вражду къ просвѣщенію и выскочкамъ. Къ нимъ на подмогу, въ задніе ряды примкнула большая часть тѣхъ учениковъ петровыхъ, которые изъ путешествія по чужимъ краямъ вмѣсто истиннаго просвѣщенія вывезли только роскошныя свѣдѣнія о томъ,

Что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ аршина глубоки и ситомъ подбиты;
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа оставить,
Въ лѣто иль осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато.

Такое состояніе общества всего больше предлагало матеріалу для сатиры—и первымъ произведе-

ніемъ уроженца Константинополя вышла сатира *на хулящихъ ученіе, или къ уму моему*. Въ ней славный ученикъ забытаго Ильинскаго смѣшными чертами живо обрисовалъ безсмысленныхъ хулителей просвѣщенія: ханжу Критона, скупаго Сильвана, любителя пировъ Луку и щеголя Медора. Одинъ изъ нихъ въ наукѣ, не шутя, видитъ источникъ ересей и расколовъ, другой—причину голода, прежде вишь *въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали;* третій хулитъ науку за то, будто она разрушаетъ *содружество людей*, четвертый отъ науки тужитъ и горюетъ, что *черезъ чуръ исходитъ бумаги на письмо и книги*, а ему не во что завернуть свои кудри. Между тѣмъ, какъ эти забавные чудаки хулятъ просвѣщеніе, другіе съ благороднымъ терпѣніемъ учатся разнымъ наукамъ и ремесламъ, выходятъ въ люди,—и вотъ на ихъ глазахъ выросло новое поколѣніе, живое, дѣятельное и образованное, которому отдаютъ мѣста и должности, которое возвышаютъ и жалуютъ орденами. Такое непредвидѣнное возвышеніе такъ-называемыхъ выскочекъ глубоко оскорбляетъ самолюбіе *внуковъ Ольги:* они громко заговорили о своемъ благородствѣ, начали пересматривать генеалогію и разрядныя книги. Ссылки на старшинство рода ничего не помогаютъ, они остаются все при томъже — и новыя жалобы, новый ропотъ противъ *забвенія бла-*

городства, слышится еще громче, еще ожесточеннѣе ропота противъ науки. Этотъ нравственный недугъ современнаго общества караетъ тотъже Кантеміръ въ своей второй сатирѣ; въ ней чистосердечно, безъ *всякой прикрасы пятнаетъ* онъ этихъ тщеславныхъ баръ, которые стали смутны и блѣдны, со впалыми щеками, и все оттого, что они презрѣны съ *ихъ пышными именами*, а возвышенъ и почтенъ тотъ,

Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подовымъ горшкомъ истеръ плечи. —

Таково содержаніе двухъ первыхъ сатиръ. Въ нихъ не льзя не узнать картинъ тогдашняго русскаго общества. —

Въ другихъ же сатирахъ Кантеміръ изрѣдка, мѣстами какъ бы дополняетъ высказанное прежде, но болѣе смѣется надъ недостатками общечеловѣческими; и въ нихъ онъ является то подражателемъ, то заимствователемъ * у другихъ своихъ предшественниковъ: Ювенала, Горація и Боало. Впрочемъ въ подражаніяхъ своихъ онъ не рабскій копистъ; заим-

---

* Напр. VII сатира о воспитаніи есть подражаніе IV. Ювенала, V сатира о смѣшныхъ страстяхъ человѣческихъ — VIII сатирѣ Буало.

ствованіями пользуется, не какъ скрытный похититель чужаго добра: напротивъ въ тѣхъ и другихъ онъ нерѣдко сохраняетъ свою самобытность; подражаетъ, *къ нашимъ обычаямъ присвоивъ;* заимствуетъ, рисуя занятое рускими своевременными красками. Вспомните только его прекрасныя картины *пьянаго города* и *недовольнаго крестьянина* (сат. V.), такъ прекрасно и рельефно нарисованныя, — и вы непремѣнно согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ, хотя бы имѣли самое упрямое предъубѣжденіе противъ перваго нашего сатирика. Притомъ свое подражаніе и заимствованія Кантемиръ не скрывалъ ни отъ кого, но благородно признавался въ нихъ передъ своими читателями *. Опираясь на его признаніи, и при поверхностномъ изученіи его сатиръ, прежніе критики наши, безъ всякихъ дальнихъ справокъ съ историческими данными, отняли у него всякое значеніе, а прекрасныя, живописныя его сатиры назвали *мозаикой, составленной на досугѣ умнымъ человѣкомъ.* И это несправедливое мнѣніе о достоинствѣ и значеніи нашего сатирика долго повторялось съ голосу знаменитаго Полеваго: оно можетъ-быть повторялось бы и теперь, если бы современная критика не пересмотрѣла дѣла съизнова, и

* Предислов. къ сатир. и Письмо къ стихамъ своимъ. Ст. 37-40.

на другихъ основаніяхъ, и не рѣшила вопроса иначе. Добросовѣстныя изслѣдованія двухъ послѣднихъ изучителей Кантемира ясно и неопровержимо показали, что Кантемиръ такой же самобытный сатирикъ, какъ и Ювеналъ, хотя въ сочиненіяхъ своихъ не представилъ намъ полной картины жизни современной, какъ это находимъ у римскаго сатирика; что подражаніе его ограничивается лишь подражаніемъ пріемамъ и способамъ прежнихъ сатириковъ представлять избранные предметы. Выходитъ, напрасно же мы такъ долго величали его нашимъ Ювеналомъ, Гораціемъ и Буало̀; онъ ни тотъ, ни другой, ни третій, онъ просто нашъ Кантемиръ. Гдѣ же, въ его сатирахъ вы найдете силу и безпощадную ѣдкость грознаго, бичующаго негодованія Ювенала? гдѣ снисходительное, улыбающееся остроуміе Горація? и гдѣ наконецъ аттическая тонкость насмѣшки и грація въ картинахъ, какія мы видимъ у французскаго сатирика? Живописная сатира Кантемира, по собственнымъ его словамъ, лишь *смѣло* и *внятно* хулитъ всякое злонравіе, *чистосердечно пятнаетъ* порокъ, *колитъ* глаза; въ ней авторъ, смѣясь надъ злонравнымъ, плачетъ объ немъ во глубинѣ души. И несмотря на высокое достоинство сатиръ Кантемира, ихъ читаютъ мало̀; объ нихъ и теперь еще можно повторить эти слова Жуковскаго, сказанныя 40 лѣтъ назадъ: „рѣдкій

изъ Русскихъ развертываетъ его сатиры." (Соч. Ж. VII — 93).

Чтожь тому причиной? *Старинный слогъ его*, должно отвѣчать словами того же Жуковскаго. Впрочемъ, не смотря на старинный слогъ, не смотря на жоскіе, несносные уху нашему, силлабическіе стихи, Кантемиръ подчасъ умѣлъ мастерски высказывать свои мысли; многія изъ нихъ такъ и просятся въ общенародныя пословицы. Нѣсколько такихъ счастливыхъ оборотовъ указалъ покойный Бѣлинскій; они стоятъ быть обще извѣстны, и мы здѣсь выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Вино должно перевесть, кто пьяныхъ не любитъ.
Не дѣлаютъ черница однѣ рясы.

Е. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ О КАНТЕМИРѢ СЪ ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

1. **БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ.** *Кн. Антіохъ Дм. Кантемиръ. Біографія, помѣщенная 1835 году въ Моск. Наблюдателѣ въ 3 NO. Послѣ она перепечатана въ Словарѣ Достопамятныхъ людей Рус. земли. 1836 г., ч. III. стр. 8 и слѣд.*

Эта статья излагаетъ довольно подробно жизнь Кантемира, и отличается отъ другихъ обиліемъ выписокъ изъ нѣкоторыхъ дипломатическихъ бумагъ.

2. **БАТЮШКОВЪ**. *Вечеръ у Кантемира, Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, ч. I. стр. 71 — 91.*

Изъ этой статьи я не дѣлаю извлеченія, потому что её можно найти въ любой хрестоматіи.

3. **БЕЕРЪ**. *Исторія о жизни и дѣлахъ Молд. господаря кн. Константина Кантемира, съ приложеніемъ родословія кн. Кантемировъ. М. 1783 года.*

Въ приложеніи родословія помѣщены нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о каждомъ членѣ семейства Констан. Кантемира; тутъ находятся любопытныя завѣщанія Антіоха Кантемира и отца его.

4. **БѢЛИНСКІЙ ВИС**. *Портретная галерея русскихъ писателей. 1. Кантемиръ. Лит. Газ. 1845. №№ 6, 7, 8.*

Русскую литературу начинаютъ съ Ломоносова, — и справедливо. Ломоносовъ дѣйствительно былъ основателемъ русской литературы. Какъ геніальный человѣкъ, онъ далъ ей форму и направленіе, которыя она надолго удержала. Каковы были эта форма и это направленіе — вопросъ другой; дѣло въ томъ, что дать форму и направленіе цѣлой литературѣ могъ только человѣкъ необыкновенный, но, не смотря на общее согласіе въ томъ,

что русская литература начинается съ Ломоносова, всѣ начинаютъ ея исторію съ Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемиръ и Тредьяковскій не были основателями русской литературы, ихъ труды нѣкоторымъ образомъ были какъ-бы предисловіемъ къ ея основанію. Оба они, особенно послѣдній, брались за то, за что̀ прежде всего должно было взяться; но оба они не имѣли достаточныхъ средствъ для выполненія предлежавшаго имъ дѣла. Впрочемъ, къ Кантемиру это относится гораздо-меньше, чѣмъ къ Тредьяковскому: Кантемиръ не столько начинаетъ собою исторію русской *литературы*, сколько заканчиваетъ періодъ русской *письменности*. Кантемиръ писалъ такъ-называемыми силлабическими стихами, — размѣромъ, который совершенно несвойственъ русскому языку; но этотъ размѣръ существовалъ на Руси задолго до Кантемира. Онъ зашелъ къ намъ изъ Польши чрезъ Малороссію, въ XVI столѣтіи. Этимъ размѣромъ писали и Петръ-Могила, и Димитрій-Ростовскій, и Симеонъ-Полоцкій; но ихъ стихи были духовнаго содержанія, не блестѣли поэзіею и отличались однажды-навсегда-принятою и неподвижною реторическою формою; Кантемиръ же *первый* началъ писать стихи, тѣмъ же силлабическимъ размѣромъ, но содержаніе, характеръ и цѣль его стиховъ были уже совсѣмъ-другіе, нежели у его предшественниковъ на стихотворческомъ поприщѣ. Кантемиръ началъ со-

бою исторію свѣтской русской литературы. Вотъ почему всѣ, справедливо считая Ломоносова отцомъ русской литературы, въ то же время не совсѣмъ безъ основанія Кантемиромъ начинаютъ ея исторію. Не смотря на страшную устарѣлость языка, которымъ писалъ Кантемиръ, не смотря на бѣдность поэтическаго элемента въ его стихахъ, Кантемиръ своими сатирами воздвигъ себѣ маленькій, скромный, но тѣмъ не менѣе безсмертный памятникъ въ русской литературѣ. Имя его уже пережило много эфемерныхъ знаменитостей, и классическихъ и романтическихъ, и еще переживетъ ихъ многія тысячи. Этотъ человѣкъ, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свелъ поэзію съ жизнію,—тогда-какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ надолго. Поэзія Кантемира уже по тому одному, что она была сатирическою, не могла быть реторическою. Не только при Кантемирѣ, но и гораздо спустя послѣ него, русская литература могла, еслибъ поняла свое положеніе, смѣяться и осмѣивать, а между-тѣмъ она больше восторгалась и надувалась. Впрочемъ, дѣйствительность таки-взяла свое,—и русская литература какъ-то, сама-собою, безсознательно, раздѣлилась на *сатирическую* и *реторическую*. Значительная часть сочиненій Сумарокова въ сатирическомъ родѣ,—и, не смотря на тупость и аляповатость сатирической музы этого

неутомимаго писателя, стремившагося къ всеобъемлемости, и ничего необнявшаго, его нападки на подъячихъ не были безполезны: если онѣ не исправляли нравовъ, за то поддерживали въ обществѣ сознаніе, что порокъ есть все-таки порокъ, хотя бы онъ былъ и неизбѣжнымъ зломъ. Слѣдовательно, благодаря, можетъ-быть, заслугѣ одной только литературы, у насъ зло не смѣло называться добромъ, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамѣренностью, какъ это всегда водилось и теперь водится, напримѣръ, въ Китаѣ. И могло ли это быть у насъ иначе, если сатирическое направленіе, со временъ Кантемира, сдѣлалось живою струею всей русской литературы? Не говоря уже о Фонвизинѣ, котораго превосходный талантъ былъ по преимуществу сатирическій, — самъ Державинъ, который, по духу своего времени, реторическую превыспренность считалъ за-одно съ поэзіею, — заплатилъ большую дань сатирѣ. И еще далеко не успѣлъ блестящій лирикъ вѣка Екатерины допѣть своихъ громозвучныхъ одъ, какъ явился на Руси національный баснописецъ — Крыловъ. Это сатирическое направленіе, столь важное и благодѣтельное, столь живое и дѣйствительное для общества, въ которомъ такъ странно боролась прививная европейская форма съ азіатскою сущностью родной старины, — это *сатирическое* направленіе никогда не прекращалось

въ русской литературѣ, но только переродилось въ *юмористическое*, какъ болѣе-глубокое въ технологическомъ отношеніи и болѣе-родственное художественному характеру новѣйшей русской поэзіи.

Послѣ этого идетъ бѣглый очеркъ жизни Кантемира, составленный по книгѣ Беера. Изложивши біографію, Бѣлинскій продолжаетъ:

Въ 1739 году, написалъ Кантемиръ свою первую сатиру, слѣдовательно, ровно за *десять* лѣтъ до первой оды Ломоносова *(на взятіе Хотина)*, написанной новымъ размѣромъ. Это едва-ли не лучшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Она была направлена противъ обскурантовъ (людей, одержимыхъ болѣзнію мракобѣсія), враговъ просвѣщенія, словомъ, славянофиловъ того времени. Въ ней, какъ и во всѣхъ сатирахъ Кантемира, нѣтъ ни жолчнаго негодованія, ни бурнаго паѳоса; но въ ней много ума, много комической соли, и есть одушевленіе, тихое, ровное, но постоянно-выдерживаемое. Кантемиръ не бичуетъ, а только сѣчетъ обскурантовъ. Оно и естественно: сатира страстная, грозная, бѣшеная, вооруженная свитымъ изъ змѣй бичомъ, сатира въ образѣ Немезиды, бросающей молніи изъ очей, съ пѣною у рта, такая сатира возможна только или у народа, который уже пережилъ самого-себя, для котораго уже нѣтъ ни выхода, ни будущаго, или у народа, который еще полнъ свѣжихъ силъ жизни,

но уже сознал причины, которыя удерживают его стремленіе на пути дальнѣйшаго развитія. Ни то, ни другое положеніе не могло относиться къ Россіи временъ Кантемира. Прогрессъ, который тогда для нея былъ возможенъ, весь заключался больше въ формѣ, нежели въ духѣ, слѣдовательно, былъ слишкомъ-внѣшенъ, и потому не могъ имѣть слишкомъ-сильныхъ и опасныхъ враговъ. Эти враги были больше смѣшны, нежели страшны, и для нихъ нуженъ былъ не свистящій бичъ ювеналовской сатиры, а легкая лоза насмѣшки и ироніи. И въ этомъ отношеніи, сатиры Кантемира были именно такими, какія тогда были нужны и могли быть полезны. Первая сатира, *На хулящихъ Ученіе*, особенно богата смѣшными чертами и вѣрными снимками съ общества того времени. Послѣ обращенія *къ уму* слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго общества, написанныхъ мастерскою кистію. Поэтъ заставляетъ невѣждъ, подъ вымышленными именами, говорить филиппики противъ просвѣщенія. И каждый изъ этихъ антагонистовъ свѣта Божія, высказывается сообразно своему характеру, и ни одинъ изъ нихъ не повторяетъ другаго.

Вторая сатира, *Филаретъ и Евгеній*, написанная мѣсяца черезъ два послѣ первой, нападаетъ «на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ.» Это, впрочемъ, чуть ли не слабѣйшая изъ всѣхъ сатиръ

Кантемира. Въ ней больше разсужденій, больше морали, нежели жолчи. Впрочемъ, и въ ней есть мѣста замѣчательныя: напримѣръ картина жизни фата, или льва того времени (стх. 135 — 157) *.

Дальнѣйшее описаніе облаченія фата, и въ особенности слова сатирика на-счетъ того, какъ хорошо воспользовался фатъ своимъ путешествіемъ по Европѣ, чрезвычайно-забавны, за исключеніемъ устарѣлаго языка, слога и силабическаго стихосложенія. Пусть читатели сами повѣрятъ справедливость нашихъ словъ, прочтя эту сатиру всю, а мы выпишемъ изъ нея еще вотъ эти стихи:

Бѣдныхъ слезы предъ тобой льються, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; . . . .
. . . .
. . . .
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ изтощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стало ему золото кучи, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ конецъ видѣть скорой.
(Сат. II. ст. 289 — 292).

Въ этомъ отрывкѣ есть стихи (не указываемъ на нихъ: человѣческое чувство читателя ихъ угадаетъ

* 23 стр. нашего изданія.

и безъ насъ), которые могутъ служить торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что наша литература, даже въ самомъ началѣ ея, была провозвѣстницею для общества всѣхъ благородныхъ чувствъ, всѣхъ высокихъ понятій. Да̀, она умѣла не только льстить, но и выговаривать святыя истины о человѣческомъ достоинствѣ. Самая лесть у ней была не столько убѣжденіемъ, сколько, во-первыхъ, подчиненіемъ всѣми принятому обычаю, а во-вторыхъ, реторическою манерою. До поэзіи достигала она, и у самого Державина, только тамъ, гдѣ онъ переставалъ быть поэтомъ въ духѣ времени и становился просто человѣкомъ. Простимъ же ей — нашей старой литературѣ, ея грѣхи, вольные и невольные, и будемъ ей благодарны за то, что она, была воспитательницею юнаго, созданнаго Петромъ-Великимъ общества, отъ Кантемира до нашихъ временъ.

Третья сатира, *Къ Ѳеофану, епископу новгородскому*, написанная въ 1730 году, разсуждаетъ о различіи страстей человѣческихъ. Тутъ осмѣиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы, завистники и т. п. Въ *четвертой* сатирѣ, написанной въ 1731 году, Кантемиръ, спрашиваетъ свою музу, не пора ли имъ перэстать писать сатиры?

. . . . . . Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя черезчуръ смѣла.

Ты (говоритъ онъ своей музѣ), смѣло хулишь и находишь свое веселіе въ томъ, чтобы бѣсить злыхъ, «а я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье». Одинъ (продолжаетъ сатирикъ) хочетъ потянуть меня къ суду, что нападая на пьяницъ «умаляю кружальные доходы»; другой, похваляясь, что отъ доски до доски прочелъ Библію острожской печати, убѣдился изъ нея, что «во мнѣ нечистый духъ злословитъ бороду»; третій сердится, что нападаю на взятки. Тогда сатирикъ, желая перемѣнить грубый тонъ на вѣжливый, начинаетъ иронически хвалить глупцовъ и негодяевъ; но это доводитъ его до сознанія, что онъ не умѣетъ и въ шутку хвалить того, что̀ считаетъ дурнымъ.

Пятая сатира, *Сатиръ и Періергъ*, написанная въ 1737 году, въ Лондонѣ, устремлена «на человѣческія злонравія вообще». Ея форма очень-изъисканна, и въ цѣломъ она скучна; но подробности есть удивительныя, какъ, напримѣръ, это мѣсто:

Болваномъ Макаръ вчера казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить, или таскать воду;
О безуміи его худая шла повѣсть,
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ его плоху совѣсть.

Улыбнулося тому жъ счастіе Макару, —
И сегодня временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подпару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму чудному наперерывъ дивится,
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ.
Поправить взглядомъ однимъ все умѣетъ.
Чѣмъ бывшій глупецъ предъ нимъ народъ весь
озлобилъ:
Богъ въ благополучіе ваше его собилъ.

За тѣмъ слѣдуетъ краткое изложеніе содержанія остальныхъ сатиръ и перечень другихъ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій, послѣ котораго Бѣлинскій говоритъ:

Всѣ эти стихотворные, равно какъ и прозаическіе труды Кантемира, очень-важны, какъ первые опыты, которые должны были и другихъ подвигнуть къ литературной дѣятельности; важны они еще и какъ первый памятникъ тяжелой борьбы умнаго ученаго и даровитаго писателя съ трудностями языка не только неразработаннаго, но и не тронутаго подобно полю, которое, кромѣ дикихъ самородныхъ травъ, ничего не произращало. Перо Кантемира было первымъ плугомъ, который прошелъ по этому полю. Скажутъ: у насъ и до Кантемира была словесность. Такъ, но какая? теологически-схоластическая, или лѣтописная, или, наконецъ, состоявшая изъ произведеній народной поэзіи. Но честь усилія — найдти

на русскомъ языкѣ выраженіе для идей, понятій и предметовъ совершенно-новой сферы — сферы европейской, принадлежитъ прямѣе всѣхъ Кантемиру. И еще большее и высшее значеніе имѣютъ его сатиры. Здѣсь Кантемиръ является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою того Петра-Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣлся еще въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россіи, приготовлено имъ же. О, какъ бы горячо обнялъ великій преобразователь Россіи двадцатилѣтняго стихотворца, если бы дожилъ до его первой сатиры! Но за Петра это сдѣлалъ одинъ изъ птенцовъ его орлинаго гнѣзда — Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сатиры Кантемира — подражаніе и, большею частію, то переводъ, то передѣлка, сатиръ Горація, Буало и, частію, Ювенала; но тѣмъ не менѣе, онѣ — въ высшей степени оригинальныя произведенія: такъ умѣлъ Кантемиръ примѣнить ихъ къ быту и потребностямъ русскаго общества! Онъ не нападаетъ въ нихъ на пороки, свойственные созрѣвшимъ, или перезрѣвшимъ цивилизаціямъ: нѣтъ, онъ нападаетъ, на фанатизмъ невѣжества, на предразсудки современнаго ему русскаго общества. Во второй сатирѣ, онъ осмѣиваетъ дворянскую спѣсь - порокъ, столько

же свойственный Русскимъ, сколько и всякому другому народу въ Европѣ; но колоритъ этого порока равно какъ манера нападать на него, въ его сатирѣ — чисто-русскіе. Короче: подражая Горацію и Буало, Кантемиръ до того обрусилъ ихъ въ своихъ сатирахъ, что аббатъ Гуаско не усомнился перевести ихъ на французскій языкъ, какъ произведенія которыя для Французовъ могли имѣть всю прелесть оригинальности. И вотъ въ чемъ состоитъ великая заслуга Кантемира не только передъ русскимъ языкомъ, или русскою литературою, но и передъ русскимъ обществомъ его времени. Теперь вопросъ: какъ велико было вліяніе сатиръ Кантемира на русское общество, въ которомъ грамотность была мало распространена, а о литературности не было и помина? Сатиры Кантемира изданы гораздо-послѣ его смерти (въ 1762 году), но съ его собственноручнаго списка, посланнаго имъ, изъ Парижа, къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, съ посвященіемъ ей. Онѣ снабжены многочисленными подробными примѣчаніями въ выноскахъ, кѣмъ писанными — неизвѣстно, но кажется, не самимъ Кантемиромъ. При каждой сатирѣ, въ примѣчаніи говорится: *издана* въ такое-то время; но кажется, здѣсь слово *издана* значитъ ни больше, ни меньше, какъ — *написана*, и при жизни Кантемира, кажется, ни одна сатира его не была напечатана. Но тѣмъ не менѣе не под-

вержено никакому сомнѣнію, что сатиры Кантемира, какъ и всѣ его стихотворныя произведенія, пользовались большою извѣстностью въ обществѣ того времени. Самъ Кантемиръ говоритъ о большомъ успѣхѣ его любовныхъ пѣсень. Рукописныя сатиры свои онъ прислалъ императрицѣ: значитъ, онѣ были ей извѣстны и прежде, а если такъ: значитъ, на нихъ всѣ смотрѣли, какъ на что-то важное. Если ихъ читала императрица, то читалъ и дворъ. Сверхъ того, онѣ нашли себѣ большую извѣстность и большое одобреніе въ духовенствѣ, между которымъ было тогда много людей ученыхъ и образованныхъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ до того былъ восхищенъ первою сатирою Кантемира, что написалъ къ ихъ автору, не зная его, извѣстное посланіе, которое начинается стихомъ: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый», и которое дышитъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Новоспасскій архимандритъ Ѳеофилъ-Кроликъ привѣтствовалъ Кантемира тоже посланіемъ въ стихахъ, только на латинскомъ языкѣ. О чемъ говорятъ и чѣмъ интересуются высшіе представители общества по уму, образованности и знатности, — о томъ, разумѣется, говоритъ и общество. По-этому, очень могло быть, что сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать въ спискахъ по всей Россіи, между грамотнымъ народомъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ сатирахъ Кантемира почти вовсе нѣтъ, или

есть очень мало реторики, что въ нихъ говорится только о томъ, что̀ у всѣхъ было передъ глазами, и говорится не только русскимъ языкомъ, но и русскимъ умомъ. Въ жизнеописаніи Кантемира сказано, что всѣ сатиры его имѣли большой успѣхъ, и что «многіе его стихи вошли въ пословицы». И не мудрено: въ сатирахъ Кантемира попадаются стихи до того забавные и наивно-остроумные, что невольно остаются въ памяти. Таковы, на-примѣръ, эти два стиха въ первой сатирѣ:

И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.

Таковы же стихи, которые приведемъ мы изъ разныхъ сатиръ:

Ябеда и ея другъ дьякъ или подъячій.

—

Пространный столъ, что̀ семьѣ поповской съѣсть не трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось ѣство скудно.

—

Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода.

Послѣдній стихъ невольно приводитъ на памятъ стихи Грибоѣдова:

Извѣстья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Кантемиръ, по своему болѣзненному сложенію, меланхолическому характеру, былъ наклоненъ къ нравственному дидактизму. Немножко-суровый моралистъ (что̀ доказываетъ его раскаяніе въ любовныхъ пѣсняхъ) и весьма-остроумный человѣкъ, Кантемиръ любилъ только избранное общество, слѣд. не любилъ общества вообще, которое оскорбляло его своими пороками и недостатками; такой характеръ предполагаетъ раздражительность и любовь къ уединенію. Всѣ эти обстоятельства необходимо дѣлали Кантемира сатирикомъ. Но языку, неточному, неопредѣленному, по конструкціи часто запутанной, не говоря уже о страшной устарѣлости въ наше время того и другаго, по стихсложенію, столь несвойственному русской просодіи, сатиры Кантемира нельзя читать безъ нѣкотораго напряженія, тѣмъ болѣе нельзя ихъ читать много и долго. Но, не смотря на то, въ нихъ столько оригинальности, столько ума и остроумія, такія яркія и вѣрныя картины тогдашняго общества, личность автора отражается въ нихъ такъ прекрасно, такъ человѣчно, что развернуть изрѣдка старика Кантемира и прочесть которую-

нибудь изъ его сатиръ есть истинное наслажденіе. По-крайней-мѣрѣ, для меня гораздо-легче и пріятнѣе читать сатиры Кантемира, нежели громозвучныя оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многія оды Державина (какъ на-примѣръ: *На взятіе Измаила*, *Цѣленіе Саула*, и т. п.); отъ всѣхъ этихъ одъ и поэмъ можно заснуть, а отъ сатиръ Кантемира проснуться... Вообще, для меня, Кантемиръ и Фонвизинъ, особенно послѣдній, самые интересные писатели первыхъ періодовъ нашей литературы: они говорятъ мнѣ не о заоблачныхъ превыспренностяхъ по случаю площечныхъ иллюминацій, а о живой дѣйствительности, исторически существовавшей, о нравахъ общества, которое такъ непохоже на наше общество, но которое было ему роднымъ дѣдушкою...

Посвященіе сатиръ Кантемира императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, по своему изобрѣтенію, напоминаетъ оду Державина: «По слѣдамъ Анакреона».

5. **ГАЛАХОВЪ АЛ. ДМ.** *Сочин. Кантемира, изд. Смирдина. Отеч. Зап. на 1848, No XI, Ноябрь.*

Кантемиръ, какъ писатель, имѣетъ близкое отношеніе къ великому подвигу Преобразователя Россіи: можно ли говорить о сочиненіяхъ одного, не зная сущности и послѣдствій преобразованія, произведеннаго другимъ?

Но мы не будемъ распространяться ни о сущности, ни о послѣдствіяхъ преобразованія: мы коснемся ихъ на столько на сколько нужно для объясненія литературнаго значенія Кантемира.

Два именованія, въ которыя исторія облекла Петра Великаго, совершенно ясно характеризуютъ дѣло его царствованія. Онъ называется и Просвѣтителемъ и Преобразователемъ Россіи, — и нѣтъ надобности различать эти два названія. Просвѣтивъ своихъ подданныхъ, онъ не только вывелъ на свѣтъ Божій скрывавшееся во тьмѣ, но и далъ освѣщенному новый образъ. Поэтому преобразованіе его состоитъ въ просвѣщеніи, или, наоборотъ: просвѣщеніе есть преобразованіе.

У просвѣщенія два рода враговъ. Старая жизнь, которая стремится сохранить себя цѣлою и невредимою; второй врагъ—дальнѣйшія, послѣднія слѣдствія преобразованія, его крайность. Къ высшимъ предѣламъ просвѣщенія приводитъ само просвѣщеніе въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, и приводитъ путемъ логическимъ, необходимымъ; стремленіе насильственное вооружаетъ противъ себя не только старую жизнь, но и то избранное общество, которое хочетъ не конечныхъ, а извѣстныхъ результатовъ преобразованія, его опредѣленнаго размѣра, соотвѣтствующаго потребностямъ времени.

Есть и третья враждебная сила, вырастающая, подобно плевеламъ, на полѣ улучшеній, рядомъ съ пшеницей; это тѣ, которые, совсѣмъ не понимая преобразованія, или дурно его понимая, предпочитаютъ форму содержанію, усвоиваютъ себѣ только наружныя отличія образованія, оставаясь въ сущности невѣждами. Ихъ подражаніе образованнымъ согражданамъ состоитъ въ пустой переимчивости поверхностнаго, въ заимствованіи нѣкоторыхъ обычаевъ у просвѣщеннаго общества. Это — невѣжды другаго сорта: истинное просвѣщеніе видитъ въ нихъ зло, можетъ-быть, необходимое, но тѣмъ неменѣе препятствующее правильному его ходу. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, они безобразнѣе закоснѣлыхъ противниковъ умственнаго свѣта, ибо все то безобразно, въ чемъ нѣтъ соотвѣтствія между внутреннимъ и внѣшнимъ.

Въ краткій періодъ времени, протекшій между дѣйствіями Петра и появленіемъ сатиръ Кантемира (первая сатира написана въ 1729 г.), реформа Петра могла имѣть только два рода враговъ: съ одной стороны, ненавистники просвѣщенія, хулители наукъ; съ другой — люди, дурно понявшіе идею Преобразователя Россіи. Если закоснѣлые поборники стараго всею силою упорства противодѣйствовали ходу образованія; то не менѣе противодѣйствовали ему, хотя другимъ образомъ, уклонившіеся въ сто-

рону отъ главной дороги, исказившіе смыслъ улучшеній, — люди, принявшіе заимствованіе внѣшнихъ европейскихъ обычаевъ за сущность дѣла. Если тамъ находились ханжа Критонъ, прикрывавшій себя религіозной ревностью, дворянинъ Сильванъ, ставившій доходы выше науки, пьяница Лука, любившій пиры и веселья; то здѣсь, въ кругу внѣшняго полуобразованія, въ кругу людей новаго поколѣнія, непонявшихъ реформы, народились Медоры, которые умѣли только завивать кудри, цѣнили фунтъ пудры выше Сенеки и увѣрены были, что передъ сапожникомъ Егоромъ Виргилій не стòитъ двухъ денегъ, и что похвала приличнѣе портному Рексу, нежели Цицерону. Въ этомъ новомъ, но также невѣжественномъ поколѣніи, судья хотя и вздѣвалъ парикъ съ узлами; однакожъ этотъ нарядъ не мѣшалъ ему бранить того, кто просилъ съ пустыми руками, презирать жестокимъ сердцемъ слезы бѣдныхъ и спать на стулѣ въ то время, когда дьякъ читалъ выписку изъ дѣла....

Придворныя партіи, въ царствованіе Петра Втораго, также выражали два порядка вещей. Одни противоборствовали нововведеніямъ, еще предъ кончиною Петра Великаго имѣя намѣреніе возстановить старые обычаи, уничтоженные Преобразователемъ Россіи. Другіе сочувствовали идеямъ Петра. Къ послѣднимъ принадлежали: Ѳеофанъ Прокопо-

вичъ, князь Трубецкой, принцъ гессен-гомбурскій Лудовикъ, князь Черкасскій и другіе.

Въ такое-то время началъ писать Кантемиръ, раздѣлявшій образъ мыслей второй партіи. Съ чѣмъ же онъ явился? какой родъ произведеній выбралъ?....

Литература — выраженіе жизни въ словѣ. Но въ жизни двѣ стороны: свѣтлая и темная; слѣдовательно, литература можетъ выражать ту или другую сторону. Общество Кантемировой эпохи состояло тоже изъ свѣта и тьмы. Свѣтъ — постепенно развивавшееся образованіе; тьма — вражда къ просвѣщенію. Почему Кантемиръ выбралъ матеріаломъ для своихъ произведеній послѣднее, а не первое — порицаніе, а не похвалу?

Такой выборъ имѣлъ три побужденія.

Первое заключается въ самомъ писателѣ, въ данныхъ его характера. По врожденной наклонности, человѣкъ становится Демокритомъ или Гераклитомъ: смѣется или плачетъ, видитъ жизнь, достойную слезъ, или жизнь, достойную смѣха. Въ поэзіи то же, что̀ въ философіи: тогда какъ одинъ поэтъ приходитъ въ восторгъ отъ успѣшнаго хода человѣческихъ дѣяній, другой смотритъ на другую сторону медали, и негодуетъ или смѣется — негодуетъ на пороки и невѣжество, смѣется надъ глупостью и странностями. Кантемиръ пишетъ сатиры, Ломоносовъ, почти вслѣдъ за нимъ — торжественныя оды и героическую

поэму. Державинъ и Фонвизинъ, современники, идутъ неодинаковыми путями, Державинъ—попреимушеству поэтъ лирическій: онъ - пѣвецъ славы екатеринина вѣка; Фонвизинъ—писатель по-преимуществу сатирическій: онъ-каратель невѣжества и полуобразованія того же вѣка. Какъ у Державина негодованіе, насмѣшка облекаются въ лирическій покрой, проникаются возвышеннымъ тономъ, такъ у Фонвизина къ возвышеннымъ чувствамъ прилаживается покрой сатирическій, примѣшивается остроуміе, желаніе ухватиться за предметъ насмѣшки. У перваго сатиры выходятъ одами, составляя какой-то особенный, оригинальный родъ, оды-сатиры; у послѣдняго, оды переходили бы часто въ сатиры, еслибъ онъ писалъ оды, и мы имѣли бы другой особенный поэтическій родъ: сатиры-оды.

Второе побужденіе дано обществомъ, которое окружало писателя. Различные характеры эпохъ требуютъ различныхъ поэтическихъ формъ. Состояніе общества, современнаго Кантемиру, можно назвать борьбою невѣжестства съ просвѣщеніемъ, старой жизни съ новою — а такая борьба требуетъ, для выраженія своего, сатиры. Батюшковъ метко указалъ это вліяніе современныхъ потребностей на выборъ поэтической формы.

Вотъ что заставляетъ онъ говорить Кантемира: «Петръ-Великій, преобразуя Россію, старался пре-

«образовать и нравы: новое поприще открылось на-«блюдателю человѣчества и страстей его. Мы уви-«дѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе стари-«ны и новизны, двѣ стихіи въ безпрестанной борь-«бѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, «новый родъ жизни, новый языкъ не могли еще из-«мѣнить древнихъ людей, изгладить древній харак-«теръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое платье, «оставались съ прежними предразсудками, съ древ-«нимъ упрямствомъ, и тѣмъ казались еще страннѣе; «другіе, отложа бороду и длинный кафтанъ праотече-«скій, съ платьемъ европейскимъ надѣвали всѣ пороки, «всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей «любезности и людскости занять не умѣли. Гордость «и низость, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный «развратъ, скупость и расточительность неимовѣр-«ная: однимъ словомъ, страсти, по всему противо-«положныя, сливались чудеснымъ образомъ и пред-«ставляли новое зрѣлище равнодушному наблюдате-«лю и философу, который только ощупью, и съ «Гораціемъ въ рукахъ, могъ отыскать счастливую «средину вещей *».

Третье побужденіе могло выйдти изъ подража-тельности. Горацій былъ любимецъ Кантемира, ко-торый отъискивалъ съ нимъ «златую средину ве-щей»; Буало считался въ то время не только пер-

* Соч. въ прозѣ и стих. 1 — 92 и 93.

вымъ сатирикомъ, но и законодателемъ въ наукѣ стихотворства. Хорошо знакомый съ тѣмъ и другимъ, Кантемиръ могъ, конечно, предпочесть выбранную имъ форму всѣмъ прочимъ поэтическимъ формамъ изъ уваженія или особеннаго пристрастія къ громкому имени Горація, и еще болѣе къ громкому имени Буало, о которомъ восторженные Французы говорили: «il était destiné à éclairer son siècle».

Руководимый этими побужденіями, Кантемиръ выбралъ, для выраженія своихъ мыслей, сатиру. Раскроемъ же основаніе и сущность сатирической поэзіи.

Во глубинѣ души нашей существуютъ два различные рода чувствъ, соотвѣтственно двумъ различнымъ родамъ предметовъ, возбуждающихъ чувство. Мы любимъ, во всѣхъ видахъ и на всѣхъ степеняхъ, истину, благо, изящество, и въ той же мѣрѣ ненавидимъ, во всѣхъ видахъ и на всѣхъ степеняхъ, ложь, безобразіе, зло. Поэзія, выразительница душевныхъ ощущеній, распадается также на два рода: содержаніе одного—чувство ненависти и презрѣнія, содержаніе другаго — чувство любви, глубокая симпатія. Первый получилъ названіе сатирическаго. Его законность видна изъ его происхожденія. Чувство сатирика такой же существенный, неизбѣжный элементъ поэзіи, какъ чувство поэта эпическаго, автора одъ и элегій. Порицаніе такъ же умѣстно, какъ и

похвала, презрѣніе къ пороку стоитъ наряду съ гимномъ добродѣтели, осмѣяніе лжи наравнѣ съ уваженіемъ къ истинѣ, образъ безобразія съ идеаломъ красоты, Ахиллъ подлѣ Терсита.

Истинное просвѣщеніе направляетъ чувство сатирическое, указываетъ ему цѣль дѣйствій. Оно начертываетъ въ душѣ сатирика «идеалъ нравственнаго достоинства» нашего, образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Съ понятіемъ о нравственномъ достоинствѣ сличаетъ онъ современное общество, чтобъ видѣть мѣру его приближенія къ идеалу, или мѣру его удаленія отъ идеала. И когда передъ глазами его происходятъ такія явленія, въ которыхъ унижается достоинство человѣка, оскорбляется живущая въ немъ искра божества, попирается ногами образъ его высокаго происхожденія; тогда въ душѣ сатирика возстаетъ чувство человѣческаго достоинства, и въ потокѣ язвительной ироніи онъ изливаетъ ропотъ своего негодованія. Онъ караетъ отступленія отъ нравственнаго долга, отмщаетъ за поруганное достоинство человѣка.

Говоря собственно, выраженіе презрѣнія къ нравственному безобразію человѣка не разнится, по сущности своей и цѣли, отъ выраженія глубокаго сочувствія къ его нравственному величію. Различіе только въ способахъ выражать прекрасное жизни. Можно выражать его прямо, показывая положитель-

ные признаки изящества, или изображать непрямо, обращаясь къ предметамъ, противоположнымъ изяществу. Ода, эпопея вдохновляются достоинствами общества, улучшеніемъ людей, знаками нравственнаго совершенствованія; сатирикъ, въ томъ же обществѣ, въ тѣхъ же людяхъ, казнитъ противорѣчія достоинствамъ, уклоненія отъ совершенства. У обоихъ цѣль одна — только пути къ цѣли различны: одинъ дѣйствуетъ отрицательнымъ образомъ, другой положительнымъ. Одинъ изображаетъ такихъ людей, какими не должны быть они; другой представляетъ людей, какъ они должны быть. Но тамъ и здѣсь читатель приводится къ одной метѣ, потомучто видѣть идеалъ нравственнаго достоинства значитъ понимать всякое отъ него уклоненіе, и наоборотъ: видѣть уклоненіе отъ идеала значитъ понимать его. Одинаковость дѣйствія, при различіи способовъ, можно выразить слѣдующею формулой: отрицанія сатиры равны положеніямъ другихъ поэтическихъ родовъ. Поэтому, у греческихъ писателей было обыкновеніе выражать одну и ту же идею двояко: сначала въ формѣ отрицательной, потомъ и въ форьмѣ положительной.

Управляемый своимъ идеаломъ, сатирикъ черпаетъ въ немъ вдохновеніе каждый разъ, когда люди нарушаютъ нравственный долгъ. Вдохновеніе, дѣйствующее въ одѣ, свободно; оно такъ нераздѣльно съ

своимъ предметомъ, что не имѣетъ нужды ни въ какой задней мысли. Вдохновеніе сатирика необходимо раздѣляется между предметомъ, его возбуждающимъ, и между тѣмъ идеаломъ, который носитъ поэтъ въ душѣ своей. Отсюда иронія, проникающая сатиру. Смотря по предмету, сатирѣ можетъ иногда недоставать огня, сильнаго одушевленія, но иронія неразлучна съ нею. Въ послѣднемъ случаѣ, сатира переходитъ изъ патетической или карающей, какъ называетъ ее Шиллеръ, въ шутливую. Первая обращена къ великимъ противорѣчіямъ нравственности, къ важнымъ вопросамъ жизни, къ тѣмъ ея явленіямъ, въ которыхъ прямо унижается достоинство человѣческой природы: отсюда ея строгій, угрожающій тонъ, ея сила и возвышенность. Предметъ второй составляютъ частные случаи въ жизни, мелкія уклоненія отъ законовъ разумной природы, которыя скорѣе вызываютъ улыбку, нежели возбуждаютъ гнѣвъ: отсюда ея шутливый, насмѣшливый тонъ, ея остроуміе, замѣняющее здѣсь силу одушевленія.

Эти два рода сатиры удачно обозначены стихами Баратынскаго:

Полезенъ обществу сатирикъ безпристрастный;
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ:

То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содроганье,
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надутаго глупца.

Изъ всего, нами сказаннаго, очевидна важность сатирическаго рода и современное значеніе сатирика, управляемаго благороднымъ образомъ мыслей. Вмѣстѣ съ этимъ, очевидно неосновательное мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ «изобрѣтеніе» сатиры тому или другому народу, вмѣсто того, чтобъ искать ея начала въ духѣ человѣческомъ. Пускай поэтъ Горацій называетъ сатиру стихотвореніемъ, неизвѣстнымъ Греціи, а риторъ Квинтиліанъ говоритъ: «Satira tota nostra est» — ихъ патріотическое или поэтическое увлеченіе можетъ присвоить себѣ только названіе рода, а не самый родъ. Сатира находится во всѣхъ извѣстныхъ литературахъ, или какъ особенное стихотвореніе, или какъ элементъ, входящій въ эпопею, оду, пѣсню. Между произведеніями санскритской литературы есть поэмы исключительно-сатирическія; значительная часть древнѣйшаго литературнаго памятника въ Китаѣ, «Книги Стиховъ,» состоитъ изъ сатиръ. У Грековъ, сатира явилась вмѣстѣ съ появленіемъ поэзіи. Аристотель положительно говоритъ объ одной сатирической поэмѣ, современной «Иліадѣ и Одиссеѣ» и давшей начало комедіи, тогда-какъ изъ двухъ по-

слѣднихъ произошла трагедія. Мы не имѣемъ нужды исчислять здѣсь сатириковъ у разныхъ народовъ и ихъ произведенія. Намъ хотѣлось только замѣтить, ка̀къ неосновательно общую принадлежность человѣка приписывать одному какому-нибудь человѣку или народу.

Перейдемъ теперь къ Кантемиру. Сатира, какъ и всякое поэтическое произведеніе, можетъ разсматриваться по содержанію и по формѣ.

Содержаніемъ сатиръ его служитъ выраженіе негодованія или насмѣшки, вызванныхъ врагами петровой реформы. Враговъ этихъ было два рода: приверженцы старины, нехотѣвшіе вовсе принять идеи Великаго Преобразователя, и безсмысленные послѣдователи новизны, плохо или даже превратно понимавшіе характеръ преобразованій. Кантемиръ преимущественно вооружается противъ первыхъ; однакожь есть у него злыя выходки и противъ вторыхъ.

Въ этомъ отношеніи, чрезвычайно любопытны стихи второй сатиры отъ 135 до 187-го *: они содержатъ въ себѣ яркое описаніе современнаго щеголя, вѣрную копію тѣхъ верхоглядовъ, которые посѣтивъ чужіе краи, усвоили себѣ одинъ внѣшній блескъ европейской жизни, выучились только умѣнью одѣваться по модѣ, да искусству пировать.

Но бо̀льшая часть негодованія и насмѣшекъ обращена Кантемиромъ на упорство старины. Бичомъ

* См. 23 и 24 стр. нашего изданія.

своей сатиры преслѣдуетъ онъ въ особенности тѣхъ, которые, по словамъ Ѳеофана, «не любили ученой дружины.» Онъ зналъ, что передовое зло времени гнѣздилось въ невѣжествѣ, и потому первая сатира его, написанная въ 1729 г., на двадцатомъ году возраста, преслѣдуетъ обскурантовъ, т. е. поклонниковъ умственной тьмы. Въ хронологическомъ порядкѣ появленія сатиръ есть разумная послѣдовательность: она объясняется состояніемъ общества, его пороками, болѣе или менѣе важными. Вражда къ просвѣщенію была главнымъ чувствомъ старой жизни, и Кантемиръ прежде всего осмѣиваетъ тѣхъ своихъ согражданъ, которые проповѣдовали безполезность наукъ. Даже внутреннее достоинство его произведеній совпадаетъ съ важностью общественнаго блага, во имя котораго онъ ратовалъ, съ силою общественнаго зла, противъ котораго ратовалъ: сатира его, первая по времени, есть въ то же время первая и по литературному значенію; она беретъ преимущество надъ прочими силою правдивыхъ укоризнъ. За невѣжествомъ шло ближайшее, непосредственное его слѣдствіе — превратное понятіе о достоинствѣ человѣка: внѣшнее предпочиталось внутреннему, случайное существенному. При завязавшейся послѣ Петра борьбѣ стараго съ новымъ, рѣзко обнаружилось различіе понятій объ истинномъ достоинствѣ человѣка: эти понятія выражены второю сатирою «Объ истинномъ благородствѣ».

Разсмотримъ обѣ сатиры по содержанію и по формѣ, сохраняя тотъ же порядокъ и при анализѣ остальныхъ.

Первая направлена противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки; почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: «На хулящихъ ученіе.» Но это названіе, заимствованное отъ содержанія пьесы, замѣнено потомъ другимъ: «Къ уму моему», взятымъ отъ формы изложенія. Во внѣшнемъ отношеніи, Кантемиръ видимо подражалъ девятой сатирѣ Буало: «A son ésprit», въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого-себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные сатирическіе пріемы сообщаютъ автору ловкій способъ изображать людскіе пороки и глупость. Сатирикъ какъ бы умываетъ руки въ изрекаемыхъ имъ приговорахъ и уликахъ. Дмитріевъ употребилъ подобный пріемъ въ «Чужомъ Толкѣ», а князь Вяземскій въ сатирѣ: «Къ перу моему», очевидномъ подражененіи или переводѣ седьмой сатиры Буало (Muse, changeons de style, et quittons la satire).

Сатира начинается обращеніемъ къ «недозрѣлому уму, плоду недолгой науки». Авторъ проситъ его успокоиться, не понуждать къ перу руки: ибо авторство — самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ многими «нетрудными» путями.

За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ. Прежде всѣхъ говоритъ ханжа-Критонъ, невѣжа и суевѣрный. Онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. У Сильвана, «стариннаго скупаго дворянина, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая все то, что̀ къ умноженію его доходовъ не служитъ», другое неудовольствіе на науку:

Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ... (Ст. 43-83) *.

Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, недающаго денегъ, имѣло, между разными невѣжественными доводами, одно достаточное основаніе въ его время: науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ*, какъ самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, *въ лишніе часы*. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ дилеттантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. По различію эпохъ, различаются и гоненія на ученость. Въ «Горе отъ Ума», для пресѣченія зла, совѣтуютъ сжечь книги, потому-что человѣкъ начитанный, подобно Чацкому, можетъ сойдти съ ума въ общественномъ мнѣніи...

---

* См. стр. 4 нашего изданія.

Третій хулитель ученія, румяный Лука, «трижды рыгнувъ», подпѣваетъ:

Наука содружество людей разрушаетъ (сх. 35-107) *.

Конечно, люди созданы для сообщества, и человѣкъ останется безплодною тварью, когда онъ запрется въ чуланъ, забывъ весь свѣтъ для чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучше хорошей книги — это хорошій человѣкъ, и есть нѣчто лучше чтенія хорошей книги — это жизнь съ хорошимъ человѣкомъ. Во времена Кантемира, ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто-бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что онъ подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: «Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностью, которое оно не растворило бы радостью?» Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино

* См. стр. 5 и 6 нашего изданія.

глазами поэта, и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть-можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука такъ же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда-какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому-что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ стихахъ отъ 167—107, * видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ и, разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ.

Наконецъ, четвертый хулитель просвѣщенія, щеголь-Медоръ, — представитель того класса людей, которые, какъ сказано выше, по внѣшности только усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами.

Послѣ такихъ сужденій, которыя автору приходится слышать повседневно, онъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы, ободряетъ похвала, а если, вмѣсто того и другаго, терпишь хулу—что тогда?

* См. стр. 6 нашего изданія.

Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,

. . . .

Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю.

(Стх. 118 120) *.

Предметы для сравненія, какъ всякій видитъ, взяты не изъ-за моря и представлены не иперболически, хотя стихотворная вольность и разрѣшаетъ тропы и фигуры. Въ примѣчаніи объяснено, что купцы «наши» не только въ три, но часто въ пять пудъ хмелю варятъ варю. Изображеніе «нашихъ», т. е. современныхъ Кантемиру типовъ составляетъ самую важную, драгоцѣнную сторону его сатиръ. Удивляться надобно, ка́къ покойный Полевой, иногда удачно понимавшій достоинства и недостатки литераторовъ, могъ написать слѣдующія строки: «Гдѣ вы находите у Кантемира русскій колоритъ, русскіе нравы, русскія повѣрья? Принявъ систему Французовъ, которые передѣлывали древнихъ на французскіе нравы, Кантемиръ перенесъ эту систему на русскій переводъ, или лучше сказать, въ русскую передѣлку. Эти нравы, этотъ колоритъ годятся ко всѣмъ странамъ въ мірѣ, и точно такъ потомъ писали русскія драмы Княжнинъ и Озеровъ.» Или критикъ вовсе не читалъ Кантемира, или хотѣлъ насильственно поддержать свой ложный взглядъ на перваго нашего сатирика!

---

* См. стр. 7 нашего изданія.

Возраженіе ума, какъ дѣйствующаго лица въ сатирѣ, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчи ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому-что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же, четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ легіоны. Между ними видишь (сказано въ примѣчаніи) и тѣхъ, кому Ѳемида ввѣрила золотые вѣсы. Они не любятъ истиннаго украшенія жизни—науки; они знаютъ, что безъ науки можно быть судьею (Стх. 147—157) *.

Любопытны отношенія Ѳеофана Прокоповича къ Кантемиру. Высоко-просвѣщенный пастырь написалъ сатирику похвальные стихи, въ которыхъ выразилъ свое уваженіе къ благороднымъ намѣреніямъ автора. Онъ назвалъ Кантемира рогатымъ пророкомъ (съ латинскаго vates; рогатый можетъ значить бодливый, разящій пороки и глупости, и можетъ объясняться также рогами сатира, отъ котораго производятъ сатиру). Совѣтуя ему разрушить злонравные обычаи, онъ ободряетъ его тѣмъ же, чѣмъ ободрялъ умъ, къ которому обращался сатирикъ. Не страшись, говоритъ онъ, глупцовъ:

Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ три краты....
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,

* См. стр. 7 нашего изданія.

Ты и безъ счастья довольно счастливый.... .
. . . За верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.

Вотъ, ка́къ утѣшалъ благонамѣреннаго сатирика благонамѣренный ученый и ораторъ, который плоды наукъ и даръ краснорѣчія употреблялъ въ пользу преобразованій Петра, или подготовляя къ нимъ свою паству, если они еще не были обнародованы, или оправдывая ихъ важность, если они перешли уже въ общественныя постановленія! Кромѣ единства направленія, у Ѳеофана и Кантемира было нѣчто общее въ талантахъ.

Не одними словами ограничивается преслѣдованіе знаній: оно выражено и самыми дѣйствіями. Гордые, лѣнивые одолѣли мудрыхъ, невѣжество сѣло выше науки; а если еще не сѣло, то вооружено гордыми притязаніями на почетныя должности Щеголь, писецъ и неслужащій дворянинъ считаютъ себя непремѣнными кандидатами на отличія, и винятъ неправду людей, если они остаются въ низкихъ чинахъ, или не получаютъ приглашеній на видную службу (стх. 171 — 189.) *.

Въ заключеніи, авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе, скучать и знать

---

* См. стр. 8 и 9 нашего изданія.

кро себя пользу наукъ, чтобы гласнымъ указаніемъ не нажить себѣ, вмѣсто похвалъ, злаго порицанія.

Вторая сатира, написанная вскорѣ послѣ первой, имѣетъ форму разговорную. Разговоръ происходитъ между Филаретомъ (что́ значитъ, на греческомъ языкѣ, любитель добродѣтели) и Евгеніемъ (дворянинъ). Цѣль ея осмѣять тѣхъ изъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ званіемъ, и завидуютъ, сверхъ того, счастію другихъ, которые, своими заслугами, восходятъ въ знать. Она — подражаніе восьмой сатирѣ Ювенала, которая признается лучшею, или пятой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу. «Истинное благородство,» говоритъ Ювеналъ, «происходитъ отъ добродѣтели: заслуживаютъ ли уваженія тѣ, которые, имѣя знаменитыхъ предковъ, добровольно становятся возницами, скоморохами, гладіаторами?» Подобно ему, Кантемиръ выражаетъ содержаніе своей сатиры отъ стиха 69 до 83.

Вѣроятно, по этой причинѣ, одно изъ разговаривающихъ лицъ получило названіе Филарета. У Горація есть также сатира объ истинномъ благородствѣ (шестая первой книги), но его снисходительная философія не имѣетъ ничего общаго съ желчнымъ негодованіемъ Ювенала, бичующаго злоупотребленія.

Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала, или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала, съ первыхъ строкъ, видишь картину римской жизни тогдашняго времени—расточительность, сладострастіе, пиры: «Что значитъ, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсія? Полліонъ, шатающійся цѣлые дни, чтобъ занять денегъ за тройные проценты, и ненаходящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселялъ наши ужины своими остроумными выходками. Теперь совершенно-противное: лицо твое уныло, волосы сухи и непричесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: на немъ выказывается радость или печаль, и лицо есть зеркало попеременныхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла въ противную сторону. А прежде, я помню, ты оскверналъ храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты оскверналъ и тайное убѣжище матери боговъ.» — Въ сатирѣ Буало черты инаго общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій:

D'où vient cet air sombre et sevère

Et ce visage plus pâle qu'*un rentier*
A l'aspect d'un arrêt qui retranche un quartier?

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: «Le roi a supprimé un quartier des rentes» — вотъ какія слова безпрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей, получавшихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortalans seuls et de bisques nourrie,
Où la joie en son lustre attirait les regards,
Où le vin en rubis brillait de toutes parts?

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривавшихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серьёзно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque édit *réformé la cuisine?*

То есть преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни — предмета, для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно-иная, русская современность. Филаретъ спрашиваетъ Евгенія: что̀ такъ

Задумчивъ, какъ тотъ, что . . . . .
. . . . . конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато

Платье носить, иль своихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина-ль дорогова? (с 1-8)

Обратившись къ примѣчаніямъ, читаемъ, между прочимъ, что «въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить «отъ императора Петра-Великаго всѣмъ запрещено «было, кромѣ придворныхъ»; что «золотые узоры, «коими обыкновенно платье слугъ выкладываютъ, «много на пеленанье походятъ»; что «вина дорогія «разумѣются «венгерское, шампанское и бургонское, «которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и за тѣмъ «больше всѣхъ другихъ винъ въ почтеніи».

Предложивъ рядъ вопросовъ, Филаретъ самъ дознаётся причины задумчивости:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,

. . . .

....ты съ пышными презрѣнъ именами, (стх. 15—22) *.

Такимъ образомъ, каждый изъ трехъ сатириковъ, въ одной и той же формѣ, выразилъ особенныя черты нравовъ. По формѣ, и Буало и Кантемиръ—подражатели, по содержанію — они писатели своенародные. Форма - дѣло общее; мѣстныя отличія характеровъ — принадлежность единаго народа. Критика, обольщенная сходствомъ литературныхъ пріемовъ, безразличіемъ внѣшняго, произнесла строгій приговоръ Кантемиру; но теперь, когда, при раз-

---

* См. стр. 21 нашего изданія.

борѣ словесныхъ произведеній, всего важнѣе ихъ отношеніе къ обществу, Кантемиръ восходитъ на почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, потому-что въ сатирахъ его выражается не идеальное, отвлеченное отъ мѣста и времени, а дѣйствительно-русское, ему современное общество.

Продолжимъ сравненіе трехъ сатириковъ.

Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышеніе людей изъ низкаго званія. Но тамъ и здѣсь, какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: «Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цирюльникъ, брившій меня въ юности, споритъ теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Криспинъ *(фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствомъ и почестями)*, бѣжавшій изъ египетскихъ топей, прежде канопскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые потомъ, украшаетъ лѣтними кольцами, считая себя, по своей деликатности, неспособнымъ носить болѣе-тяжелыхъ колецъ? *.

---

* *Римляне носили прежде по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ пальцѣ, наконецъ, на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало-по-малу роскошь до того возрасла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія.*

У Кантемира, на высокую степень вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: «сальныя свѣчи ясно горятъ, кто *истеръ плечи горшкомъ подовыхъ*.» Указаніе чрезвычайно-ясное, не требующее комментарія: кто не узнáетъ въ немъ Меншикова?

Итакъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлію, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналъ желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: у него и брадобрѣй и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что̀ нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ; на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которыхъ сила заключалась въ разрядныхъ книгахъ, которые могли что-нибудь значить при мѣстничествѣ.

Послушайте, ка̀къ Евгеній описываетъ своего отца: это не римскій патрицій, волновавшій кровь Ювенала, не французскій маркизъ, которому Буало адресовалъ свою сатиру: «Объ истинномъ благородствѣ». Въ словахъ Евгенія вы видите вѣрную кар-

тину временщика кантемирова вѣка и его угодниковъ (стх. 45 - 60) *.

Въ исчисленіи правъ на истинное благородство, Кантемиръ полнѣе Буало. Конечно, логическая полнота не входитъ въ разсчетъ поэзіи, но она много значитъ въ-отношеніи къ мыслямъ автора и къ понятіямъ современнаго общества. У Кантемира прибавлена, противъ Буало, одна черта, изъ которой видно, что онъ ближе держался Ювенала.

Мы не хотимъ сказать, чтобъ стихи Кантемира были копіей латинскихъ: нѣтъ, они указываютъ на дѣйствительные нравы тогдашняго русскаго общества. Имена Гектора, Ахилла, Цезаря и Александра, общеупотребительныя въ то время, брались какъ loca topica. Кантемиръ, при всей своей современности, конечно, платилъ дань подражательному направленію. Но за то схоластическую замашку пользоваться именами, освященными древностью, выкупилъ онъ фамиліей своего пріятеля, генерала-майора Нейбуша, великаго охотника до пива, хотя честнаго человѣка и храбраго воина (стх. 103—107).

Такъ въ заимствованіяхъ своихъ Кантемиръ вѣренъ современности. Отношеніемъ къ дѣйствительной жизни тогдашняго общества онъ не уступаетъ ни латинскому, ни французскому стихотворцу. Ког-

* См. стр. 22 нашего изданія.

да же подражаніе, или просто переводъ, касается поэтическихъ образовъ, тогда Кантемиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналъ двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности. «Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ! Уничтожьте столбы, зданіе рушится. Виноградная же лоза упадетъ безъ вяза, который она обнимала». У Кантемира тоже два сравненія, чтобъ показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ, но въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ ни краткости, нужной для силы, ни поэтическаго колорита:

Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столпы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу.
(Стх. 115—121).

Здѣсь нѣтъ даже и вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслію. Кого изображаютъ столбы? достойныхъ предковъ или недостойныхъ потомковъ? Предъидущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему же они сокрушатся, и какое это излишнее бремя?

Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ грубомъ видѣ:

Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
(Стх. 121—125).

Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго, изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ, но съ другой стороны оно полезнѣе, какъ болѣе-приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта: ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть моралистомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ, соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать.

Исчисливъ дѣянія предковъ, которыми справедливо гордится отечество, но которыя не даютъ права на гордость глупому потомку, Филаретъ рисуетъ картины тогдашняго щеголя, побывавшаго въ чужихъ краяхъ безъ пользы для себя и для согражданъ. Мы приводили (стр. LXII) все это мѣсто для показанія другой стороны сатирическаго направленія Кантемира. Въ немъ, какъ было замѣчено, онъ осмѣялъ

новыхъ невѣждъ, то есть, толпу людей, принявшихъ преобразованіе Петра внѣшнимъ образомъ, но непретворившихъ его въ жизнь духа. Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ изъ Ювенала—тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. «Къ чему тебѣ» спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титловъ: «образы столькихъ «героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ, въ тотъ часъ, «когда наши полководцы развивали знамя и шли «на врага?» Кантемиръ говоритъ тоже:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь. (Стх. 135—139).

Слова: «Не столько стоитъ народъ Римляновъ «пристойно основать», взяты изъ «Энеиды». И однакожъ, наряду съ подражаніями классикамъ—подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о мысляхъ общихъ, о прикрасахъ реторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества — а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи,

кафтанъ, стоившій цѣлой деревни — все это не виргиліево и не ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія. «Видали мы такихъ» говоритъ примѣчаніе къ стиху 156, «которые деревни свои продавали, чтобъ себѣ сшить нарядный кафтанъ».

Этотъ щеголь, что вывезъ изъ-за границы одну страсть къ модамъ, обжорству и пьянству, остался такимъ же неучемъ, какимъ былъ до путешествія: ему немалый трудъ прочесть тѣ надписи, которыя онъ видитъ на картинахъ, украшающихъ его большую залу; понять, что множество знаній можетъ помѣщаться въ мозгу смертныхъ, ему такъ же трудно, какъ не красть дворецкому, или скудно жить судьѣ. Ты хочешь быть полководцемъ, мореплавателемъ, судьею, придворнымъ? говоритъ Филаретъ Евгенію: узнай же, каковы они должны быть. И Филаретъ исчисляетъ обязанности каждаго изъ четырехъ званій. Эти обязанности относятся къ предметамъ двухъ родовъ — знаніямъ и нравственному достоинству. Уважая то и другое, Кантемиръ не раздѣляетъ ихъ. Чинъ воеводы, говоритъ Филаретъ Евгенію, требуетъ много вышнихъ свойствъ (т. е. нравственныхъ) и много разныхъ искусствъ. А ты едва слышалъ имя тѣхъ добродѣтелей и знаній.... Достойный судья не обращаетъ вниманія на лица; передъ нимъ мудрецъ и невѣжда, богачъ и

нищій съ сумой, безобразная бабья рожа и цвѣтъ краснаго лица, равны въ судѣ: одна правда выше всего. А ты что? (стх. 288 — 293).

Но странное дѣло! Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита-куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой-то нравственный эклектизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходилъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе-наклонный къ Горацію, въ нравственности держится средины между откровенностью правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени. Блаженная средина, ведущая къ счастію!

Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ нестался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь.
(Ст. 324 — 333).

LXXXIII

Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами, приличнѣйшіе поступки его съ нравственностью, и въ беззлобномъ притворствѣ, т. е. въ умѣньи примѣнять лицо свое къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по-латинѣ simulatio и dissimulatio? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейдти отъ него къ блаженной срединѣ — иначе, къ счастію — не слѣдовало ни по законамъ логики, ни по внушеніямъ поэзіи.

Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой;
Не отступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ времсніцичьимъ ухамъ.
Клитъ остроуменъ свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится:
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ
Идучи упрямо въ цѣль. Клиту счастье служитъ,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно.
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
. . . .
. . . .

Короткій языкъ, лице и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
(Стх. 305 — 322).

Но мы объяснимъ снисходительность кантемировой морали изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ, о чемъ будемъ говорить ниже. Въ-заключеніе, Филаретъ совѣтуетъ Евгенію излѣчится отъ барской спѣси, оставить безсмысленную гордость чужими заслугами и незавидовать тѣмъ, которые, хотя и не были думными и намѣстниками въ царствованіе Ольги, но своимъ собственнымъ достоинствомъ заслуживаютъ истинное уваженіе;

Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ. (Стх. 360).

Въ этихъ стихахъ включенъ отвѣтъ Ификрата тщеславному потомку Армидія, который упрекалъ его низкимъ происхожденіемъ: «Мой знатный родъ «начинается мною, а твой тобою оканчивается.»

Достоинство Кантемира, какъ писателя, выразившаго современность, открывается еще яснѣе, когда мы сравнимъ его произведенія съ сатирами ближайшаго къ намъ времени. Въ нихъ мы нерѣдко встрѣтимъ или неловкое переложеніе чужаго образца на отечественные нравы, или недозволенныя критикою перемѣны

въ оригиналѣ. Возьмемъ, для примѣра, сатиру Воейкова: «Объ истинномъ благородствѣ» и переводъ ювеналовой сатиры: «О благородствѣ же», принадлежащій И. И. Дмитріеву. Нѣтъ спора, что и тотъ и другой обладали замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ: у Воейкова есть сила, искренность, умѣнье рѣзко и колко выставить позоръ или глупость; а Дмитріевъ отличается тонкимъ аттическимъ остроуміемъ, язвительнымъ при всей своей наружной полировкѣ. Однакожь, посмотрите, какъ Воейковъ передѣлалъ сатиру Буало. Вмѣсто Евгенія, онъ подставилъ дурака, воспитаннаго Французами, который дѣйствительно былъ извѣстное время въ нравахъ русскихъ; но въ противоположность ему созданъ Эмилій — имя, ненаходящееся въ нашихъ святцахъ. Въ образцы для подражанія, авторъ ставитъ Минниха, Суворова, Орлова, Державина — и, рядомъ съ ними, Сюлли, Кольбера: забавная смѣсь русскаго съ французскимъ... Буало такъ и выглядываетъ изъ-за русскаго сатирика. О переводѣ ювеналовой сатиры и говорить почти нечего: это — жалкое искаженіе подлинника. Переводчикъ распространялъ безъ нужды стихи римскаго писателя, сжатые и сильные, а въ другихъ мѣстахъ сокращалъ характеристическія указанія. Нельзя безъ досады и улыбки читать собственныя прибавленія, въ которыхъ выражается забота поставить класси-

ческое въ соотвѣтствіе съ новою жизнію. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ:

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что ты обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ *образами* (!),
Прославившихъ себя великими дѣлами?

У Ювенала нѣтъ ни обиды сердцемъ и умомъ, ни страннаго различія между «предками и прадѣдами» — различія, въ которомъ нуждался переводчикъ для наполненія стиха.

Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ (!!) иль хлыстикомъ (!!) на ветхіе портреты,
Которы у тебя коптятся многи лѣты,
Надувшись говоришь: „Смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ римскихъ войскъ — великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ диктаторъ!
А это дѣдушка: вотъ прямо былъ сенаторъ!“

Ненужная фигура распространенія, реторическая прикраса, поставленная въ ущербъ оригинальности выраженія. У Ювенала просто сказано: «Развѣ бла-«городство состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть возмож-«ность указывать палочкой на закоптѣлыя изобра-«женія диктатора и начальниковъ войскъ?»

Гдѣ же тутъ разглагольствіе гордаго потомка? Къ чему слово римскихъ, когда авторъ говоритъ о предкахъ Римлянина? другихъ войскъ и быть не

могло. И что за странный способъ указывать портреты шестомъ? Вмѣсто прибавочныхъ словъ, надлежало бы сохранить значительныя слова: Si coram Lepides male vivitur.

Выставляя тщеславіе и ничтожность Фабія, переводъ утверждаетъ, что ему не слѣдуетъ гордиться,

Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?

Здѣсь что слово, то новое собственное сочиненіе, въ которомъ не узнаёшь подлинника. Нѣтъ въ подлинникѣ ни «обыкновеннаго шлема,» ни «тѣней,» ни «дрожанія тѣней.»

Выпишемъ еще одно мѣсто:

Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы, — оно падетъ,
А скромный плющъ растетъ безъ страха и не гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вкругъ коего онъ вьется.

Сантиментальное направленіе заставило переводчика замѣнить виноградную лозу «скромнымъ плющемъ» а незнаніе подлинника – превратить смыслъ его. У Ювенала наоборотъ: «виноградная лоза упадетъ на землю безъ вяза» — вѣрный природѣ образъ, тогда-какъ плющъ, самъ-по-себѣ растущій, есть произведеніе фантазіи.

Подробный разборъ двухъ первыхъ сатиръ Кантемира показываетъ намъ ясно ихъ строеніе. Оно не измѣняется и въ остальныхъ шести: содержаніе ихъ оригинальное, форма — заимствованная. Собственный матеріалъ располагается въ нихъ по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ, и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя, мѣстныя и временныя отличія изображаемаго; подражательность же — въ способѣ представлять избранный предметъ, въ тѣхъ пріемахъ которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ, большею частію, видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ русское, ему современное. Нельзя сказать, чтобъ, пользуясь чужимъ добромъ, онъ всегда ловко примѣнялъ его къ добру благопріобрѣтенному; иногда переложеніе иноземнаго на отечественное неудачно, иногда первое красуется подлѣ втораго, безъ малѣйшаго измѣненія. Но скоро ли, и послѣ Кантемира, исчезла эта странная смѣсь древне-классическаго съ національнымъ? Стихотворцы, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени, пестрили свои созданія ненужною вставкою латинскихъ и греческихъ предметовъ. Тѣмъ понятнѣе, тѣмъ извинительнѣе такая привычка въ

Кантемирѣ, который «все время провождалъ между *Греки и Латины*»

Мы уже видѣли доказательство нашихъ словъ на нѣсколькихъ указанныхъ примѣрахъ. Для полноты сужденія, представимъ еще новыя. Въ концѣ третьей сатиры, изображающей различіе людскихъ нравовъ, Кантемиръ говоритъ:

Касторъ любитъ лошадей, а братъ его рати,
Подъячій же силится и съ голаго драти.

Странно видѣть русскаго взяточника на ряду съ Касторомъ и Поллуксомъ; но такое близкое сосѣдство отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга предметовъ объясняется тѣмъ, что первый стихъ взятъ изъ Горація, а второй — собственнаго произведенія. Буало, въ седьмой сатирѣ, жалуется на неспособность свою писать похвальные стихи, которые выходятъ у него хуже стиховъ дрянной героической поэмы Шаплена «La Pucelle.» Кантемиръ чувствовалъ ту же неспособность; но его переводъ изъ французскаго сатирика отличается длиннотою. Ювеналъ не въ силахъ отказаться отъ сатиры, видя, что цирюльники становятся богачами, а бѣглые невольники выходятъ на высоту счастія. Разбирая вторую сатиру, мы замѣтили, ка́къ нашъ сатирикъ воспользовался словами римскаго писателя; въ четвертой сатирѣ, онъ снова подражаетъ тому же мѣсту, го-

воря, что ему трудно унять свое перо, когда тотъ, кто чуть помазалъ губы латинью, уже хвастаетъ наукою, когда хлѣбникъ катится въ золотѣ и цугомъ, когда раздутый подъячій стыдится матери и принимаетъ въ родню только бояръ, когда мельникъ, стряхнувшій недавно съ волосъ муку,

Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.

Въ первой сатирѣ Горація: «Никто не доволенъ своимъ жребіемъ», выведены воинъ, завидующій купцу, купецъ воину, адвокатъ земледѣльцу, земледѣлецъ горожанамъ. Пятая сатира нашего сатирика распространяетъ примѣры Горація, и въ этомъ распространеніи нельзя не видѣть современнаго ему положенія общества. Купецъ думаетъ, ка́къ бы сдѣлаться судьею, который не знаетъ, что̀ таксе постой; судья, когда у него въ мѣшкѣ пусто, говоритъ: зачѣмъ онъ не посацкій? пахарь, считая оброкъ, вздыхаетъ по жизни солдатской.

Послѣдній примѣръ беремъ изъ седьмой сатиры (о воспитаніи). Горацій описываетъ безнравственныхъ людей, которыхъ онъ показалъ бы своему сыну, какъ сильное средство отвратить его отъ пороковъ. Кантемиръ, подражая Горацію, исчисляетъ большое количество гибельныхъ слѣдствій, къ которымъ привела дурная жизнь; расточитель - Клеархъ сидитъ въ тюрьмѣ; у сладострастнаго Мели-

та весь носъ объѣденъ червями, Филонъ выросъ пьяницей, Миртиль вышелъ развратникомъ, Савка — отчаяннымъ лжецомъ. (Ст. 203 — 213). *

Два элемента кантемировыхъ сатиръ: самобытный (по содержанію) и подражательный (по формѣ) чистосердечно указаны самимъ авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что «въ сочиненіяхъ своихъ онъ наипаче Горацію и Буалу, Французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ *много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ*», и въ четвертой сатирѣ, гдѣ къ Буало и Горацію присоединены еще Ювеналъ и Персій. *Я топчу ихъ слѣды*, откровенно объявляетъ нашъ сатирикъ, не считая для себя обиднымъ усыновленіе классическою древностью. Наслѣдство ума и поэзіи ставилъ онъ выше генеалогій, всегда готовый воскликнуть подобно Ювеналу: stemmata quid faciunt?

Отъ содержанія, въ которомъ выразилось отношеніе сатирика къ временному обществу, и формы, въ которой выразилось его отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ того же рода у другихъ народовъ, *перейдемъ къ оцѣнкѣ поэтическаго достоинства Кантемира*. Такъ-какъ намъ извѣстны образцы, выбранные имъ для подражанія, то сужденіе о немъ, какъ о поэтѣ, всего ближе вывесть изъ сравненія его съ этими образцами. Здѣсь

---

* См. стр. 40 и слѣд. нашего изданія.

представляются для опредѣленія два предмета: во-первыхъ, тонъ, проникающій кантемировы сатиры, во-вторыхъ, эстетическое ихъ значеніе.

Буало нѣсколькими стихами седьмой сатиры рѣзко обозначилъ различіе между Гораціемъ и Ювеналомъ. Что̀ дѣлалъ первый? — въ острыхъ словахъ испарялъ свою желчь (exhalait en bons mots les vapeurs de sa bile), тогда какъ второй лилъ потоки желчи и горечи съ язвительнаго пера своего и гнѣвно каралъ Римлянъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, безъ обидный тонъ одного, невзъискательность требованій и снисходительная нравственная философія совершенно противоположны строгимъ приговорамъ, желчному негодованію втораго: это несходящіяся крайности. Несовершенства людей не заставляютъ Горація выходить изъ себя: онъ только смѣется надъ ними. Горацій (такъ отзывается о немъ Персій), рисуя нравственное безобразіе друзей, заставляетъ ихъ улыбаться; онъ издѣвается надъ людьми, не тревожа ихъ сердца, и остроумно смѣется въ глаза римскому народу. Это — сатирико-филантропъ. Изображая пошлости человѣческой жизни, оплакивая слабость ближнихъ, обвиняя себя-самого за несостоятельность нравственную, онъ всегда представляетъ читателю нѣчто утѣшительное. Философія Горація всегда граціозна: ея заключительное слово — слово одобренія, сердечной веселости. Она

не любитъ стоиковъ, этихъ квакеровъ древности: она знаетъ, что передъ суровымъ судомъ безусловной нравственности нѣтъ оправданія, а ей хочется жить съ оправданными. Она держится средины вещей, той блаженной средины, которая отвращается столько же отъ крайностей Эпикура, сколько и отъ крайностей Зенона. Такая философія — не философія теоретика, который приноситъ все въ жертву истинѣ, а философія практической жизни, понимающая различіе между тѣмъ, что̀ быть должно, и тѣмъ, что̀ есть, и нежелающая погубить живую дѣйствительность ради отвлеченной истины.

Не таковъ Ювеналъ, получившій названіе «нравственнаго». Негодованіе было его вдохновеніемъ. Стихи его — бичъ фурій или мечъ Немезиды. Онъ изобличаетъ злодѣевъ, избѣгнувшихъ законной кары. Онъ указываетъ на Кристина, чудовище болѣе отвратительное, чѣмъ самый порокъ. Онъ смѣется сардоническимъ смѣхомъ, исчисляя позорныя дѣйствія Неволія. Отъ него не скрывается ни безтыдство Мессалины, ни нравственная низость сенаторовъ, разсуждающихъ съ тираномъ о приготовленіи любимаго его блюда. Онъ до того рѣзокъ и открытъ въ своихъ обличеніяхъ, что Буало заподозрилъ его въ страсти къ иперболамъ. Справедливѣе шелъ бы къ нему упрекъ въ однообразіи картинъ, всегда почти мрачныхъ, въ чувствѣ мизантропіи,

которое набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на чистоту его цѣли, на искренность добрыхъ желаній. Бичуя порокъ, онъ какъ-бы не находитъ времени привѣтствовать улыбкой добродѣтель, воспѣть красоту невинности. Но онъ писалъ въ то время, когда не было ни невинности, ни добродѣтели, и не умѣлъ лгать. Сама исторія не въ силахъ сдержать мудраго безстрастія, котда идетъ дѣло о царствованіяхъ Нерона и Домиціана.

Всѣ обстоятельства соединились дружно, чтобъ изъ такого лица выработать такого сатирика. Онъ былъ характера стоическаго, готовый страдать, но неспособный умѣрять негодованіе добродѣтели. Криками гнѣва облегчалъ онъ свою душу, потрясенную общимъ развратомъ. Судьба отказала ему въ ранней смерти, и въ-теченіе долгой своей жизни онъ видѣлъ постепенное возрастаніе общественной порчи. Древнія добродѣтели сдѣлались преданіемъ, и хотя риторы съ учениками своими толковали о вѣчномъ градѣ; но люди умные не вѣрили напыщеннымъ рѣчамъ ихъ, или смѣялись надъ ними. Вѣра угасла; остался одинъ внѣшній блескъ религіозныхъ обрядовъ и пошлость суевѣрія, этой болѣзни выродившихся народовъ. Были философскія секты, но не было практической философіи. Стоики отличались длинной бородой, нахмуренными бровями, дыравыми плащами и пустотою сердца. Сла-

дострастіе ослабляло тѣло и душу, и не давало возможности предаться серьезнымъ занятіямъ. Краснорѣчіе, лишенное важности, растлѣвалось въ презрѣнныхъ панегирикахъ или истощалось въ доводахъ pro и contra. Посреди такого-то нравственнаго упадка Римлянъ жилъ Ювеналъ. Принужденный въ юности хранить молчаніе при видѣ общественныхъ безпорядковъ, онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ выразился въ возрастѣ зрѣломъ: скопившееся въ душѣ его негодованіе вылилось, какъ сказалъ Буало, потоками желчи. Вотъ почему его шутки всегда не веселы: его смѣхъ — смѣхъ человѣка, отвыкшаго смѣяться. Крайнему разливу нравственной порчи противопоставляетъ онъ единственное средство, крайнюю добродѣтель — добродѣтель чистую, безусловную, которая «тяжкимъ путемъ приводитъ къ безмятежной жизни». Этотъ героизмъ нравственности выражался въ эпоху Ювенала или безмолвнымъ протестомъ благонамѣренныхъ людей, которые заключались въ своемъ молчаніи, какъ въ святилищѣ, и тамъ съ надеждою взирали на падшее божество, или примѣрною смертію во имя улучшенія общественныхъ нравовъ: умирая, они своею кровью совершали возліянія Юпитеру.

Поэтическое достоинство ювеналовыхъ сатиръ несомнѣнно. Онѣ отличаются силою выраженія, напитаны неостывающимъ жаромъ. Въ нихъ слышишь

біеніе пылкаго сердца — то, что Французы означаютъ словомъ *verve,* и что животворитъ всѣ части поэтическаго созданія. Чувствуешь, что оно, это созданіе, вылилось какъ-бы заразъ изъ вдохновенной души, вышло во всеоружіи, подобно Минервѣ; что плодотворная мысль ни на одно мгновеніе не оставляла творца, который не успокоился до-тѣхъ поръ, пока не освободился отъ нея мощнымъ усиліемъ неохлаждаемой работы. Не должно, впрочемъ, принимать въ буквальномъ смыслѣ слово «вдохновеніе» и объяснять состояніе вдохновеннаго поэта миѳологическимъ образомъ: подобное объясненіе хорошо, какъ поэтическій образъ — не больше. У Ювенала, какъ и у всякаго сильно-потрясеннаго поэта, были, конечно, промежутки между началомъ и концомъ труда, между зачатіемъ мысли и ея полнымъ выраженіемъ; но онъ такъ искусно умѣлъ связать части каждой сатиры, написанныя, безъ сомнѣнія, въ разныя времена, что перерывъ не замѣтенъ, вдохновеніе вчерашняго дня не утрачиваетъ своей напряженности въ послѣдующій день, поэтическій восторгъ, не ослабляясь, проникаетъ всю пьесу и сообщаетъ ей то очарованіе, которымъ увлекается читатель. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ длиннотъ и отступленій; онъ не подготовляетъ васъ вступительною рѣчью, иногда нужною разсѣянному уму и подобною потрясенію колокола при пер-

вомъ ударѣ, или его дрожанію при ударѣ заключительномъ. Онъ прямо и быстро входитъ въ предметъ; мысль его, при самомъ началѣ, распускаетъ полные паруса; надобно слѣдовать за нимъ, спѣшить за нимъ, читать не останавливаясь. Вамъ нѐкогда остановиться на произведенномъ въ душѣ вашей впечатлѣніи, собраться съ духомъ, подумать о томъ, что̀ вы прочитали: смѣйтесь какъ-можно-скорѣе, волнуйтесь, негодуйте на бѣгу, увлекайтесь потокомъ гнѣва или презрѣнія, не спрашивая, куда онъ васъ увлекаетъ. Эта безостановочная сила вдохновеннаго писателя, этотъ избытокъ поэтическаго жара, господствующій надъ читателями страстными, не нравятся тѣмъ читателямъ, которые любятъ покой и льготу, и которые не хотятъ измѣнить свой шагъ, чтобъ слѣдовать за быстрымъ бѣгомъ сильно-потрясеннаго чувства.

Совершенное отсутствіе поэтическаго пыла — великій недостатокъ. Если у Ювенала его слишкомъ-много, то у Буало почти нѣтъ вовсе, и въ этомъ его главный недостатокъ. Каждая сатира его состоитъ изъ нѣсколькихъ параграфовъ, которые написаны съ приличнымъ жаромъ, но между которыми видишь пустыя пространства. Вдохновенія достаётъ у него на стихи и фразы, но не достаётъ на цѣлость созданія. Видишь по мѣстамъ вспышки: не видишь огня, охватившаго общность. Искус-

ство, работа не скрываются изъ виду, а такъ-какъ искусство представляетъ меньше разнообразія, чѣмъ природа, то у Буало есть пять или шесть запасныхъ пріемовъ, которыми онъ поддерживаетъ движеніе пьесы. По его собственному сознанію, онъ могъ оставлять на полудорогѣ начатую фразу, совершить прогулку между стихами, заняться чѣмъ-нибудь въ промежуткѣ двухъ рифмъ, и если потребное слово не являлось на призывъ, идти за нимъ *au coin d'un bois* и приносить его побѣдоносно домой. Буало — образецъ поэта, который обзавелся извѣстными способами своего искусства, который призываетъ и отпускаетъ свою музу, когда ему заблагоразсудится. Посмотрите его сатиры: въ нихъ вы не увидите поэтической связи частей: переходы отъ однѣхъ частей къ другимъ тяжелы, отзываются догматическимъ тономъ и разрушаютъ очарованіе. Тонкій наблюдатель, точный и эренгическій писатель, онъ мало былъ способенъ къ сильнымъ движеніямъ и долговременному вдохновенію; онъ любилъ небольшія картины, безсильный наполнять поэтическимъ содержаніемъ картины большія. Прежняя критика превознесла его до небесъ: Лагарпъ назвалъ его «законодателемъ Парнасса», Шенье – «образцомъ въ четырехъ родахъ, законодателемъ во всѣхъ». Новая критика свела его на землю. На основаніи современныхъ понятій объ искусствѣ, она составила о

немъ слѣдующее сужденіе: Буало не былъ поэтомъ — разумѣя подъ этимъ словомъ человѣка, одареннаго сильнымъ воображеніемъ и глубокимъ чувствомъ: онъ былъ писатель здравомыслящій и остроумный, вѣжливый и вмѣстѣ язвительный, тонкій наблюдатель смѣшнаго, но мало-плодовитый, пріятно-рѣзкій, умно-веселый, тщательно наблюдавшій истину вкуса и правильность языка, восходившій иногда отъ чувства литературной правды къ понятію нравственнаго долга. Онъ не могъ быть ни авторомъ одъ, ни авторомъ элегій, будучи неспособенъ ни къ возвышеннымъ звукамъ, ни къ плачевнымъ тонамъ: ничто не пѣло въ его душѣ, ничто не плакало въ его сердцѣ. Но онъ имѣлъ въ высокой степени талантъ такъ-называемой поэзіи дидактической, черпающей свое вдохновеніе изъ разсудка, если можно такъ выразиться; сила сатиръ его не въ пылу негодованія, а въ ѣдкости дурнаго расположенія духа.

Обращаемся къ нашему сатирику. Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, онъ заимствуетъ у нихъ, какъ замѣчено выше, не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе пріемы, не сущность мыслей, а матеріалъ слога. Это — чужая канва, по которой онъ выводилъ свои узоры; въ готовыя формы вставлялъ онъ изображеніе совре-

менной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Писалъ же онъ по влеченію чувства, по наклонности внутренней; слѣдовательно, можетъ назваться истиннымъ творцомъ своихъ произведеній, не смотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обработываетъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ, конечно, не изъятъ изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи, не для того, чтобъ слѣдовать имъ рабски, но чтобъ преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, черезъ которыя нѣкогда пришли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ людей съ одинакимъ вкусомъ, стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ — не значитъ ли это быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ? Подражая, мы, такъ-сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что́ идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода: природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же, Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, а исповѣданное заимствованіе не есть похищеніе.

Какое же мѣсто занимаетъ Кантемиръ между тѣми, которымъ онъ подражалъ? Чувство справедливости, не одной только скромности, заставило самого автора поставить себя ниже избранныхъ имъ образцовъ. Сказавъ, что сатиры его — «топтаніе слѣдовъ Ювенала, Горація, Буало», онъ продолжаетъ:

Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково?

Мы уже видѣли, при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ Кантемира съ образцами, что его подражанія, въ поэтическомъ отношеніи, всегда ниже оригинальнаго. Сжатое и сильное становится у него растянутымъ и ослабленнымъ, нѣжное теряетъ свою нѣжность, граціозные образцы переходятъ въ неизящный видъ. Ясное доказательство, что онъ не былъ поэтъ. Онъ не былъ надѣленъ отъ природы даромъ творчества, художественнымъ талантомъ. Но онъ былъ человѣкъ умный и благородный, и всѣ качества, отличающія смыслъ и нравственное достоинство, отразились въ его стихотвореніяхъ, которыя хотя и не поэзія, но съ другой стороны выше т. е. полезнѣе поэзіи.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ будетъ видно, что Кантемиръ отступалъ отъ образцовъ не въ свою пользу.

Въ первой сатирѣ второй книги, Горацій говоритъ: «Суждена ли мнѣ спокойная старость, или смерть уже покрываетъ меня своими мрачными крыльями, богатый или бѣдный, въ Римѣ или въ ссылкѣ, какого бы цвѣта ни была нить моей жизни — я долженъ писать.» Сокращенный переводъ Кантемира, обнаженный отъ поэтическихъ образовъ, сжался въ два прозаическіе стиха:

Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно.

Иногда, наоборотъ, у Кантемира является образъ, котораго нѣтъ въ оригиналѣ, но этотъ образъ не изященъ: такъ два ловкіе, правильно построенные стиха седьмой сатиры Буало:

Et tel mot, pour avoir réjoui le lecteur,
A coûté bien souvent des larmes à l'auteur,

перешли въ слѣдующіе, довольно-грубые:

И стихи, что чтецамъ *смѣхъ на губы сажаютъ*,
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Стихи 663—674 пятой сатиры выражаютъ самымъ простымъ и сокращеннымъ образомъ граціозно-выраженныя мысли французскаго сатирика, который говоритъ о владычествѣ страстей надъ чело-

вѣкомъ и о непостоянствѣ его желаній. Представляемъ въ параллели оба мѣста :

Несчетныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ,
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто, и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.
...L'homme, sans arrêt dans sa course insensée,
Voltige incessament de pensée en pensée:
Son coeur, toujours flottant entre mille embarras,
Ne sait ni ce qu'il veut ni ce qn'il ne veut pas.
. . . .
Voilà l'homme en effet: il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentimens du soir:
Importun à tout autre, à soi-même incommode,
Il change à tous momens d'esprit comme de mode;
Il tourne au moindre vent, il tombe au moindre choc,
Aujourd'hui dans un casque, et demain dans un froc.
. . . .

L'homme seul, qu'elle (*la raison*) éclaire, en plein
jour ne voit goutte,
Réglé par ses avis, fait tout à contre temps,
Et dans tout ce qu'il fait, n'a ni raison ni sens.
Tout lui plait et déplait, tout le choque et l'oblige;
Sans raison il est gai, sans raison il s'afflige;
Son ésprit au hasard aime, évite, poursuit,
Défait, réfait, augmente, ôte, élève, d'étruit.

Сличите также Кантемирово разсужденіе о важности воспитанія (стх. 243—253) съ ювеналовымъ разсужденіемъ о томъ же предметѣ, которое помѣщено въ примѣчаніи. *

Выпишемъ еще изъ того и другаго сравненія, взятыя для доказательствъ, что примѣръ сильнѣе всякаго наставленія. (См. Кн. отъ ст. 152—159) **.

У Ювенала: «Аистъ кормитъ птенцовъ своихъ «змѣями и ящерицами, собранными, вдали отъ горныхъ дорогъ: лишь только птенцы оперятся — «они будутъ искать тѣхъ же пресмыкающихся. Коршунъ приноситъ своимъ куски, вырванные изъ падали лошадиной и собачьей, или изъ труповъ, повѣшенныхъ на висѣлицѣ: пусть подростетъ кровожадное племя, пусть совьетъ себѣ гнѣзды на деревѣ — оно съ такою же жадностію станетъ кидать-

---

* См. стр. 42 наш. изд.

** Тамже стр. 38.

«ся на ту же пищу. Но орелъ Юпитера, но благо-«роднѣйшія птицы устремляются въ лѣсахъ за ко-«зами и зайцами, и кладутъ эту добычу въ свои «гнѣзда: когда орленокъ прійдетъ въ силу, то, при «первомъ чувствѣ голода, низринется на добычу, «кровь которой сосалъ онъ при выходѣ изъ яйца.» Однимъ словомъ, переводы или подражанія Кантемира всегда уступаютъ въ эстеческомъ достоинствѣ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ переводилъ, или которымъ подражалъ. Выписанныхъ примѣровъ достаточно для оправданія нашей мысли. Сатирикъ нашъ не имѣетъ вовсе того желчнаго негодованія и сильной страсти, которыя дышатъ въ стихахъ Ювенала: его одушевленіе тихо и ровно. Онъ не грозно обличаетъ недостатки современнаго общества, а вѣрно и правдиво указываетъ на нихъ съ насмѣшкой. Не похожъ онъ, однакожь, на Буало, котораго иронія и смѣхъ язвительны, не смотря на всю внѣшнюю ихъ полировку, и тонкое остроуміе является въ изящной отдѣлкѣ: Кантемиръ считаетъ какъ-бы за лишнее золотить пилюли, подслащивать горечь. Ближе онъ, по тону и образу мыслей, къ Горацію, котораго любилъ особенно, вѣроятно, въ-слѣдствіе сознаваемаго сходства между имъ и собою. Но грація выраженія, но поэтическій колоритъ стиховъ, но тщательность внѣшней отдѣлки, отличающія латинскаго поэта.... все это исчезло у его подража-

теля. Особенныя свойства Кантемира заключаются въ томъ, что онъ прямо выражаетъ то, что̀ хочетъ сказать, не думая о литературныхъ прикрасахъ, о тонкости насмѣшки, о прикрытіи ироніи. Выходки его противъ недостойныхъ и забавныхъ людей столько же ясны, сколько грубы, и обличеніе говорится не въ бровь, а прямо въ глазъ. Главный характеръ его сатиръ — злость правды, жало истины. О томъ, ка̀къ выражена истина, Кантемиръ мало заботился или и вовсе не думалъ.

Отличительныя свойства сатиръ Кантемира объясняются его характеромъ, его понятіемъ о сатирѣ и его воззрѣніемъ на нравственность.

Кантемиръ былъ человѣкъ благородный и справедливый, но вмѣстѣ кроткій и меланхолическаго темперамента. Люди такого свойства неспособны къ грозному негодованію: они вооружаются противъ враговъ правды и науки насмѣшкой, иронією, дидактизмомъ. Осторожный (что́ доказываетъ его дипломатическая дѣятельность), застѣнчивый, какъ онъ самъ объявляетъ въ своихъ сатирахъ, любитель уединенія и наукъ, Кантемиръ дорожилъ своимъ внутреннимъ сокровищемъ, то есть стремленіемъ къ нравственному достоинству, учеными занятіями, сознаніемъ важности просвѣщенія и благодѣтельныхъ слѣдствій петровой реформы, но въ то же время думалъ, что враги просвѣщенія и человѣческаго до-

стоинства «боятся больше посмѣянія,» нежели гнѣва, карающей сатиры, грознаго обличенія. По его понятію, цѣль сатиры — исправлять человѣческіе нравы; но какимъ образомъ достигаетъ она этой цѣли? «забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе.» Въ намѣреніи своемъ она «сходна съ нравоучительными сочиненіями, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что слогъ ея простой и веселый». Достоинство такихъ «забавныхъ» сатиръ основывается, конечно, на силѣ остроумія: Кантемиръ имѣлъ его, но не граціозное, какъ у Горація, и не язвительно-тонкое, какъ у Буало. Главный характеръ его насмѣшливости, какъ мы выше сказали, состоялъ въ чистосердечіи и внятности, въ смѣлой и откровенной хулѣ. Всякое злонравіе непріятно тебѣ, говоритъ авторъ, обращаясь къ своей сатирѣ:

Смѣло хулишь, да къ тому же и говоришь *внятно.*

И въ другомъ мѣстѣ:

. . . . . Сатира, что *чистосердечно*
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.

Взглядъ автора на сатиру выраженъ имъ въ четвертой сатирѣ *(Къ Музѣ своей).* Горацій называетъ свою сатирическую дѣятельность инстинктомъ (первая сатира второй книги); Кантемиръ также обьявляетъ, что ему «сродно» писать сатиру, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ. Такъ-какъ трудно

идти противъ природы, которая влетитъ въ окно, если выгонишь ее въ дверь, то напрасно думалъ нашъ сатирикъ сломить нравъ своей музы: она упорно отказывалась сплетать похвальные стихи недостойнымъ, стихи ложной хвалы, заклейменные отъ Кантемира именемъ «гадкихъ». Умъ автора становился тогда лѣнивымъ, слова вязли въ зубахъ — не забавныя, не сильныя, не красивыя, не новыя; но какъ только усматривалъ онъ вредное въ нравахъ, муза его оказывалась гораздо-умнѣе, стихъ ложился свободнѣе (стх. 145 — 149).

Осторожность и разборчивость управляли, однакожъ, его инстинктомъ: хуля злые нравы, онъ боялся открыть злонравнаго слишкомъ-ясными примѣтами. Писать сатирическіе стихи, по его мнѣнію, то же, что̀ отворять кровь: надобно выпустить ее въ мѣру. И потому, плача въ сердцѣ о дурныхъ людяхъ, и смѣясь надъ ними въ стихахъ, онъ не выставлялъ ихъ именъ (35 стихъ четвертой сатиры). Такая осторожность не помѣшала, впрочемъ, узнать нѣкоторыя, даже историческія лица въ забавныхъ очеркахъ сатирика, а современникамъ вооружаться противъ его сочиненій. Чистосердечная сатира колола многимъ глаза: одинъ жаловался, что авторъ, выставляя пьяницъ (въ 1-й и 3-й сатирахъ), умалялъ кружальные доходы; другой уличалъ его въ безбожіи, и доносомъ болѣе чѣмъ въ три тетради доказывалъ,

Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантію ризою звать смѣло;

третій вооружался противъ улики во взяткахъ. Однимъ словомъ, восклицаетъ авторъ, лучше вѣкъ не писать, нежели писать сатиру, которая навлекаетъ на меня ненависть всѣхъ людей. Многіе стихи сатиръ, особенно четвертой, означаютъ вліяніе, произведенное литературною его дѣятельностью. Это вліяніе (такъ надѣялся авторъ) не ограничивается однимъ неудовольствіемъ, раздражительностью тѣхъ, кто узнавалъ себя въ сатирѣ, какъ въ зеркалѣ. Могли быть и другія, полезныя слѣдствія. Беззлобные стихи, можетъ-быть, сгубятъ совсѣмъ или уменьшатъ злые нравы людей (четвертая сатира). Впрочемъ, эта надежда исправлять дурную нравственность, приличная тому времени, когда поэзію и стихотворство не отдѣляли отъ моральныхъ средствъ, противорѣчитъ заключительнымъ стихамъ пятой сатиры, въ которыхъ говорится, что для исправленія людей недостаточна сила рѣчи: исправитъ-де горбатыхъ могила. Въ такую же непослѣдовательность впалъ и Баратынскій, посланіемъ своимъ къ Г-чу. Назвавъ сатирика человѣкомъ «полезнымъ обществу, опекуномъ нравовъ и воиномъ правды», онъ, подъ конецъ пьесы, восклицаетъ:

Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И, снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Сатира, какъ и прочія произведенія искусства, конечно — полезна, можетъ-быть, полезнѣе другихъ поэтическихъ родовъ, но при этомъ понятіи о пользѣ надобно уже смотрѣть другими глазами и на искусство вообще, и на поэзію въ особенности. Вникнувъ въ отношенія каждаго человѣка къ обществу, мы отбросимъ мысль о безцѣльности поэзіи, хотя бы увѣрялъ насъ въ томъ самъ Пушкинъ прекрасными стихами. Затворничество поэта, его эгоистическое отчужденіе отъ людей, его пѣніе потому только, что поется, принадлежатъ теперь къ романтическимъ химерамъ....

Для опредѣленія характера и нравственныхъ понятій автора, надобно обратиться къ шестой и седьмой сатирамъ. Первая, написанная въ 1738 году,

развиваетъ мысль, что «лишь тотъ можетъ назваться счастливымъ, кто доволенъ малымъ, живетъ въ уединеніи и слѣдуетъ добродѣтели. Цѣль второй (1739) — осмѣять безстыдныхъ нахаловъ и познакомить съ своимъ собственнымъ характеромъ, противоположнымъ нахальному.

Шестая сатира начинается подражаніемъ шестой же сатирѣ (второй книги) Горація. Это начало очень важно, какъ profession de foi нашего сатирика (стх. 1—15) *.

Лучшее украшеніе наше, говоритъ авторъ, есть добродѣтель; послѣ нея, всего драгоцѣннѣе — тишина ума. Съ младенчества мы привыкли бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся мы въ другую крайность — въ стяжаніе богатствъ, въ исканіе почестей, тогда-какъ во всѣхъ вещахъ должно знать *прямую* мѣру. У всякаго дѣла есть свой предѣлъ: кто перейдетъ, или кто не дойдетъ— равно глупы. (стх. 145—149) **.

Къ такой славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что́ честно, что́ полезно и тебѣ и другимъ, ведя къ исправленію нравовъ. Награда добра заключается въ самомъ добрѣ *(добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала)*.

---

* См. стр 27 нашего изданія.

** Тамъ же стр. 32.

Въ восьмой сатирѣ, авторъ объявляетъ, что природа или отеческій совѣтъ заставили его съ дѣтства быть стыдливымъ, боязливымъ, недовольнымъ собою, что притомъ здравый смыслъ обѣщалъ ему и труды и бѣдствія, еслибъ онъ оставилъ стыдъ: съ тѣхъ поръ онъ слѣдовалъ внушенному ему направленію. Онъ всегда вѣрилъ, что стыдливость возвышаетъ красоту и есть неоспорный признакъ истинной доброты; что проворный но необузданный языкъ долженъ спотыкаться, что смѣлость тогда только похвальна, когда мы противимся своей злобной волѣ, когда разимъ враговъ въ полѣ, когда обличаемъ гнусную ложь клеветниковъ, или защищаемъ слабую невинность. Но теперь опытъ жизни показалъ, ка̀къ вредны ему стыдливость и несмѣлость— вредны не въ одномъ стихотворномъ дѣлѣ (сх. 66-80).

Большая часть людей судятъ о разумѣ по числу словъ, и отъ того часто слышатся такія рѣчи: «Аристъ (такъ называетъ себя авторъ) честенъ, тихъ, учтивъ и другъ не лестный; но отъ него не добьешься слова — значитъ, въ немъ нѣтъ ума. Въ старину добродѣтель держалась *средины* между двухъ крайностей. Въ наше время, эта златая средина отмѣнена. Кто, имѣя умѣренный доходъ, не старался правдой и неправдой накопить несчетныя богатства, тотъ лѣнивецъ; кто говоритъ, когда надобно говорить, въ мѣру и разсудительно, тотъ угрюмъ,

скученъ; кто въ дѣлахъ своихъ руководствуется здравымъ смысломъ, тотъ малодушенъ.»

Сведемъ всѣ мысли автора къ главнымъ, существеннымъ положеніямъ его философіи. Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т. е. настоящей мѣрѣ вещей, а эта прямая мѣра есть не что иное, какъ средина между крайностями — блаженная, золотая средина, безъ которой нѣтъ счастія человѣку, и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стремленіемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностямъ У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели — такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки; у него нѣтъ и ожесточенія противъ безнравственности — такого ожесточенія, при которомъ нельзя заключить, ни на какихъ условіяхъ, мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Кантемира стыдлива и не смѣла́, какъ его характеръ: она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности: это— полумораль, близкая къ равнодушію, индифферентизму. Въ однихъ мѣстахъ, она страшится перейдти, въ другихъ — не дойдти, отъ чего и происходитъ ея двусмысленность, ея сомнительное, колеблющееся положеніе, подобное положенію того человѣка, который хочетъ пройдти по острію, не па-

дая ни на право, ни на лѣво. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клита, ловкаго куртизана? — онъ соглашается, что *лучшую* дорогу избралъ тотъ, кто всегда говоритъ правду; однакожъ невиноватъ и тотъ, кто умалчиваетъ правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью: блаженъ, кто умѣетъ держаться этой средины! (Сатира 2). Какой же? между *лучшей* дорóгой и дорóгой нелучшей! Выборъ здѣсь, кажется, незатруднителенъ. Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее; изъ двухъ благъ надобно выбирать большее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слишкомъ снисходительна. — Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствія, пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой душѣ трудно держать *средину*: въ свѣтлый день, она *черезъ чуръ* гордится, а въ черные дни черезъчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, человѣку великодушному надобно *не слишкомъ* гордиться въ счастіи и *не слишкомъ* быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего приличнѣе назвать *серединою*, не исключаетъ, стало-быть, ни извѣстной степени гордости, ни извѣстной степени подлости. Ужели она думаетъ, что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкія доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частичка мышьяка — все мышьякъ, а не сахаръ

Этого мало: Кантемиръ до того снисходителенъ, что позволяетъ быть злымъ, если нельзя быть добрымъ (стх. 240 — 243) *.

Замѣтимъ, что всемогущимъ словомъ нельзя прикрыть какую угодно мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственные совѣты можно назвать уступками той или другой крайности, и потому они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическая ихъ форма: «хотя, однако», что̀ иногда равнозначительно словамъ: «такъ, да не такъ.»

Горацій, «восторгомъ грудь питая,» не то же ли говорилъ? не того ли же самаго желалъ? Въ нравственности, «онъ бралъ не съ высока.» Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія. Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная, или златая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобъ Тибуръ оставался неприкосновенною собственностью хозяина, чтобъ онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобъ, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи и политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе,

* См. стр. 42 нашего изданія.

которое выражается имъ откровенно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ ровный какъ и у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

Небольшое число идей Горація и выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, не въ дарѣ творчества, а въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація риѳма чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля — вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ, и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика.

Мы говорили подробно о двухъ первыхъ сатирахъ Кантемира. Разсмотримъ содержаніе остальныхъ шести.

Третья сатира издана въ 1730 году, въ формѣ посланія къ Ѳеофану Прокоповичу. Авторъ, посвятивъ ее ученому архіепископу, исполнилъ долгъ благодарности относительно того, кто встрѣтилъ похвальнымъ привѣтомъ первое произведеніе молодаго стихотворца, и «заступилъ не мало,» какъ сказано въ стихахъ, пріобщенныхъ къ сатирѣ. Содержаніе ея выражено въ обращеніи къ «дивному первосвященнику, которому сила Вышней мудрости открыла свои тайны.» Сатирикъ просилъ рѣшить, отъ чего

въ людяхъ, подобныхъ тѣломъ и душою, находятся различныя страсти. Это даетъ ему поводъ изображать нравы людей подъ вымышленными именами Хриссиппа, Клеарха, Менандра, и проч. Онъ описываетъ скупца, мота, любопытнаго, притворно-смиреннаго или богомола, тщеславнаго угодника вельможъ, самолюбиваго, пьяницу, гордеца, злослова, льстеца, недовѣрчиваго, завистливаго. Изображеніе каждаго лица таково, что, не противорѣча родовому понятію страсти, оно указываетъ на являніе этой страсти въ извѣстное время и у извѣстнаго народа, именно во время Кантемира и у народа русскаго. Какъ это видѣть можно въ стихахъ 97 — 101, 150—155, и 159—187.

У Кантемира иногда выходятъ очень остроумныя сравненія, которыми онъ любитъ завершать свою мысль, разсказъ или описаніе. Они тѣмъ болѣе забавны, что, будучи вѣрными, взяты отъ предметовъ чрезвычайно далекихъ къ предмету сравниваемому, и поражаютъ своею неожиданностью. Съ чѣмъ бы, казалось, сравнить состояніе пьяницы, у котораго «глаза красны, лицо распухло, а изъ устъ смердитъ стервой?» Кантемиръ нашелъ ему близкое подобіе въ однокольныхъ дрогахъ:

Когда примется за что, дрожатъ руки, ноги,
Какъ подъ брюхатымъ дьякомъ однокольны дроги.

Четвертая сатира («Къ Музѣ своей») издана въ началѣ 1731 года. Форма ея подобна формѣ первой сатиры или седьмой сатиры Буало. У Горація тотъ же предметъ трактованъ въ первой сатирѣ второй книги. Кантемиръ, обращаясь къ музѣ, проситъ ее оставить изображеніе людскаго злонравія, а между тѣмъ пришелъ къ цѣли противоположной— обличилъ злонравныхъ. Сатира эта замѣчательна по двумъ причинамъ: какъ изложеніе понятій автора о сущности и направленіи сатирической дѣятельности, что мы уже видѣли, и по элегическому элементу. Чувствуя отвращеніе свое отъ стиховъ «гадкихъ,» т. е. восхваляющихъ недостойное, авторъ, вмѣсто громогласной трубы, хочетъ вручить своей музѣ свирѣль, пусть она воспѣваетъ счастливую любовь Титира или нераздѣленную любовь Филена. Или не лучше ли приняться за элегію? Жизнь моя, говоритъ авторъ, дастъ имъ богатую пищу (105-114 ст.).

Отъ элегій авторъ обращается къ любовнымъ пѣснямъ. Но писать ихъ слѣдуетъ людямъ неспѣлаго ума и слабаго тѣла. Изъ тирады объ этомъ родѣ стихотвореній узнаемъ, во-первыхъ, что Кантемиръ довольно написалъ пѣсенъ, которыя были въ ходу *(довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы и отроки)*, и во вторыхъ, что Кантемиръ смотрѣлъ на многое въ мірѣ глазами строгой морали: онъ раскаявается въ сочиненіи любовныхъ стихотвореній. И

вслѣдъ за раскаяніемъ смущеннаго моралиста снова элегическая выходка. Настроенный воспоминаніемъ потерянныхъ дней и мыслію о врагахъ, нажитыхъ себѣ сатирою, Кантемиръ восклицаетъ:

Къ чему жъ и индѣ искать печали причину?
Не довольно ли она валится на спину,
Хоть бы ея не искать? если въ мои лѣта
Минувши скрыться не могъ отъ вражья навѣта,
Если счастье было мнѣ мало постоянно;
Яль одинъ тому примѣръ? — весь свѣтъ непрестанно
Терпитъ отмѣны, и то чудно лишь бы было,
Еслибъ мое въ тѣхъ валахъ судно ровно плыло.
Теперь счастливо плыву; того съ меня полно.
Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредить время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что ни пало
Изъ руки Всевышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду тихъ Его же волю;
Честна жизнь не трепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу, вѣдая, что внидетъ
Тѣми дверьми въ новые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишинаа покой царствуетъ желанный. (стх. 173-191).

Сатирикъ находитъ желанное разрѣшеніе своей печали въ частной жизни, которая ведетъ весело къ неизбѣжному концу, а утоленіе страха — въ сильной стражи Елисаветы, матери отечества.

Пятая сатира, изданная въ 1737 г., есть подражаніе восьмой сатирѣ Буало. Форма ея діалогическая. Разговаривающія лица: Сатиръ и Періергъ. Цѣль ея — описать достойныя смѣха человѣческія страсти. Панъ, богъ лѣсовъ и начальникъ сатировъ, каждые три года разсылаетъ по нѣскольку изъ нихъ въ различныя мѣста. По возвращеніи, они докладываютъ ему о всѣхъ дѣйствіяхъ, нравахъ и обычаяхъ людей, а панъ, слушая разсказъ, помираетъ со смѣху. И вотъ одному сатиру досталось жить въ городѣ Періерга; но онъ не вытерпѣлъ назначеннаго времени и возвращается во свояси черезъ два года. Оставляя мѣсто своего двухгодичнаго пребыванія, встрѣчается онъ съ Періергомъ, которому и передаетъ все имъ замѣченное. Сатиръ, предметъ комическихъ сценъ у древнихъ писателей, самъ выставляетъ на смѣхъ труса, забіяку, болтуна, пустаго ученаго и глупаго мецената, купца, вышедшаго въ дворяне и крайне - тщеславнаго, цѣловальника, знатнаго господина, незанимающагося своимъ домомъ, иначе пустодома, и дворецкаго плута, гордеца Хирона, хитраго и пронырливаго Менандра, высокомѣрнаго невѣжду Ксенона. Потомъ слѣдуютъ строптивый, мотъ и скупецъ, славолюбецъ, старый мужъ, влюбленный, пьяница, молодой мужъ, франтъ, богатый мѣщанинъ, старикъ столѣтній, старикъ, думающій о пышныхъ похоронахъ. Что́ замѣтили мы

о третьей сатирѣ, то̀ самое прилагается и къ пятой, только въ бо̀льшей степени: она изображаетъ смѣшныя страсти русскія, современныя Кантемиру. Это видно и въ отдѣльныхъ стихахъ, которые придаютъ яркій колоритъ мѣстности общимъ признакамъ предметовъ, и въ цѣлыхъ тирадахъ, содержащихъ въ себѣ описаніе народнаго быта, и въ вѣрныхъ портретахъ дѣйствовавшихъ тогда лицъ. Эти черты тогдашней русской особенности, черты — драгоцѣнныя въ отношеніи къ историческому изученію писателя, и къ его современному значенію (стх. 149—153, и стх. 162—195.).

Не слѣдуетъ обвинять автора за цинизмъ картинъ и выраженій. Они встрѣчаются у него нерѣдко и должны быть допущены, потому что служатъ вѣрной копіей дѣйствительности. Кантемиръ не хотѣлъ скрашивать грубое и отвратительное: его призваніе было выставлять нравственную срамоту въ томъ видѣ, какъ она являлась. Онъ не думалъ о претензіяхъ чопорныхъ читателей. Въ третьей сатирѣ, при изображеніи пьяницы сказано, что изъ устъ его «смердитъ стервой», и изображеніе всесвѣтнаго угодника и льстеца заключено весьма-неловкими стихами.... (280—291, 326—335, 377—410, 421—430, 442—453, 461—71, 477—94).

О шестой и восьмой сатирахъ было говорено выше, при опредѣленіи характера Кантемира и

его воззрѣній на нравственность. Надобно только въ первой изъ нихъ замѣтить то мѣсто, гдѣ авторъ исчисляетъ трудности, предстоящія искателямъ особеннаго счастія (стх. 34 — 63) *.

Сатира седьмая (къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому), написанная въ 1739 году, есть подражаніе четырнадцатой ювеналовой сатирѣ. Содержаніе ея состоитъ въ развитіи слѣдующей мысли: большая часть нашихъ дѣйствій, которыя мы приписываемъ природѣ, оказывается, по зрѣломъ изслѣдованіи, дѣломъ воспитанія. Одни сваливаютъ вину недостойныхъ поступковъ на слабость ума, говоря: всему причиной несовершенство врожденное. Напротивъ, корень этого несовершенства въ плохомъ воспитаніи, въ привычкѣ къ дурному: по этому родители должны заняться дѣтьми своими съ особеннымъ тщаніемъ. Авторъ показываетъ, какими правилами руководствоваться при воспитаніи.

Въ началѣ статьи нашей было замѣчено, что выборъ предметовъ для сатиръ Кантемира условливался состояніемъ тогдашняго общества. Дѣйствительно, чѣмъ же другимъ, какъ не разумнымъ направленіемъ воспитанія могла питаться реформа, произведенная Великимъ Царемъ? Что̀ другое, кро-

* См. стр. 28 нашего изданія.

** Тамъ же стр. 35.

мѣ воспитанія, могло раскрыть всѣ сокровища плодоносназс преобразованія? Это зналъ *мудрымъ умомъ монархъ одаренный* (стх. 63—74) *.

Полезныя дѣла скоро предаются забвенію, если они не льстятъ чувствамъ. Мы позабыли великій примѣръ Великаго; мы думаемъ о другомъ (стх. 76—85) **.

Не въ одномъ этомъ мѣстѣ Кантемиръ противопоставляетъ свое время времени петрова царствованія. Стихи первой сатиры, въ которыхъ говорится, что «къ намъ не дошло то время, когда мудрость была единственнымъ средствомъ къ высшему восходу,» должны быть также отнесены къ правленію Петра Великаго.

Убѣжденный въ важности домашняго надзора за развитіемъ дѣтей, въ пользѣ наукъ для общественнаго благоденствія, и самъ человѣкъ отличнообразованный, Кантемиръ посвятилъ цѣлую сатиру нѣсколькимъ педагогическимъ истинамъ. Начало сатиры осмѣиваетъ мнѣніе людей, думающихъ, что здраво разсуждать могутъ только тѣ, у которыхъ сѣдина въ бородѣ (стх. 1 — 29).

Отсюда у Кантемира переходъ къ воспитанію, которое, будучи хорошимъ или дурнымъ, есть причина добрыхъ или злыхъ дѣлъ нашихъ. Главною его обязанностью сатира ставитъ утвержденіе въ

* См. стр. 36 нашего изданія.

** Тамъ же стр. 33.

сердцѣ добрыхъ нравовъ. Одни знанія безъ нравственной чистоты — ничто. Еслибъ нужно было выбирать изъ двухъ людей: просто умнаго, но имѣющаго чистую совѣсть, и злонравнаго, но съ разумомъ острымъ, Кантемиръ выбралъ бы перваго. Между правилами воспитанія есть чрезвычайно важныя, которыя необходимо выписать.

Одно изъ этихъ правилъ совѣтуетъ дѣйствовать на дѣтей больше ласкою, нежели строгостью; другое — запрещаетъ дѣлать имъ выговоры и наказанія при людяхъ, чтобъ чрезъ то не убить въ нихъ благороднаго самолюбія (стх. 139—153) *. Третье правило обращаетъ особенное вниманіе родителей на выборъ приставниковъ, на удаленіе дѣтей отъ ватаги слугъ и служанокъ (стх. 187—214). Четвертое указываетъ родителямъ на самое дѣйствительное средство воспитанія—на ихъ собственные примѣры (стх. 214—240) **.

Мысли, безъ сомнѣнія, прекрасныя, но не надобно приписывать «изобрѣтеніе» ихъ Кантемиру, какъ это сдѣлала извѣстная статья Жуковскаго и вслѣдъ за нею нѣкоторыя другія. «Вы увидите» говоритъ Жуковскій «что Кантемиръ имѣлъ самыя основательныя понятія о семъ важномъ предметѣ *(о воспитаніи)* и нѣкоторыя мысли его должны быть ак-

---

* См. стр. 38 нашего изданія.

** Тамъ же стр. 41 и слѣд.

сіомами для всякаго воспитателя.» Другая статья замѣтила, что «такія мысли о воспитаніи и теперь скорѣе новы, нежели стары.» Она могла бы прибавить, что онѣ были не новы и во времена Ювенала, которому принадлежатъ. При оцѣнкѣ писателя, критика обязана отличать его собственность отъ заимствованій, иначе: показать его отношеніе къ другимъ, иноземнымъ и отечественнымъ писателямъ. Только такимъ образомъ открывается истинная величина литературныхъ произведеній. Конечно, немалая заслуга усвоить себѣ хорошее чужое, принять къ сердцу благородныя и здравыя мысли, пущенныя въ ходъ прежде насъ; однакожъ такая заслуга еще не достоинство оригинальности. Изученіе иностранной словесности избавляетъ литературнаго судью отъ забавныхъ qui pro quo. Горизонтъ его воззрѣнія расширяется; онъ умѣетъ отвести каждому дѣятелю приличное мѣсто и не станетъ надѣлять одного добромъ другаго. Похвальные отзывы старины въ родѣ слѣдующей: «нашъ Ювеналъ, нашъ Горацій,» справедливы только въ томъ отношеніи, что Кантемиръ взялъ многое и у Ювенала и у Горація. Это не безчеститъ Кантемира. Имущество, перешедшее отъ одного къ другому, и которымъ послѣдній пользуется законно, есть имущество наслѣдственное: зачѣмъ величать его именемъ благопріобрѣтеннаго? Теперь остается сказать объ языкѣ его и о стихѣ.

Версификація въ сатирахъ Кантемира силлабическая. Стихи тринадцатисложные съ цезурою послѣ семи слоговъ и съ женскою рифмою. Пресѣченіе на одномъ и томъ же мѣстѣ, неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сообщаютъ силлабическимъ стихамъ удивительную монотонность. Отъ послѣдняго правила происходитъ, сверхъ того, своевольная перестановка ударенія, насилующая звуки слова. Жаль, что Кантемиръ слѣдовалъ бывшимъ до него стихотворцамъ или польской версификаціи, въ которой удареніе на предпослѣднемъ слогѣ — необходимое свойство языка, тогда какъ нашъ языкъ совершенно противоположнаго свойства. Разнообразныя ударенія и болѣе-свободная цезура сообщили бы силлабическому стиху извѣстную степень музыкальности, которой онъ не имѣетъ при отсутствіи этихъ двухъ условій. Встрѣчаются у Кантемира стихи тяжелые и темные, что̀ зависитъ или отъ неестественной разстановки словъ, или отъ неточнаго ихъ употребленія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, примѣчанія сочли даже обязанностью объяснять то, что̀ дѣйствительно можетъ показаться неяснымъ. Есть нѣсколько полонизмовъ; на примѣръ до воли (довольно) обра̀за (досада, оскорбленіе), съ болемъ (вмѣсто съ болью), власно (точно), чрезъ годъ (вмѣсто: на цѣлый годъ), и проч.

6. **ДУДЫШКИНЪ С. С.** *Сочиненія Кантемира. Современ. на 1848 № XI, Ноябрь. Изд. А. См.*

О сатирѣ вообще и о подражаніи въ сатирахъ.— Горацій.— Ювеналъ.— Буало.— Кантемиръ.— Главное достоинство его сатиръ.

Статья г. Д-на начинается предисловіемъ о значеніи критики исторической, «которая смотритъ на произведеніе писателя не съ одной только чисто художественной стороны, но и со стороны взаимнаго отношенія и взаимнаго дѣйствія въ извѣстное время писателя на общество и общества на писателя. Разсматривая съ этой точки зрѣнія писателя, мы можемъ найти, что въ произведеніяхъ его мало художественности, но много современности, т. е. что такой-то писатель былъ выраженіемъ извѣстнаго направленія, существовавшаго въ данную эпоху, что онъ былъ дѣятелемъ въ общественной жизни, что онъ способствовалъ къ развитію идей, впослѣдствіи осуществившихся или по-крайней-мѣрѣ принесшихъ пользу обществу. Такимъ образомъ писатель, который могъ не существовать для исторіи литературы какъ не художникъ, получаетъ въ ней мѣсто какъ литературный дѣятель, какъ литераторъ, какъ человѣкъ, трудившійся и принесшій пользу на литературномъ поприщѣ, точно такъ же,

какъ важенъ для исторіи каждый государственный мужъ, дѣйствовавшій въ извѣстную эпоху на общественное развитіе. Можно быть художникомъ и литераторомъ вмѣстѣ, т. е., можно способствовать развитію идей и свои произведенія замыкать въ художественную форму, но можно содѣйствовать развитію идей и не быть художникомъ. Ограничить литературу одними художественными произведеніями, значитъ отнять у нея множество поборниковъ и людей съ огромнымъ умомъ, но безъ художественнаго таланта. Точно такъ же смотрѣть на исторію литературы съ одной художественной стороны, значитъ ограничивать ее малымъ числомъ избранныхъ и отдавать имъ однимъ незаслуженную или по-крайней-мѣрѣ преувеличенную честь. Сверхъ того, ограничивъ сферу дѣятельности литературы одними художниками, ихъ трудно, если даже не невозможно, объяснить: между ними и обществомъ прерывается связь, постепенность, посредствующія звѣнья, которыя связываютъ неразрывнымъ образомъ это поприще. Художникъ не по одному же вдохновенію становится великъ; онъ подготовляется долго, онъ возникаетъ изъ извѣстныхъ понятій, господствующихъ въ обществѣ, — понятій, надъ которыми трудились другіе люди — не художники, и открыли ему путь. И за что приносить въ жертву лучшую сторону литературныхъ произведеній —

ихъ содержаніе, за то, что форма не художественна? — совершенно несправедливо; отдаемъ же мы справедливость художественной формѣ, если даже содержаніе и недостаточно, отчегожъ не сдѣлать и обратнаго сужденія и не цѣнить произведеній, по содержанію своему имѣвшихъ большое вліяніе на общество, хотя и неразвернувшихся въ художественной оболочкѣ? Вѣдь думали же прежде, что нѣтъ поэзіи, гдѣ нѣтъ стиха, а теперь никто и доказывать не хочетъ, что поэзія можетъ быть и въ прозѣ, даже больше, нежели въ стихахъ, потому-что форма свободнѣе. Зачѣмъ же мы будемъ доказывать, что въ литературномъ мірѣ только то и хорошо, что̀ художественно?

Это предисловіе авторъ счолъ необходимымъ предпослать разбору Кантемира, «котораго недавно, очень недавно, не дальше какъ въ прошломъ году, одинъ критикъ назвалъ «риористомъ и холоднымъ подражателемъ классическихъ сатириковъ». Мы выскажемъ мнѣніе противоположное этому, и рады случаю изданія г. Смирдинымъ «Русскихъ авторовъ», чтобы разсмотрѣть Кантемира не съ одной художественной стороны.

Кантемира нельзя назвать ни риористомъ, ни холоднымъ подражателемъ классическихъ писателей, хотя онъ и писалъ тяжелыми, силлабическими стихами, слѣдовательно не въ такой

изящной формѣ стиха, какъ этотъ стихъ выработался впослѣдствіи. Отъ этой грубой оболочки сатиръ Кантемира ихъ читать трудно, — совершенно справедливо; но остановиться на этой одной оцѣнкѣ слишкомъ недостаточно. Былъ ли онъ исключительно подражатель классиковъ, увидимъ ниже, когда будемъ разсматривать содержаніе сатиръ; былъ ли онъ только ритористъ, на это лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить его сатира «Къ музѣ своей», написанная въ подражаніе Буало. Въ ней стх. 33 — 37, 43 — 49, 96—109, 145—163, 191—196 *) объяснено, почему Кантемиръ писалъ сатиру.

Намъ кажется, что Кантемиръ въ этой сатирѣ довольно сильно и съ горечью высказалъ причины, по которымъ онъ невольно долженъ былъ писать сатиры, въ то время, когда другіе совѣтовали ему пѣть пѣсни любви. Человѣкъ, который заставляетъ другихъ смѣяться, но самъ въ душѣ плачетъ надъ недостатками общественными, человѣкъ, у котораго сатира есть плодъ опытности и знанія, а не одного остроумія, — этотъ человѣкъ заслуживаетъ во всякомъ случаѣ, чтобъ пристальнѣе разсмотрѣть

---

* Выписки эти сдѣланы прозою по той причинѣ, объясняетъ г. Д-нъ, что въ прозѣ онѣ не кажутся такъ тяжелы.

предметъ его негодованія, потому-что это будутъ недостатки народные.

Князь Антіохъ Кантемиръ родился въ Константинополѣ, учился сперва въ Харьковѣ, потомъ въ Москвѣ, а наконецъ въ Петербургѣ. За исключеніемъ петербургской академіи наукъ, все образованіе, которое можно было получить въ Россіи, состояло въ тѣхъ наукахъ, которыя преподавали въ духовныхъ академіяхъ, кіевской и московской, и въ семинаріяхъ, только-что заводимыхъ тогда, по образцу кіевской академіи. Въ чемъ же состояло это ученіе? Учеными и учителями были духовные, воспитанники бо̀льшей части кіевской академіи. Кругъ ученія, доступный имъ, состоялъ изъ языковъ: славянскаго, греческаго и латинскаго, изъ православнаго катехизиса, ариѳметики, піитики, реторики, философіи, богословія, а иногда геометріи и даже началъ астрономіи. Петръ Могила, Заборовскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, мужи, получившіе свое образованіе въ западной Европѣ, принесли съ собою взглядъ на науки и самое преподаваніе наукъ, такое же, какое они получили на западѣ. Богословскія лекціи лучшаго тогда университета — парижскаго, изданныя въ 1658 году, называются *summa theologiae scholasticae*; точно такъ же и въ другихъ католическихъ училищахъ преподаватели оставались поклонниками Ѳомы Аквина-

та. У насъ учебники богословскіе кіевской академіи такъ же составлялись по руководству Ѳомы Аквината, напримѣръ учебникъ 1642 и 1693—1697 годовъ и далѣе, до Георгія Конисскаго, за исключеніемъ одного Ѳеофана Прокоповича. А извѣстно, въ чемъ состояло схоластическое богословіе: въ основаніе принимались догматы христіянской религіи, и изъ нихъ, посредствомъ діалектики Аристотеля, выводили цѣлый рядъ христіянскихъ истинъ, которыя обыкновенно въ совокупности и назывались *summa theologiae*. Изъ этого видно, что въ философіи (въ духовныхъ училищахъ) въ то время долженъ былъ господствовать тотъ же Аристотель; его сочиненія продолжали свое схоластическое поприще, несмотря на появленіе Бекона и Декарта. Въ реторикѣ и піитикѣ владычествовалъ неограниченно тотъ же Аристотель, только на этотъ случай въ товариществѣ съ Цицерономъ и Квинтиліаномъ.

У насъ эта область наукъ, перенесенная въ Россію еще въ XVII столѣтіи духовными лицами, европейски образованными, продолжала свое существованіе, съ помощію кіевской академіи, въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII и не ограничивала круга своихъ дѣйствій одною Малороссіею, но распространила свое вліяніе и на всю Россію. Такимъ образомъ Стефанъ Яворскій, который такъ много содѣйствовалъ планамъ Петра Великаго, въ 1698

году читалъ въ кіевской академіи реторику, подъ затѣйливымъ заглавіемъ: «*concha, novas artis oratoriae gemmas continens*», и раздѣлялъ ее на двѣ части: въ первой говорилось о размноженіи словъ и мыслей, объ образованіи и о распространеніи предложенія и о доказательствахъ; во второй излагались правила сочиненія рѣчей и писемъ поздравительныхъ, привѣтственныхъ, просительныхъ, благодарственныхъ, прощальныхъ и надгробныхъ. Аристотелева философія до того сильно господствовала между нашими духовными, что еще Георгій Конисскій въ 1749 году читалъ въ Кіевѣ «*Philosophia, complectens logicam, metaphysicam et ethicam*» совершенно въ схоластическомъ духѣ. Конспектъ, по которому читалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ 1708 году, назывался: «*Philosophia Aristotelico-scholastica*. Реторика Ѳеофана Прокоповича, читанная имъ въ 1706 г., нисколько не отличается по своему духу отъ реторики Стефана Яворскаго. Въ піитикѣ, само собою уже разумѣется, что было тоже направленіе, которое господствовало и въ реторикѣ. Эти піитики ничѣмъ не отличаются отъ руководства Кошанскаго. Руководство въ латинской поэзіи, само собою разумѣется, было основано на древнемъ ученіи Квинтиліана, изложенномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и впослѣдствіи напечатанномъ въ Москвѣ Георгіемъ Конисскимъ. Нужно замѣтить,

что всѣ эти предметы читались въ кіевской академіи на латинскомъ языкѣ, и слѣдовательно духовные наши, получившіе въ этой академіи образованіе, были сильны въ литературѣ классической и средневѣковой, бо́льшею частію написанной на латинскомъ языкѣ.

Мы говорили о томъ образованіи, которое можно было въ 1720 годахъ получить въ Кіевѣ и Москвѣ; не забудемъ, что лица съ такимъ образованіемъ, какъ студенты кіевской академіи, не были исключительно только въ этихъ двухъ академіяхъ: нѣтъ, они были разбросаны по всей Россіи, они дѣйствовали за-одно съ Петромъ Великимъ и помогали его реформамъ. Стоитъ только припомнить, что изъ лицъ, получившихъ такое образованіе, были: св. Димитрій Туптало, Стефанъ Яворскій, Θеофилактъ Лопатинскій, Θеофанъ Прокоповичъ, св. Иннокентій Кульчинскій, Гавріилъ Бужинскій, — все знаменитые подвижники на государственномъ поприщѣ, совокупными силами двинувшіе образованіе въ Россіи. Но этого мало: при Петрѣ хотя и много заботились объ образованіи народныхъ школъ, но завести ихъ не могли по недостатку учителей; и потому, когда епархіяльнымъ архіереямъ было вмѣнено въ обязанность заводить семинаріи, при архіерейскихъ домахъ, вездѣ учителями были люди, получившіе такое образованіе, о которомъ мы выше

говорили. Впослѣдствіи, когда начали заводить народныя школы, учителями были также бо̀льшею частію воспитанники духовныхъ академій. Профессорами кіевской академіи были наполнены духовныя академіи: сперва московская, а потомъ и петербургская. Свѣтское образованіе, т. е. не отъ духовныхъ нашихъ, а бо̀льшею частію иностранныхъ профессоровъ, началось только съ основанія петербургской академіи наукъ, на которую возложена была обязанность образовать свѣтскихъ учителей. Слѣдовательно, въ царствованіе Петра главными учеными людьми (за исключеніемъ лицъ, которыхъ онъ бралъ съ собою или посылалъ за-границу) были духовные, и вотъ почему сатиры Кантемира, въ которыхъ онъ нападалъ на прежній порядокъ, даже и на духовенство, и поддерживалъ западныя нововведенія, были встрѣчены первою похвалою духовнаго же лица—Ѳеофана Прокоповича. *За тѣмъ весьма кратко излагается жизнь Кантемира, и вычисляются его сочиненія и переводы.*

Кантемиръ написалъ всего восемь сатиръ, но мы считаемъ важными и главными только двѣ: первую, «къ уму своему,» или сатиру на невѣжество, и вторую: «Филаретъ и Евгеній,» или сатиру на людей, гордившихся однимъ происхожденіемъ. Мы считаемъ ихъ важными для потомства потому, что въ нихъ выразился вѣкъ, потому что въ нихъ идетъ

дѣло о тѣхъ недостаткахъ, которые господствовали въ вѣкъ Петра, противъ которыхъ вооружался самъ преобразователь Россіи. Вторая причина та, что эти двѣ сатиры дѣйствительно сатиры, потому что въ нихъ Кантемиръ смѣло вооружился противу господствовавшихъ тогда недостатковъ общества, а не противу мнимыхъ слабостей человѣчества вообще, какъ дѣлаютъ бо́льшею частію сатирики, неимѣющіе никакого вліянія.

Мысль наша сдѣлается яснѣе, когда мы объяснимся относительно значенія сатиры. Сатира, подъ разными именами и видами, — подъ классическимъ именемъ *сатиры*, подъ именемъ *эпиграммы*, часто подъ видомъ *комедіи* (Недоросль—Фонвизина, много мѣстъ Горе отъ ума — Грибоѣдова) и преимущественно въ новѣйшее время безъ всякаго названія (напр. Дума Лермонтова),—сатира есть не что иное, какъ лирическое произведеніе, проникнутое чувствомъ негодованія или горькой насмѣшки, при взглядѣ на недостатки извѣстнаго порядка вещей, на извѣстный классъ людей, часто на цѣлое поколѣніе и даже часто именно на какое-нибудь лицо. Чувство это такъ же возникаетъ въ груди поэта, какъ естественно въ немъ можетъ возникнуть чувство любви или благоговѣнія, которымъ нѣкогда отводили въ удѣлъ элегію и оду. Но теперь никто не называетъ своихъ стихотвореній одами, рѣдко называютъ эле-

гіями и пора перестать называть извѣстный родъ стиховъ сатирами, какъ это сдѣлалъ уже Лермонтовъ у насъ. Это произошло оттого во-первыхъ, что довольно нелѣпо, написавъ напр. такое сочиненіе, какъ «Дума» Лермонтова, сдѣлать для нея названіе: «гнѣвное или сердитое сочиненіе,» т. е. сатира, потому что тотъ, кто прочтетъ ее, уже непремѣнно пойметъ этотъ характеръ стихотворенья, если бы даже больше и ничего не понялъ. Или напримѣръ назвать бы стихи Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» торжественной одой или торжественнымъ стихотвореніемъ, потому что здѣсь главное чувство — чувство патріотизма русскаго, или наконецъ его же стихи: «Для береговъ отчизны дальной, ты покидала край родной,» назвать печальнымъ, грустнымъ стихотвореніемъ, потому что въ немъ это чувство играетъ главную роль. Во-вторыхъ, такія названія стихотвореній прекратились потому, что въ лирическомъ произведеніи такъ же часто перемѣшиваются всѣ чувства, и грустное, и торжественное, и юмористическое, какъ напр. въ драмѣ смѣшиваются и комедія, и трагедія, и водевиль. Всѣ эти названія годны для піитикъ, въ которыхъ нужно обозначать извѣстный родъ стихотвореній, уже прежде надписанныхъ такими названіями.

Слѣдовательно, мы говоримъ, сатира есть лирическое произведеніе, и въ той мѣрѣ, сколько въ ней

неподдѣльнаго, справедливаго чувства, столько сатира есть произведеніе поэтическое, не говоримъ художественное, потому что этого названія преимущественно заслуживаютъ формы произведеній, повѣствовательная и драматическая, гдѣ требуется обработка характеровъ, развитіе дѣйствій и совершенное удаленіе со сцены личности писателя. Чувство любви или негодованія не можетъ иначе вспыхнуть, какъ при встрѣчѣ съ частнымъ случаемъ, съ обстоятельствами, тѣсно связанными съ дѣйствіями лица, испытавшаго негодованіе или любовь. Чувство это можетъ быть болѣе или менѣе общее, т. е. можетъ обнимать болѣе или менѣе общую сторону человѣчества или общества, но происходитъ не иначе, какъ при встрѣчѣ съ обстоятельствами извѣстнаго времени или мѣста. Возьмите многіе монологи Фауста: не есть ли это горькая насмѣшка надъ слабостью и преимущественно ограниченностью? Этотъ человѣкъ, обольщенный ложной надеждой, жаждетъ знать законы всего созданнаго, все узнаетъ, что̀ знаютъ только люди, видитъ, что еще онъ едва началъ дорогу, что ея конца и средствъ достигнуть его, даже съ помощію Мефистофеля, — нѣтъ, и онъ горько смѣется надъ собою и вмѣстѣ съ этимъ и надъ всѣмъ человѣчествомъ. Такіе монологи — неподдѣльная сатира. Гамлетъ Шекспировъ, изнемогающій подъ собственнымъ безсиліемъ отомстить за смерть отца, — таже горькая сатира на огра-

ничтожность нашей воли и на слабость нашу передъ обстоятельствами. Это уже чисто человѣческія слабости, на которыя ропщетъ человѣкъ, столкнувшись съ ними, и испытавъ на себѣ ихъ вліяніе. Но есть другаго рода сатиры, не общія, а мѣстныя, не общечеловѣческія, а данныя въ удѣлъ извѣстному народу. Вотъ хоть бы эти стихи Лермонтова, которые такъ хорошо идутъ къ нашему поколѣнію, долгое время корчившему Байрона и неприлагавшему рукъ своихъ ни къ какому дѣлу:

. . . .
И жизнь ужь насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
. . . .
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ:
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ,
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

. . . .
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Скажите, развѣ это не сатира, брошенная нашему полуобразованному, полудѣятельному поколѣнію, пожирающему само свои силы, какъ у древнихъ изображали время пожирающимъ своихъ дѣтей? Это чувство справедливое, неподдѣльное, вынесенное Лермонтовымъ изъ сообщества съ такими людьми, какихъ онъ описалъ, и потому поэтическое. Точно такъ же мы должны сказать о Грибоѣдовѣ во многихъ монологахъ его насчетъ московскаго общества. Мы выписали эти всѣмъ извѣстные стихи, чтобы спросить: неужто въ нихъ нѣтъ поэзіи? Точно такъ же ѣдкая эпиграмма, которая уже не можетъ быть написана иначе, какъ имѣя въ виду извѣстнаго человѣка, впослѣдствіи можетъ сдѣлаться, а иногда даже прямо бываетъ поэтическимъ произведеніемъ, потому что прилагается ко всѣмъ лицамъ, имѣю-

щимъ общія черты съ тѣмъ, на кого написана эпиграмма.

Все это мы сказали для того, чтобы показать, какъ сатира необходимо связана съ извѣстнымъ положеніемъ вещей, съ данными условіями, существующими въ народѣ въ извѣстный моментъ. Дѣло сатирика будетъ состоять въ томъ, чтобы замѣтить этотъ главный недостатокъ, вредный для народа, и преслѣдовать его всею силою остроумія, всею энергіею души. Поэтому тотъ сатирикъ, который уклоняется отъ недостатковъ общества существующаго, а гонитъ такіе недостатки, которые перестали быть господствующими, прошли съ теченіемъ времени, или нападаетъ на такія слабости, какъ напримѣръ на лживость человѣческой природы, на коварство любви, на непостоянство дружбы между свѣтскими людьми, — однимъ словомъ, на такія вещи, которыя могутъ кой-кого забавлять и никого не оскорблять, въ сущности своей сатирикъ ложный. Тутъ совсѣмъ не отчего приходить въ негодованіе, потому что объ этихъ общихъ чертахъ можно поразмыслить кому угодно въ нравственной философіи, да и оставить такъ, какъ вещь вовсе незначительную, а тѣмъ больше нисколько неприводящую въ гнѣвъ. Особенно элементъ шутки, веселости въ сатирѣ, введенный Гораціемъ, для того, чтобы усладить напримѣръ горькое чувство, которое у васъ родилось отъ

измѣны любовницы, есть совершенно поддѣльный и фальшивый элементъ, доказывающій, что сатиру взялся писать человѣкъ, которому бы слѣдовало писать идилліи.

На этомъ основаніи, т. е. потому, что первыя двѣ сатиры Кантемира вытекли изъ того положенія народа, въ которомъ онъ самъ жилъ, слѣдовательно безпрестанно встрѣчался съ его недостатками, эти сатиры дѣйствительно могутъ носить это названіе. Общество непосредственно дѣйствовало на его образованный умъ своею грубостью, необразованностію, изъ которой выдвигалъ его Петръ Великій, съ своими сотрудниками, и которому оно упорно противоборствовало. На этомъ же самомъ основаніи остальныя сатиры Кантемира слабѣе, потому что онѣ относились къ тѣмъ недостаткамъ, которые или существовали въ римскомъ обществѣ при Ювеналѣ, или въ поддѣльной сатирѣ Горація, или наконецъ во французскомъ обществѣ временъ Буало. Предметы эти довольно отвлеченны, и хотя по общечеловѣческому своему значенію и имѣли приложеніе въ Россіи, но уже не столько, сколько сатиры, извлеченныя изъ жизни, а поэтому были слабы и не могли возбудить въ Кантемирѣ сильнаго чувства.

Кантемиръ подражалъ Горацію, Ювеналу и Буало. Уже по самому значенію сатиры, исключитель-

нимъ словомъ, извѣстная философія, порожденная въ то время, когда люди хотѣли прикрыть свое слабодушіе, эгоизмъ и физическую изнѣженность какою-нибудь системою философіи. Она проста: «не будемъ дѣлать ничего для другихъ, а все для самихъ себя.» Отсюда насмѣшка надъ людьми, которые дѣйствуютъ, будетъ ли то на поприщѣ политическомъ, гдѣ они добываютъ себѣ власть и почесть, или на поприщѣ промышленномъ, гдѣ они собираютъ капиталы и уваженіе за безукоризненный трудъ. Конечно нѣтъ стороны въ жизни, которая бы не вызывала сатиры на уста человѣка, если только эта сторона опошляется людьми недостойными; но изъ этого еще не слѣдуетъ такого заключенія, что самое направленіе, т. е. дѣятельность есть зло. Поэтому-то Кантемиръ и замѣтилъ нѣсколько сторонъ приказныхъ людей и выскочекъ, которые хотятъ выслужиться, но въ основаніи своей сатиры онъ ложенъ по неумѣстности морали.... Горацій, котораго копировалъ въ этой сатирѣ Кантемиръ, не разъ воспѣвалъ такого рода философію: «Счастливъ тотъ, кто вдали отъ дѣлъ, по примѣру первобытныхъ людей, воздѣлываетъ волами наслѣдственное поле и свободенъ отъ заботъ корыстолюбія».... Что̀ же дѣлаетъ самъ Горацій? трудится? Вотъ отвѣтъ (кн. 2 сат. 6): «предѣлъ моихъ желаній былъ: скромное помѣстье, въ которомъ бы у меня былъ садикъ;

но обусловленной временемъ, пространствомъ и личными отношеніями сатирика, можно напередъ сказать, что всякое подражаніе будетъ въ этомъ случаѣ неудачно. Дѣйствительно, такъ и выходитъ. Возьмемъ напримѣръ сатиру VI, въ которой Кантемиръ больше всего подражалъ Горацію. *Здѣсь слѣдуетъ изложеніе ея содержанія* *.

Вся эта сатира не можетъ быть названа истинной сатирой, по содержанію своему и потому, что она есть подражаніе фальшивымъ сатирамъ Горація, и потому, что она нисколько не гармонируетъ съ тою дѣятельностію, которую придалъ Россіи Петръ, обновивъ ея силы, и наконецъ потому, что она противорѣчитъ личному характеру Кантемира, человѣка дѣятельнаго на поприщѣ государственномъ.

То, что это не сатира, доказывается уже содержаніемъ ея: вся она есть наборъ доказательствъ въ подтвержденіе истины, что дѣятельность — пустяки, что жить значитъ уединиться, уѣхать подальше отъ людей, набрать съ собою побольше книгъ, читать, думать, мечтать, поболтать съ другомъ.... и, само собою разумѣется, выпить съ нимъ хорошаго вина: пообѣдать хорошо, такъ, какъ можно пообѣдатъ у лучшаго ресторатера въ городѣ ... Од-

---

* См. сатиру эту отъ стр. 27 нашего изданія, или стр. CXI въ ст. Галахова.

близъ дома источникъ неизсякаемый и маленькая рощица; но боги дали мнѣ и лучше и больше.... да будетъ имъ хвала за это! Я прошу у тебя, сынъ Маи, сохрани только неприкосновенными эти дары. Я ничего не прибавилъ къ своему имуществу незаконными путями, и я не утрачу ничего расточительностію.... Мое единственное желаніе, о Геркулесъ! утучни мое стадо и все остальное за исключеніемъ моего ума, и будь всегда, какъ ты и былъ, моимъ мощнымъ покровителемъ.» Вы видите, что это тоже самое, что́ и у Кантемира. Далѣе: «Но когда я нахожусь вдали отъ города, когда я убѣжалъ въ свои горы и свой лѣсъ, о чемъ я буду заботиться, какъ не о сатирахъ и стихахъ?» Очень хорошо, что́жъ вы воспѣваете въ этихъ сатирахъ?.... Посмотримъ, кого вы жалите въ томъ городѣ, изъ котораго бѣжали? ту дѣятельность, которая вамъ такъ противна?

Сатиры эти состоятъ вотъ въ чемъ:

Въ одной (сат. 1) онъ разсуждаетъ о томъ, кто счастливъ: тотъ ли, кто стремится къ новымъ и новымъ пріобрѣтеніямъ, или тотъ, кто владѣетъ умѣреннымъ состояніемъ. Горацій рѣшаетъ въ пользу золотой середины. Въ другой онъ трактуетъ, какъ должно любить:

Любить не нужно (говоритъ онъ) ни женщинъ высшаго, ни низшаго сословія, а средняго, и лю-

бить должно ни много, ни мало, а въ границахъ золотой середины.... Далѣе, въ сатирѣ 3 (кн. 1) онъ разсуждаетъ о томъ, что въ мірѣ нѣтъ человѣка, у котораго бы не было какихъ-либо недостатковъ,—у одного ихъ больше, у другого меньше,— что должно стараться имѣть недостатковъ, если не меньше, нежели у другихъ, то и не больше, а такъ, на середину, и тотъ «будетъ снисходительнымъ другомъ, кто, взвѣсивъ мои достоинства и недостатки, увлечется первыми, а не вторыми;» такого друга вы будете любить. Въ сатирѣ 2, (книга II.) Горацій разсуждаетъ о томъ, какъ должно ѣсть, много ли, или мало, къ чему ведетъ роскошный столъ и умѣренный.... Вы уже напередъ знаете рѣшеніе.... Посмотрите, съ какою наивностію, достойною идилика, а не сатирика, Горацій выводитъ въ этой одѣ двухъ лицъ, Офелла и Авидіена, изъ которыхъ одинъ доказываетъ, что апетитъ, движеніе составляютъ всю гастрономію, и потому нечего заботиться о дорогихъ кушаньяхъ; а другой говоритъ, что онъ не можетъ ѣсть оливокъ иначе какъ пятилѣтнихъ, пить вино, пока оно не прокисло, и обливать капусту другимъ масломъ, какъ только такимъ, запахъ котораго можетъ васъ привести въ обморокъ. Первый слѣдовательно держится аскетическихъ правилъ насчетъ стола, второй — грязной гастрономіи, оба впадаютъ въ крайности. Средина, которой должно

держаться — умѣренность въ кушаньи. Мы будемъ говорить о выгодахъ ея. Во-первыхъ, чувствуешь себя хорошо: различныя кушанья вредятъ. Вспомните, когда вы насыщались однимъ блюдомъ, какъ вамъ было легко! Но когда вы начнете смѣшиватъ жаркое, дичь, рыбу, соусы, тогда соки самые нѣжные обращаются въ жолчь.... Уснувъ послѣ легкаго обѣда, вы чувствуете себя бодрымъ и сильнымъ на новую работу....

Вотъ главная ткань сатиръ Горація: вы видите, имѣютъ ли онѣ сатирическое содержаніе? могли ли онѣ дѣйствовать на тотъ вѣкъ, въ которомъ жилъ Горацій, и на то общество, изъ котораго онъ удалился, чтобы писать сатиры? Вы видите, что содержаніе сатиры Кантемира, выше нами приведенной, есть чисто гораціянское; оно говоритъ: убѣжимъ отъ дѣлъ, скроемся въ свои мечты, въ свои наслажденія, въ свой желудокъ.... и будемъ счастливы. Эта сатира до того не въ духѣ Кантемира, что онъ самъ противорѣчитъ ей въ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ въ мірѣ есть зло — говоритъ Горацій — то и будемъ убѣгать отъ этого міра.... Вѣрный другъ, легкая любовь, чтеніе, умѣренный столъ, — и я счастливъ! Да, должны мы прибавить, это самый сильный эгоизмъ, воспѣтый человѣкомъ, которому сдѣлался тяжелъ и невыносимъ долгъ, обязанность языческаго гражданина, и

которому еще не было извѣстно новое ученіе, уже въ то время распространявшееся въ Римѣ вмѣстѣ съ христіянствомъ.

Кантемиръ занялъ у Горація еще одну сторону его сатиръ, даже и тамъ, гдѣ онъ не былъ подражателемъ: это разсужденіе. Дидактизмъ, философія есть недостатокъ сатиры; когда человѣкъ начинаетъ разсуждать, у него умъ замѣняетъ чувство; это дидактическое сочиненіе въ видѣ сатиры. Такою является VII сатира Кантемира къ князю Трубецкому. Но о ней будемъ говорить вмѣстѣ съ 1 и 2 сатирами.

Мы сказали выше, что сатиры Горація фальшивы.... Не такъ думали прежде, а можетъ быть и теперь думаютъ. Г. Жуковскій въ своемъ разсужденіи: «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира» говоритъ, что сатиры Горація можно назвать сокровищемъ опытной нравственности, полезной для всякаго, во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Характеръ этого поэта — веселость, чувствительность, пріятная и остроумная шутливость. Онъ живетъ въ свѣтѣ и смотритъ на него глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и свободѣ, имѣющаго проницательный умъ, характеръ откровенный и наконецъ способность видѣть недостатки людей, не оскорбляться ими и только находить ихъ

забавными. Посреди разсѣянности и шума придворной жизни, онъ сохранилъ въ душѣ своей привязанность къ простымъ наслажденіямъ природы. Онъ забавляется заблужденіями и пороками, но онъ невзыскателенъ, не выдаетъ себя за строгаго законодателя нравовъ и имѣетъ ту снисходительность, которая и самые непріятные упреки дѣлаетъ привлекательными; его простосердечіе и любезный характеръ примиряютъ васъ съ колкостью его остроумія, и вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца, по опыту и забавляетъ васъ, предлагая вамъ нравоученіе полезное; его философія не имѣетъ цѣлію моральнаго совершенства стоиковъ, надъ которыми онъ позволяетъ себѣ иногда смѣяться; она заключаетъ въ себѣ искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимымъ и любить природу.... Однимъ словомъ, прочитавъ его сатиры, вы остаетесь съ лучшимъ знаніемъ свѣта, съ яснѣйшимъ понятіемъ о жизни и съ бо̀льшимъ расположеніемъ ко всему доброму.

Г. Жуковскій, говоря это, вмѣсто похвалы, которую онъ хотѣлъ сдѣлать, высказалъ, по-нашему, всѣ недостатки Горація. Горацій смотрѣлъ на свѣтъ глазами философа, т. е. не оскорблялся недостатками людей и только находилъ ихъ забавными. Мы должны сказать, что смотрѣть на міръ глазами та-

кого философа, который удаляется отъ него, лишь бы ему было покойно, есть величайшій недостатокъ въ человѣкѣ, призванномъ къ жизни вмѣстѣ съ другими людьми; а какъ только онъ удалился отъ свѣта, изолировалъ себя, то конечно недостатки людей могли казаться ему забавными. Чѣмъ ему было оскорбляться? ему подарено было богатое помѣстье, въ которомъ онъ жилъ покойно. Поэтому такъ же онъ не былъ и взыскателенъ и не выдавалъ себя за строгаго законодателя нравовъ. «Вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца,» но такіе эгоисты, какъ Горацій, ничего не говорятъ отъ сердца; отъ сердца они стараются только оправдать себя въ глазахъ общества. Соглашаются же учиться у нихъ потому, что наука быть эгоистомъ чрезвычайно привлекательна для человѣка, отъ природы уже склоннаго къ любви къ самому себѣ.... Эта наука учитъ быть независимымъ... Но развѣ это возможно въ обществѣ? — Куда прикажете бѣжать за этой независимостью?.... Конечно Горацію, какъ отставному полковнику, кстати было отъ бездѣлья разсуждать о томъ, много ли, или мало нужно ѣсть, много ли, или мало нужно любить, много ли, или мало нужно человѣку богатствъ.... разсуждать тогда, когда въ Римѣ власть Августа не могла сдержать волненій плебеевъ, требовавшихъ хлѣба, земель и зрѣлищъ, — притяза-

ній патриціевъ, оспоривавшихъ власть императора во имя сената, — разсуждать тогда, когда язычество, изношенное древнимъ міромъ и доведенное до отвратительнѣйшаго матеріялизма и цинизма съ одной стороны, а съ другой до изнѣженности и разврата, доживало послѣднія свои минуты, и когда восходило надъ міромъ новое благодатное ученіе, требовавшее любви къ ближнимъ и вѣрованій въ нравственность болѣе чистую, возвышенную, духовную. — Его не оскорбляло и не приводило въ негодованіе то, что̀ губило Римъ; ему казалось это забавнымъ, и онъ предался ничтожнымъ разсужденіямъ о томъ, какъ это забавно.... Эти-то общія мѣста и разсужденія о суетѣ всего сущаго и были подхвачены всѣми подражателями Горація — Буало, Попомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашимъ Кантемиромъ. Эти общія мѣста имѣютъ то удобство, что они вездѣ хороши, точно такъ же, какъ они вездѣ довольно пошлы.

Теперь возьмите образъ мыслей *поэта золотой середины* и примѣните его къ эпохѣ Петра, къ тому времени, когда онъ заставилъ всѣхъ служить и работать, когда онъ указалъ службѣ и работѣ новую цѣль, когда онъ преобразовывалъ составъ людей, работающихъ на пользу общественную, когда онъ обѣщалъ имъ табелью о рангахъ такой почетъ, котораго они никогда не могли видѣть на основаніи

древнихъ мѣстническихъ правилъ, когда онъ класеъ промышленный безпрестанно поощрялъ и старался создать изъ нихъ новую *храмину*, незнакомую для древней Руси, припомните войны, преобразованія, постройки, ученье, поѣздки за-границу, и вы увидите, какъ эта гораціянская философія мало шла въ эпохѣ созиданія. Ученіе Горація вышло изъ эпохи, когда все рушилось, когда древнее зданіе распадалось; Кантемиръ жилъ въ эпоху возобновленія государственнаго. Истинный сатирикъ Рима — Ювеналъ, негодуя на современниковъ, указывалъ на прошедшій, блестящій вѣкъ; сатирикъ русскій, негодуя на современные пороки, долженъ былъ указывать въ даль, на будущее, въ которомъ виднѣлось довершеніе начатаго, блестящая точка, къ которой стремился Петръ. — Слѣдовательно, основная идея сатиръ гораціевыхъ, проповѣдующихъ удаленіе отъ сценъ и заботъ, была фальшива и у Горація въ отношеніи къ Риму и у Кантемира въ отношеніи къ Россіи.

Но мы сказали выше, что сатира Кантемира, содержаніе которой онъ занялъ у Горація, была ложна въ примѣненіи къ жизни и самого нашего сатирика; это доказывается его политическимъ поприщемъ, отъ котораго онъ никогда не отказывался, и другими мѣстами его сатиръ, въ которыхъ дѣя-

ѳельность разсматривается совсѣмъ не съ такой эпикурейской точки зрѣнія.

Кантемиръ подражалъ и другому римскому сатирику — Ювеналу. Справедливо. Но что́ значитъ подражать Ювеналу? тоже ли, что́ подражать Горацію? — Совсѣмъ нѣтъ: Ювеналу, какъ истинному сатирику, будетъ каждый подражать, если будетъ только настоящимъ сатирикомъ; съ другой стороны, Ювеналу совершенно нельзя подражать. Мы это сейчасъ подробно докажемъ.

Кантемиръ подражалъ Горацію, Ювеналу, говоритъ г. Жуковскій. По этому поводу онъ такъ отзывается о Ювеналѣ *: «Ювеналъ имѣетъ характеръ совсѣмъ противоположный Гораціеву: онъ бичъ порочныхъ и порока. Читая сатиры его, увѣряемся, что Ювеналъ имѣлъ пламенную, исполненную любви къ добродѣтели душу; но въ тоже время и нѣкоторую угрюмость, которая заставляла его смотрѣть на предметы съ другой стороны ихъ! представляя ихъ глазамъ читателя, онъ съ намѣреніемъ увеличивалъ ихъ безобразіе. Онъ родился при императорѣ Калигулѣ, но сатиры его, изъ которыхъ дошло до насъ только шестьнадцать, всѣ написаны во время Траяна или Адріана, слѣдовательно въ глубокой старости. *Эти обстоятельства объясняютъ*

* Соч. Ж. VII — 105 и слѣд.

намъ и то, отъ чего сатирикъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ, какъ строгій судія и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка. Ювеналъ, стоикъ характеромъ, видѣлъ всѣ ужасы Клавдіева, Неронова и потомъ Домиціанова царствованій: онъ былъ свидѣтелемъ отвратительной низости, самаго отвратительнаго разврата и въ душѣ его мало по малу скоплялось сокровище негодованія, которое усиливалось въ тишинѣ принужденнаго безмолвія. Старость и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей; онъ видитъ одно безобразіе, онъ выражаетъ или негодованіе или презрѣніе. Онъ не философъ: будучи сильно поражаемъ картиною окружающаго его разврата, онъ не имѣетъ душевнаго спокойствія, которое необходимо для философа, бесѣдующаго съ самимъ собою.... Одни предпочитаютъ Ювенала Горацію, другіе отдаютъ преимущество послѣднему. Не разбирая, на чьей сторонѣ справедливость, мы можемъ замѣтить, что каждый изъ сихъ стихотворцевъ имѣетъ совершенно особый характеръ. Горацій почти никогда не опечаливаетъ души разительнымъ изображеніемъ порока; онъ только забавляетъ на счетъ его безобразія и сверхъ того противуполагаетъ ему тѣ добродѣтели, которыя нужны вообще жизни. Ювеналъ

производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку, и переливая въ нее то пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей и бо́льшую твердость и бо́льшую силу; но Горацій, представляя намъ вездѣ одни привлекательные предметы, привязываетъ насъ къ жизни; а Ювеналъ напротивъ, окруживъ насъ предметами отвратительными, производитъ въ душѣ нашей какую-то мрачность. Первый осмѣиваетъ странности глупыхъ людей, но приближаетъ насъ къ добрымъ; послѣдній, представляя нашимъ глазамъ одинъ порокъ, дѣлаетъ насъ недовѣрчивыми и къ самой добродѣтели. Въ сатирахъ Горація знакомишься и съ самимъ Гораціемъ, съ его образомъ жизни, привычками, упражненіями; въ сатирахъ Ювенала никогда не видишь самого поэта: ибо ничто постороннее не отвлекаетъ нашего вниманія отъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя представляются воображенію стихотворца. Кто хочетъ научиться искусству жить съ людьми, кто хочетъ почувствовать прямую пріятность жизни, тотъ вытверди наизусть Горація, и слѣдуй его правиламъ; кому нужна подпора посреди несчастій житейскихъ, кто, будучи оскорбляемъ пороками, желаетъ облегчить свою душу излитіемъ таящагося во глубинѣ ея негодованія, тотъ разверни Ювенала, и онъ найдетъ въ немъ обильную для себя пищу.... Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горація.»

Здѣсь г. Жуковскій столько же высказалъ правды о Ювеналѣ, сколько ошибся въ Гораціи. Да, правда, Ювеналъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ, какъ строгій судія, и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка; отъ этого онъ производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку, и, переливая въ нее то пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей и бо̀льшую твердость и бо̀льшую силу, хотя и производитъ въ ней мрачность, которую не разгоняетъ поддѣльною теоріею эпикуреизма. Отъ этого-то онъ и не философъ, что̀ и составляетъ его неотъемлемое достоинство, а не недостатокъ, какъ думаетъ г. Жуковскій: отъ этого же, когда его поражаютъ картины окружающаго разврата, онъ не имѣетъ душевнаго спокойствія. Начни Ювеналъ разсуждать, онъ убилъ бы энергію и неотразимость своихъ сатиръ. Сатиры его съ начала до конца лирическія произведенія, отчего и принадлежатъ поэзіи, а не ложной дидактикѣ. Несправедливъ г. Жуковскій и въ томъ мѣстѣ, когда онъ говоритъ, что старость и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей, что онъ видѣлъ одно безобразіе. Не старость и не привычка къ чувствамъ прискорбнымъ, а окружающее безобразіе заставило его видѣть у Римлянъ одно безобразіе. Вотъ что̀ самъ Ювеналъ говоритъ въ 1-й сатирѣ 1-й книги:

«Когда нѣжный эвнухъ женится, когда Мевіа охотится за этрурскимъ кабаномъ, обнаживъ свою грудь, съ копьемъ въ рукѣ; когда онъ одинъ можетъ поспорить съ богатствами всѣхъ патриціевъ, онъ, который, въ молодости, брилъ меня; когда низкое дитя египтянина, канопскій рабъ, Криспинъ, забросивъ на плечо тирійскій пурпуръ, показываетъ свои пальцы, потѣющіе подъ алмазами, и не могущіе снести тяжести болѣе вѣсскаго драгоцѣннаго перстня: тогда трудно отказаться отъ сатиры. И кто посреди развращеннаго города будетъ до того безстрастенъ, до того желѣзенъ, что воздержится, смотря на адвоката Матона, несомаго въ носилкахъ, которыми онъ владѣетъ съ сегодняшняго дня, и которыя онъ всѣ занялъ своею гнусною особою, а за нимъ — доносчика на знаменитаго патрона, готоваго довершить разрушеніе патриціевъ, которыхъ онъ пожралъ, котораго боится Масса, котораго Карусъ старается усмирить подарками, и которому трепещущій Латинъ дѣлаетъ честь своею Тимелою?....»

«Могу ли я описать тотъ жгучій припадокъ ярости, который меня пожираетъ, когда я вижу этого похитителя имущества сироты, доведеннаго до крайняго позора, когда онъ топчетъ народъ волнами своей свиты? Когда я вижу другого, тщетно осужденнаго (и что̀ значитъ безславіе, когда остаются

деньги) Марія, когда онъ пьянствуетъ въ своемъ изгнаніи, начиная съ восьмаго часу и смѣется надъ гнѣвомъ боговъ? Но ты, провинція побѣдительница, ты плачешь! И я не возжгу лампы поэта Венузы? И я не буду казнить этихъ золъ?.... И мнѣ пѣть пѣсни, когда другой негодяй домогается начальства надъ когортами потому, что раззорился на лошадяхъ, потому, что онъ проѣлъ все наслѣдство предковъ и былъ занятъ одной ѣздой на колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ....»

«И я не буду писать публично, торжественно, когда я вижу, какъ шесть рабовъ несутъ въ носилкахъ, открытыхъ съ обѣихъ сторонъ и почти прозрачныхъ, человѣка, поддѣлывающагося подъ взглядъ Мецената, но въ самомъ дѣлѣ составителя подложныхъ актовъ.... Фальшивая печать и завѣщаніе, подложнымъ образомъ составленное, осыпали его почестями и богатствами.... Вотъ могущественная матрона, которая подноситъ къ устамъ своего супруга тонкій ядъ и, болѣе опытная, чѣмъ Локуста, учитъ своихъ родственницъ, новичковъ въ этомъ дѣлѣ, какъ относить на костеръ, посреди шума и волненій народныхъ, синіе трупы своихъ супруговъ!»

Уже изъ приведеннаго нами отрывка, въ которомъ мы хотѣли сколько-нибудь показать содержаніе и характеръ сатиръ Ювенала, можно видѣть, какъ трудно ему подражать. Ювеналъ націоналенъ,

его негодованіе изливается на пороки и недостатки римскаго общества, онъ ихъ клеймитъ собственными именами лицъ, случаями изъ жизни римской, обусловленной тогдашнимъ состояніемъ имперіи. У него мало общихъ мѣстъ, его сатиры бо́льшею частію — строгія картины, а не разсужденія; у него сатира есть поэзія, потому-что вся исполнена чувства, и художественная картина, потому-что представлена въ образахъ, въ лицахъ... Оттого она и была такъ сильна, оттого ея и боялись всѣ: и изнѣженные поэты, и патриціи, и плебеи, и женщины, и мужчины, и ученые, и неученые, и риторы, и грамматики, и философы....

Во второй сатирѣ Ювеналъ возстаетъ противъ подложныхъ философовъ, которые осмѣливаются быть цензорами публичныхъ нравовъ, тогда какъ втайнѣ они сами предаются самому гнусному разврату. Потомъ онъ нападаетъ на неприличную изнѣженность судей, на гнусность жрецовъ, на низость патриціевъ, и кончаетъ вопросомъ: что́ думаютъ въ аду Куріи и другіе великіе граждане, со славою умершіе за отечество, когда къ нимъ сходитъ новая тѣнь изъ этихъ переродившихся римлянъ? Описываетъ ли онъ безпорядки Рима, вслѣдствіе которыхъ честному человѣку не было средствъ жить въ Римѣ, что въ немъ все сдѣлалось добычею интригановъ, наемниковъ, стекающихся со всѣхъ концовъ міра, вы и

въ этой столичной толпѣ видите лица, свойственныя одному Риму.... Ювеналъ былъ старовѣръ, онъ вооружался за прошедшее и противъ настоящаго, которое ему не представляло ничего привлекательнаго. Кантемиръ, какъ мы сказали, не находилъ блестящихъ сторонъ въ прошедшей жизни и воевалъ за будущее.... Ювеналъ зналъ все то, что̀ было наноснаго на чистую, воинственную, строгую почву латинскую; Кантемиръ изгонялъ многое изъ нашей прежней жизни, все то, что̀ дѣлало застой. Ювеналъ говоритъ (сат. 2):

«Какіе люди теперь всего пріятнѣе нашимъ богачамъ, но которыхъ я избѣгаю преимущественно? я вамъ скажу безъ обиняковъ и коротко. Нѣтъ, Римляне, не могу я терпѣть вашего города на греческій образецъ. Но что̀ я говорю: вся ахейская земля составляетъ только часть Рима. Съ давнихъ временъ сиріецъ Оронтъ перенесъ на берега Тибра и свой языкъ, и свои нравы, и свои музыкальные инструменты, и барабаны. Бѣгите къ намъ, вы, которыхъ электризуетъ разрисованная митра иностранной развратницы.»

«И это твой земледѣльческій народъ, Квиринъ, надѣваетъ ливрею паразита, надѣваетъ на умащенную шею суетные трофеи своихъ побѣдъ. Они идутъ, одинъ изъ Сикіона, другой изъ Амидона, третій изъ Андроса, этотъ изъ Самоса, тотъ изъ

Аллебандо.... всѣ они идутъ къ квиринальной горѣ, чтобы проникнуть въ могущественные дома, о завоеваніи которыхъ они уже помышляютъ. У нихъ умъ быстрый, смѣлость необузданная, рѣчь всегда готова и быстра, какъ у Изея. Посмотримъ, что̀ ты думаешь объ этомъ грекѣ? Это универсальный человѣкъ: онъ грамматикъ, онъ риторъ, онъ геометръ, живописецъ, баньщикъ, авгуръ, плясунъ на канатѣ, врачъ и магикъ: онъ все знаетъ. Прикажешь? и голодный грекъ полетитъ подъ небеса.... Тотъ, кто прицѣпилъ себѣ крылья, не былъ ни мавръ, ни сарматъ, ни ѳракіецъ: онъ родился посреди Аѳинъ.»

«И я не убѣгу отъ ихъ надменнаго пурпура! и этотъ грекъ будетъ выше меня! Онъ на пиру будетъ возлежать на почтеннѣйшемъ мѣстѣ, чѣмъ я, онъ, который отправился въ Римъ на кораблѣ вмѣстѣ съ виноградными ягодами и черносливами! Развѣ это ничего не значитъ, что я въ молодости дышалъ воздухомъ авентинской горы, наслаждался оливой сабинской? Прибавьте къ этому, что они, какъ ловкіе льстецы, превозносятъ болтовню дурака, красоту безобразнаго, сравниваютъ длинную шею чахоточнаго человѣка съ крѣпкою шеею Геркулеса. Онъ удивляется пронзительному голосу, болѣе острому, чѣмъ крикъ пѣтуха».

«Мы также можемъ льстить: но одинъ грекъ можетъ увѣрить. Можно ли лучше сыграть Таису,

Матрону, Дориду, выходящую изъ лона водъ? вы подумаете—настоящая женщина, а не комедіянтъ.... Впрочемъ этотъ удивительный талантъ не принадлежитъ исключительно Антіоху, или Деметрію, или Стратоклу, или Гемусу: это талантъ цѣлой націи. Грекъ родится комедіянтомъ: ты смѣешься, онъ смѣется еще больше; если онъ видитъ слезы на глазахъ друга, и онъ плачетъ, но безъ огорченій. Зимою ты попросишь немножко огня, — онъ надѣваетъ мантію; ты скажешь: «мнѣ тепло», — онъ потѣетъ».

«Итакъ, мы не можемъ соперничать: уступимъ тому, кто день и ночь умѣетъ сочинять себѣ физіономію; посылать рукою поцалуй, быть въ восторгѣ, если его патронъ зѣвнулъ. Кромѣ того, для нихъ нѣтъ ничего священнаго, ничего запрещеннаго.

«Римляне, намъ нѣтъ никакого доступа туда, гдѣ царствуетъ Протогенъ, Дафилъ или Еримаркъ....»

Сатира VI, посвященная женщинамъ, вся есть рядъ картинъ, одна за другою проходящихъ за вами ... Вы видите ихъ гордость, тираннію, расточительность, страсть къ сутяжничеству, къ спорамъ, страсть говорить по-гречески при всякомъ случаѣ:

«Что̀ можетъ быть несноснѣй женщины, которая не считаетъ себя красавицей, если она не принимаетъ вида гречанки въ Тосканѣ, а жительница Сульмоны не считаетъ себя происходящею отъ чи-

стѣйшей греческой крови! Вѣчно по-гречески! тогда какъ для римлянки гораздо стыднѣе не знать своего собственнаго языка; греческій языкъ для выраженія нашей радости, нашей боязни, нашего гнѣва, заботъ, греческій языкъ для изложенія всѣхъ тайнъ сердечныхъ.»

Вы видите портреты музыкантши, сплетницы, бранчивой женщины, литературной дамы, ученой, суевѣрной, отравительницы.

Въ сатирѣ VII вы видите цѣлую галлерею философовъ, литераторовъ, поэтовъ, ретористовъ, риторовъ, грамматиковъ.... и всѣ они обличаютъ неблагодарность вѣка, возбуждаютъ въ душѣ вашей одно негодованіе.

Сатира VIII посвящена благородству.

«Истинное благородство — говоритъ Ювеналъ — есть результатъ нашихъ добродѣтелей.»

Въ этомъ пунктѣ Ювеналъ и Кантемиръ сошлись: Ювеналъ не могъ равнодушно смотрѣть на переродившихся потомковъ патриціевъ; Кантемиръ не могъ не сочувствовать этой идеѣ, потому-что она выработывалась въ то время въ нашей государственной жизни. Табель о рангахъ была однимъ изъ главнѣйшихъ нововведеній для прежнихъ обычаевъ мѣстничества. Въ Римѣ эта идея замерла, но въ христіянскомъ государствѣ она должна была принести огромные плоды, что́ и сдѣлалось въ Россіи

съ теченіемъ времени. Кантемиръ въ примѣчаніи ко второй сатирѣ говоритъ: «Намѣреніе сей сатиры «есть обличитъ тѣхъ дворянъ, которые, лишены бу- «дучи всякаго благо*нравія*, однимъ благо*родіемъ* «тщеславятся и сверхъ того завидуютъ всякому «благополучію другихъ. Писана она разговоромъ «между Филаретомъ и Евгеніемъ, кои вымышлен- «ныя лица значатъ на греческомъ языкѣ, первое «*любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.» Эта сатира такъ важна для петровой эпохи, что мы возвратимся къ ней послѣ.

Слѣдя за другими сатирами Ювенала, мы должны сказать, что онѣ также принадлежалъ чисто-римскому міру; напримѣръ сатира IX о покровителяхъ и покровительствуемыхъ.

Но вотъ сатира X, которую можно поставить по основной идеѣ въ совершенную противоположность съ сатирами Горація. Вся цѣль жизни, по ученію Горація, состояла въ умѣренности наслажденій; цѣль жизни, по ученію Ювенала—умѣть безъ страха умереть. Въ этой сатирѣ онъ говоритъ, какое бы желаніе ни составилъ себѣ человѣкъ, оно будетъ вѣчно для него пагубно: будетъ ли онъ желать силы — сила будетъ ему пагубна; захочетъ ли онъ богатствъ — онъ въ нихъ найдетъ свою погибель; захочетъ ли онъ почестей—и онѣ его свергнутъ въ бездну. Примѣромъ можетъ служить страшная ката-

строфа съ Сеяномъ, который съ высоты своего величія, вслѣдствіе одного непостоянства судьбы, былъ преданъ суду. Онъ показываетъ намъ примѣромъ Цицерона и Демосѳена, умершихъ насильственною смертію: сколько пагубы въ краснорѣчіи, — Аннибала и Александра Македонскаго: сколько опасностей въ славѣ. Такимъ образомъ человѣкъ мужаетъ и проводитъ свои лучшіе годы въ томъ, что строитъ для себя одни пагубные планы. Приходитъ старость, а съ ней болѣзни и безсиліе: печальное время жизни человѣка. Оно, увлекая насъ къ гробу, даетъ намъ почувствовать, но уже поздно, ничтожность всего сущаго:

«Неужели же человѣкъ — говоритъ Ювеналъ — не долженъ ничего желать? Нѣтъ, онъ долженъ желать.... здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ, душу, которую не могутъ смутить заботы этого міра, *душу, которая не боялась бы смерти и умѣла представить себѣ конецъ жизни, какъ благодѣяніе природы*.... Да не раздражается она, да не желаетъ ничего и предпочитаетъ труды, горькія испытанія Геркулеса наслажденіямъ Венеры и празднествамъ Сарданапала.... Одна добродѣтель ведетъ къ спокойному счастію. И тогда, о судьба! твоя власть исчезаетъ, если мы мудры; наши слабости дали только тебѣ право божества и твое почтенное мѣсто....»

Да здѣсь человѣкъ поставленъ даже выше языческихъ боговъ!.... но какая ужасная цѣль жизни: умереть! И это результатъ его горькихъ наблюденій надъ современною жизнію.... Тогда такое ученіе было въ ходу.... Одинъ Сенека въ своихъ трагедіяхъ написалъ не мало трактатовъ, какъ должно умирать.... И недаромъ эта мысль такъ безотвязно слѣдовала за римскимъ обществомъ, лишеннымъ религіозныхъ вѣрованій, лишеннымъ дѣятельности, погруженнымъ въ мелкій эгоизмъ и размашистый чувственный развратъ. Когда чувства притуплялись, человѣку ничего не оставалось дѣлать на землѣ: онъ кончилъ свое поприще. Но и будущей міръ не представлялъ имъ ничего отраднаго: языческая религія давно была убита новымъ ученіемъ, распространявшимся въ Римѣ; будущности для язычниковъ за гробомъ не было; имъ оставалось для полноты жизни умѣть получше и съ наслажденіемъ умереть, какъ отпраздновать послѣдній пиръ. И Ювеналъ шагъ за шагомъ представляетъ это общество; вы его видите, вы какъ-будто живете въ немъ... Ювеналъ — великій народный сатирикъ, которому нельзя подражать, потому-что нельзя вторично воспроизвести такого ужаснаго состоянія государства и народа! Слѣдовательно, воспроизведеніе его сатиръ по самой идеѣ невозможно. Напрасно Жуковскій говоритъ, что онъ никогда не хотѣлъ по-

радовать души веселыми и пріятными картинами; онѣ есть и у него, но не изъ той эпохи, въ которой онъ самъ жилъ, а изъ другой, изъ временъ первобытнаго земледѣльческаго Рима; на нихъ указываетъ онъ, къ нимъ часто переносится его омраченная фантазія (какъ и видно въ сатирѣ XIV); но времена эти давно прошли и къ нимъ возврата нѣтъ.

Таковъ Ювеналъ, и такому поэту будетъ подражать только тотъ, кто съумѣетъ глубоко понять недостатки своего народа и передастъ ихъ потомству.... Переносить недостатки одного на другой— тоже, что̀ перекладывать водевили съ однихъ нравовъ на другіе. Поддѣлка не скроется съ глазъ, а отсутствіе одушевленія убьетъ достоинство сатиры.

Что́ касается до подражанія Кантемира Буало, то прежде всего должно замѣтить, что самъ Буало былъ подражатель. Его первая сатира есть подражаніе третьей сатирѣ Ювенала; его́ вторая сатира: о трудности пріискивать риѳму и согласовать ее съ требованіями разума—принадлежитъ ему; третья сатира—подражаніе VIII сатирѣ Горація; четвертая сатира: о томъ, что всѣ люди глупы, и что, несмотря на то, каждый изъ нихъ однако себя считаетъ исключительно умнымъ — принадлежитъ ему; пятая — подражаніе восьмой сатирѣ Горація; шестая — подражаніе третьей сатирѣ Ювенала; седь-

мая — подражаніе первой сатирѣ второй книги Горація; восьмая — подражаніе Персею, девятая — Горацію, десятая и одиннадцатая – Ювеналу; двѣнадцатая: о двусмысленности въ смыслѣ грамматическомъ и о двусмысленности мысли и выраженія — принадлежитъ также ему. То есть всего изъ двѣнадцати три сатиры его собственныхъ, да и изъ нихъ вторая и двѣнадцатая ничтожны по содержанію. Одна четвертая сатира остается для доказательства, что онъ былъ сатирикъ, но и она по выполненію гораздо ниже основной идеи. Слѣдовательно, у Кантемира подражаніе Буало̀ было не что иное, какъ подражаніе латинскимъ сатирикамъ. Пятая сатира Кантемира есть нечто иное, какъ восьмая сатира Буало. Содержаніе ея—человѣкъ вообще и его смѣшныя стороны.

Вотъ что мы должны были сказать о подражаніи Кантемира другимъ сатирикамъ.

Обратимся теперь къ Кантемиру. Исторія первой сатиры Кантемира на невѣжество извѣстна (см. прим. къ ней). Отчего же она возбудила такой восторгъ въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ? оттого, что написана была противу того же, противъ чего Ѳеофанъ проповѣдывалъ всю свою жизнь, т. е. противъ невѣжества, закоснѣлости и въ защиту учрежденій Петра Великаго. — Самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своихъ проповѣдяхъ былъ часто сатирикомъ. Далеко впередъ выдвинутый изъ обыкновенной среды,

Өеофанъ Прокоповичъ, получившій образованіе возможное въ то время, правда, хотя немного и схоластическое, вмѣстѣ съ другими знаменитыми духовными, сталъ ревностнымъ поборникомъ всѣхъ преобразованій Петра Великаго. Пока еще Петръ не приготовилъ для себя сотрудниковъ за-границею, духовенство, особенно получившее образованіе въ кіевской и московской духовныхъ академіяхъ, яснѣе могло понимать всю важность новаго направленія. Въ своихъ рѣчахъ, Өеофанъ Прокоповичъ слѣдилъ шагъ за шагомъ за всѣми преобразованіями и доказывалъ ихъ необходимость; онъ говорилъ проповѣди о необходимости флота, регулярнаго войска, образованія, путешествій, о важности нейштадскаго мира, которымъ пріобрѣтенъ берегъ Балтійскаго моря, и о важности этого берега для торговли и сношеній съ западомъ. Однимъ словомъ, Петръ дѣйствовалъ,—Өеофанъ Прокоповичъ, стоявшій между Петромъ и народомъ, объяснялъ политику внутреннюю и внѣшнюю. Но всѣ преобразованія Петра касались первыхъ началъ цивилизаціи: необходимости учиться ариѳметикѣ, геометріи, географіи, языкамъ, кораблестроенію, военному искусству: Өеофанъ въ проповѣдяхъ доказывалъ народу эту необходимость, а Кантемиръ въ сатирахъ осмѣивалъ тѣхъ, кто сопротивлялся ей. Вотъ почему Өеофанъ такъ радостно встрѣтилъ первую сатиру Кантемира,

вотъ почему главный элементъ сатиръ могъ быть въ то время осмѣяніе самаго грубаго невѣжества.— Поэтому на сатиры Кантемира нѣтъ поясненія лучшаго, болѣе современнаго, какъ слова̀ Ѳеофана, которыя мы и будемъ приводить въ подтвержденіе той мысли, что Кантемиръ нападалъ на недостатки, дѣйствительно существовавшіе въ то время. Въ 1-й сатирѣ подъ Критономъ осмѣивается ханжа суевѣрный, невѣжда, предпочитающій наружность закона существу его. Посмотрите, что̀ говорится объ этомъ же предметѣ у Ѳеофана Прокоповича. «Въ попеченіяхъ житейскихъ погрязше ни о чемъ непомышляютъ, что къ животу вѣчному вѣдати и содержати нужно; а однако христіанскимъ именемъ украшаютъ себя, но именемъ токмо, а не дѣломъ. Ибо что видятъ христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити, напримѣръ, въ церковь, хранити посты уставленные, весело проводити праздники, вжигати свѣщи, употребляти крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ какъ мартышки, внѣшній видъ только христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго, духовнаго отнюдь не имѣя; всѣ бо вышерѣченные и другіе церковные обряды подобаетъ исполнять не тѣлеснѣ токмо.» (Стр. 11—247.)

Здѣсь слѣдовательно Ѳеофанъ говоритъ, что невѣжда въ религіи ограничивается внѣшностію; въ

другомъ мѣстѣ, далѣе, онъ доказываетъ, что недоученость, полузнаніе также гибельны въ дѣлахъ религіи, и что такой человѣкъ не можетъ различить истиннаго ученія отъ ереси.

«И жалостно и смѣшно видѣть, когда человѣкъ перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ богословскія дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о Богѣ, о Ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо, и что не любо Богу, и что хранити надобно къ счастію, и что къ обереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя псалмы или молитвы къ дѣлу сильнѣйшія и прочія безмѣстныя басни; да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третьяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священное писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ: часто на святыхъ отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они, многажды въ раздорахъ бредивъ, довольно восклицаетъ: глубина богословіи! Великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуры. Какъ же разумному человѣку не смѣшно слышати подобныя погудки?» (11—245).

Этотъ вредъ въ наукѣ находятъ ханжи и недоученые.

Далѣе возраженія Сильвана противъ науки изъ I-й сатиры: стх. 41 — 50, 51 — 83 *.

Но на эти возраженія противъ существенной пользы наукъ, отвѣчаетъ и самъ Кантемиръ въ седьмой сатирѣ о воспитаніи: отъ 91 — 108 **.

Но если обратимся къ Ѳеофану Прокоповичу, который догматически излагалъ то, чему нѣтъ мѣста въ сатирѣ (напримѣръ вышеприведенная —91—108 — выписка изъ Кантемира о выгодахъ воспитанія есть догматизмъ, а не сатира), то въ проповѣдяхъ его найдемъ почти цѣлый рядъ разсужденій о томъ, какъ полезны человѣку разныя отрасли знанія. Напримѣръ:

«Любителей невѣжества умствованіе есть, что всякое спасительное вѣдѣніе политическому человѣку есть непристойно: извѣствуемся о семъ отъ того, что часто когда рѣчь есть о наставленіи благородныхъ дѣтей, слышимъ голосы, что дѣтей таковыхъ священному писанію обучати не подлежитъ, и что поповское то дѣло: попамъ о томъ мороковать должно. О голосы безумные! о рѣчи безстыдныя и богопротивныя! тебѣ же, господине добрый, для того, что господинъ ты, стыдно знати спаси-

* См. стр. 4 и 7 нашего изданія.

** См. стр. 36 и слѣд. нашего изданія.

тельный о насъ промыселъ Божій? Не пригоже тебѣ и твоимъ дѣтемъ вѣдати Христа за васъ распятаго? Не до васъ есть желательное слово Павла святаго: да дастъ вамъ Богъ разумѣти преспѣющую разумъ любовь Христову?» (11—249.)

Шло ли дѣло о путешествіяхъ и пользѣ отъ нихъ, онъ доказывалъ, сколько человѣкъ выигрываетъ отъ этого. Мы презирали иностранцевъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ вмѣнилъ духовенству въ обязанность въ проповѣдяхъ доказывать, что иноземныхъ людей нельзя ненавидѣть только за то, что они иноземные! *. Петръ путешествовалъ по Европѣ; вещь была новая: прежде того рѣдко бывали за-границей. Ѳеофанъ Прокоповичъ доказываетъ пользу путешествія:

«Якоже бо рѣка далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ принадлежащихъ потоковъ и тако шествіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много; чегожъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ

---

* Смотри Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіянскому проповѣдати долженъ.

прочимъ убытство есть. Чегожъ инаго? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе, искуства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллинскій Омиръ, въ началѣ книгъ своихъ Одіссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улиса, вождя греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ. Отсюда умножается главная оная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или паче Божіе: не видимая его, отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть и присносущая сила его и божество. И *сію то философію свою* сказалъ быти Антоній великій, егда вопрошающимъ его языческимъ философомъ, гдѣ суть книги его, *показалъ на весь міръ* и реклъ: *сія есть книга моя.*» (час. I. — 205.)

Этого одного высокаго мѣста довольно, чтобъ показать важность науки (которую въ сатирѣ Кантемира упрекалъ Сильванъ за ея безполезность въ мірѣ дѣйствительномъ); но Ѳеофанъ Прокоповичъ въ этихъ случаяхъ неистощимъ:

«Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ въ очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? или той, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе и вре-

менъ разнствіе и дивныхъ естествъ множество? Что есть ли бы не иную какую давало пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы немалая корысть, наипаче *мужу породы и чести высокія*, которымъ вѣдѣніе лучше всякаго сокровища стяжется.... Сверхъ того перегринація или странствованіе дивно объясняетъ *разумъ къ правительству*, и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политикіи школа (вотъ и примѣненіе къ практикѣ). Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ, егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей или чтемъ въ книгахъ историческихъ, многому не хочетъ мысль вѣрити; не мало бъ и ложнѣ повѣствуется: много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдятъ для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда, самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искуствомъ увидавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ, таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стихотворцевъ и историковъ книги добрѣ разумѣти, посѣти и обыди Пелопоннисъ и Аттику, что нынѣ Мореею нарицаютъ. А къ лучшему уразумѣнію ветхозаконныхъ исторій не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотрѣніе Іудеи и Сиріи, кольми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голыя только древнихъ дѣлъ мѣста

смотримъ, но и *самыя народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства образы ясно видимъ.* Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія и учится кротости, видитъ вины благополучій и учится правилу, видитъ вину злоключеній и учится бодрости и оберегательству, зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя и своего народа и исправленія и недостатки; сами бо себѣ, въ самѣхъ же насъ не вѣмъ какъ то не ясно познаемъ, и такъ аки пчела, оставляя вредная, *что лучшее видитъ быти и по своему и народному исправленію.*»

Вотъ мысли, которыя нужно было доказывать въ царствованіе Петра, и которыя для царствованія Екатерины II были уже запоздалыми: такъ мы скоро шли по пути заимствованій. Въ царствованіе Екатерины II разсуждали уже не о томъ, нужно ли или нѣтъ ѣздить за-границу, нужно или нѣтъ учиться западнымъ наукамъ, а трактовали о томъ, что̀ изъ западнаго просвѣщенія, какія идеи можно взять для Россіи, безъ ущерба ея самобытнаго развитія.

Кантемиръ въ сатирѣ II (стихъ 167 и слѣд.) нападаетъ на тѣхъ, кто не выноситъ этого плода отъ странствованія за-границей, на тѣхъ, кто не приноситъ своему отечеству той пользы, которую онъ

долженъ былъ вынести изъ наблюденія иностранной жизни (с. 11 ст. 167 — 178).

Ѳеофанъ заключаетъ свою проповѣдь слѣдующими словами: «Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость» (стр. 207).

Кантемиръ перенесъ эту же самую мысль и на науку вообще, которая дѣлаетъ человѣка умнѣе и опытнѣе не по годамъ, а по познаніямъ. Сатиру свою къ князю Трубецкому онъ начинаетъ такимъ образомъ: (см. отъ стх. 1—32) *.

Таже мысль объ образованіи посредствомъ общенія со всѣмъ человѣческимъ родомъ является у Ѳеофана въ похвальномъ словѣ о флотѣ россійскомъ, произнесенномъ 1720 года:

«Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля, водная моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ, къ питію ли? Довлѣли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ множество, большую часть темноводнаго сего круга объемше, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія-то вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ шестодневіи), что премудрый міра создатель, промышляя человѣкомъ *взаимное другголюбіе*, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды,

* См. стр. 33 нашего изданія.

житію нашему потребные произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оніи на сихъ ниже посмотрѣли бы, *единъ отъ другаго помощи требуя.* Раздѣлилъ убо творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, *лучше въ любовный союзъ сопрегатися могли.* Но понеже невозможно было людемъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, *взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее.* А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.»

Мы могли бы привести множество мѣстъ, показывающихъ, что главная цѣль Ѳеофана была оправданіе образованія и первыхъ началъ его, введенныхъ Петромъ Великимъ, точно такъ же, какъ главная цѣль всей первой сатиры Кантемира и многихъ мѣстъ его другихъ сатиръ было осмѣяніе невѣжества всѣхъ классовъ народа.

Ѳеофанъ: (*).

---

* Похвальное слово Петру Великому 1725 года.

«Что же рещи о ариѳметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искуствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійскія учатся съ охотою, съ радостію назыкаютъ и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде была ли? не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а есть ли бы гдѣ нѣкое являлося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано....» (с. 11 — 149).

Кантемиръ почти тоже говоритъ въ VII от. 63-75 *.

Но, оставивъ эту первую основную мысль сатиръ Кантемира, перейдемъ къ другой, преимущественно высказанной во второй сатирѣ. Мы выше сказали, что Кантемиръ въ этой сатирѣ по содержанію совпалъ съ Ювеналомъ. Основная мысль того и другаго та, что у благороднаго человѣка, кромѣ достоинствъ родовыхъ, кромѣ имени, наслѣдованнаго отъ знаменитыхъ предковъ, должны быть и достоинства личныя, или что́ одно и тоже, благороднымъ дѣлаетъ человѣка: добродѣтель—по Ювеналу, или: личныя достоинства — по Кантемиру. Эта мысль, выработавшаяся у насъ исторически изъ мѣстничества, можетъ быть также объяснена и съ другой стороны, чисто нравственной. Какъ только отъ человѣка потребовалось *образованіе* и благородство нрав-

* См. стр. 35 нашего изданія.

ственное, для службы государственной, и какъ только явились люди изъ низшаго сословія съ этими двумя достоинствами, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ ихъ поставить въ отношеніи къ лицамъ высшаго сословія соединяющимъ въ себѣ тѣже условія образованія и нравственнаго достоинства? Ихъ дѣятельность на службѣ государственной говорила въ ихъ пользу. Человѣкъ, получившій образованіе, по суммѣ богатствъ духовныхъ, естественно становился выше каждаго не получившаго образованіе, точно такъ же, какъ человѣку одаренному высшею степенью ума, невольно покоряются, въ области мысли, люди, низшіе въ умственномъ отношеніи, хотя бы и въ общественныхъ отношеніяхъ независящіе отъ нихъ. Однимъ словомъ, благородство и личность достоинства были необходимымъ результатомъ той образованности, которую старались дать русскому обществу во времена Петра. Такимъ образомъ явилась табель о рангахъ, и мѣста по службѣ начали даваться не на основаніи правъ родства и рода, а на основаніи чина, должности, которую кто-либо по образованію своему былъ въ состояніи занимать, т. е. на человѣка начали смотрѣть какъ на *человѣка*, а не какъ на *сына*, *брата*, *дядю*, *племянника*. Это, какъ всѣмъ извѣстно, случилось въ царствованіе того же Петра Великаго, который потребовалъ для службы

образованія, какъ перваго условія, и старался для этого открыть школы и посылалъ молодыхъ людей учиться за-границу. Слѣдовательно, эти оба начала образованности и личности у насъ необходимо должны были совпасть и принести пользу обществу потому, что вытекали необходимо изъ христіянской религіи, уважавшей въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего *человѣческую* сторону.

Не то было въ древнемъ Римѣ, гдѣ религія была дѣло общественное, государственное, гдѣ каждый патрицій и плебей имѣлъ значеніе, какъ римскій *гражданинъ*, а не какъ *человѣкъ*, гдѣ слѣдовательно введеніе личности христіянской, а еще прежде личности стоиковъ, клонилось прямо къ разрушенію общества, а не къ возсозданію его. Напрасно старались распространить *на всѣхъ право гражданства* и замѣнить этимъ возникновеніе въ обществѣ *личности человѣка*: то общество, которое было основано на прежнихъ началахъ, изжило свои силы физическія и не могло принять обновленія, уже появлявшагося во времена Ювенала и въ видѣ греческой, преимущественно платоновой, философіи и въ видѣ христіянскаго ученія. Поэтому Ювеналъ, когда хотѣлъ показать цѣль, къ которой должны стремиться Римляне, указывалъ на прошедшее, а не на будущее, или совѣтовалъ умереть съ твердо-

стію. *Затѣмъ изложено содержаніе второй сатиры Кантемира.*

Итакъ, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ нападалъ на двѣ стороны тогдашняго русскаго общества: на невѣжество и прежнее родовое начало, обусловливавшее мѣстничество, и выставлялъ два другія начала, которымъ должно было слѣдовать общество: образованіе и нераздѣльныя съ нимъ личныя заслуги на пользу государственную. Вотъ двѣ идеи, имъ высказанныя; въ обѣихъ онъ былъ сатирикомъ, когда рисовалъ предъ нашимъ воображеніемъ рядъ невѣждъ и людей, не понимавшихъ значенія новыхъ ранговъ, учрежденныхъ Петромъ I. Въ сатирѣ къ князю Трубецкому онъ говоритъ о важности воспитанія въ дѣлѣ общественномъ и разсуждаетъ о способахъ лучшаго воспитанія. Это дидактизмъ, хотя и въ этой сатирѣ есть также мѣста, полныя чувства, ироніи, — однимъ словомъ, мѣста чисто сатирическія. По идеѣ, она составляетъ продолженіе, или, лучше сказать, вторую половину 1-й сатиры на невѣжество, какъ контрастъ ея, какъ средство избавиться отъ невѣжества.

Что̀ же послѣ этого мы должны сказать о томъ, подражалъ ли Кантемиръ Горацію или Ювеналу и Буало, или не подражалъ? или подражалъ комунибудь изъ нихъ исключительно? соединилъ ли онъ въ себѣ Ювенала и Горація, какъ думалъ г. Жу-

ковскій? Мы уже говорили выше, что въ сатирѣ нельзя подражать другимъ сатирикамъ, потому-что нельзя переносить отъ одного народа на другой его болѣзней, недостатка, порока и т. д. Каждая эпоха, каждый народъ приноситъ съ собою нѣсколько слабостей, или только ему исключительно свойственныхъ, или если общечеловѣческихъ, то съ особымъ народнымъ оттѣнкомъ. Что̀ же послѣ этого значитъ подражать другому сатирику? Кантемиръ попробовалъ подражать Горацію, и въ своемъ подражаніи нисколько не былъ сатирикомъ, такъ, какъ и самъ образецъ его; онъ подражалъ Ювеналу, но подражалъ въ томъ, что напалъ на тотъ же недостатокъ народный, который существовалъ и въ Римѣ и Россіи. Оттѣнки его были различны, и поэтому Кантемиръ эту идею обставилъ своими картинами.

Поэтому, тамъ, гдѣ Кантемиръ дѣйствительно былъ сатирикомъ, онъ не былъ подражателемъ; тамъ чувство его было неподдѣльно. Но великій ли сатирикъ былъ онъ? кто выше: Ювеналъ, Горацій, Буало или Кантемиръ? У насъ особенно любятъ сравнивать поэтовъ, ради точнѣйшаго опредѣленія славы каждаго. Если уже прибѣгать къ сравненіямъ, то мы не будемъ сравнивать Кантемира ни съ Гораціемъ, ни съ Буало, пототу-что и того и другаго, какъ мы выше видѣли, нельзя иначе назвать, какъ

поддѣльными сатириками. Ложь ихъ заключается въ содержаніи сатиръ; они нападали на недостатки мнимые или до того общіе, что ихъ сатиры не имѣли никакого сатирическаго значенія. Сверхъ того, они часто философствовали въ своихъ сатирахъ, слѣдовательно уже совершенно уклонялись отъ цѣли сатиры. Что же касается до Ювенала, то этотъ великій сатирикъ перебралъ одну за другою всѣ слабости, всѣ недостатки римскаго общества своей эпохи. Отъ него не ушла ни одна сторона жизни. Свои сатиры, какъ сѣть, накинулъ онъ на развращенную массу народа. Каждая его сатира неподдѣльна, исполнена чувства оскорбленнаго человѣческаго достоинства; каждая его сатира - лирическое произведеніе. Кантемиръ не такъ многообъемлющъ. Онъ взялъ изъ русскаго общества двѣ стороны и старался ихъ очертить по возможности вѣрнѣе. Въ этомъ очертаніи вы видите неподдѣльность и чувство истиннаго сатирика. Въ этомъ случаѣ онъ и по содержанію и по обработкѣ занимаетъ почетное мѣсто въ сатирической литературѣ. Но онъ не коснулся другихъ сторонъ русской жизни своего времени, богатой по сюжетамъ для сатиры. Въ его сатирахъ вы не видите всѣхъ толковъ и пересудовъ необразованной толпы того времени,—пересудовъ, которые были велики, потому-что преобразованія Петра касались всѣхъ сторонъ нашей жиз-

ни; вы не видите полной картины до-петровскаго быта нашихъ городовъ, вы не видите полной жизни высшаго класса народа,—жизни, которую преслѣдовалъ Петръ, и которую хотѣлъ измѣнить. Когда вы прочтете Ювенала, предъ вами начинаютъ возникать сословіе за сословіемъ, однѣ группы за другими, пока вы не увидите цѣлой массы движущагося населенія. У Кантемира этого нѣтъ; онъ не обнялъ въ такой полнотѣ русской жизни. Даже въ сатирѣ на невѣжество онъ привелъ только два мнѣнія, враждебныя просвѣщенію: мнѣніе необразованнаго духовенства и мнѣніе такого же дворянства, и то въ отношеніи къ послѣднему болѣе въ общихъ чертахъ.

Но, не смотря на это, за Кантемиромъ всегда останутся его заслуги: онъ первый въ литературномъ мірѣ обратился къ русскому обществу и искалъ въ немъ предмета для стихотворства; онъ же первый открыто, неподдѣльно началъ сатирическую нашу литературу. Онъ не былъ простой версификаторъ, онъ былъ человѣкъ образованный выше многихъ въ свое время, онъ былъ человѣкъ, сознававшій потребности Россіи и благородно дѣйствовавшій на открытомъ ему поприщѣ, сколько позволяли силы. Несчастный силлабическій стихъ только сдѣлалъ то, что его мало читаютъ, и слѣдовательно мало знаютъ.

7. **ЕВГЕНІЙ (МИТРОП. КІЕВ.).** *Словарь рус. свѣтскихъ писателей Т. I стр. 265 — 272.*

8. **ЖУКОВСКІЙ В. А.** *О сатирѣ и сатирахъ Кантемира. Т. VII. стр. 93—105. Писано 1809 г.*

По общеупотребительности сочиненій Ж. я не выписываю его статьи.

9. **И-Ъ И.** *Кантемиръ и его сатиры. Спб. Вѣдомости 1848 г. февр. №№ 32, 33.*

Статья начинается разсужденіемъ о двоякомъ способѣ изученія словесныхъ произведеній: историческомъ, въ связи съ духомъ народа, которому она принадлежитъ, съ характеромъ вѣка, къ которому относятся, степенью умственнаго образованія и проч., и эстетическомъ, т. е. изученіи слов. произведеній, самихъ по себѣ, какъ самобытныхъ явленій творческой силы поэта; потомъ идетъ рѣчь о важности сочиненій въ періодъ отъ Петра В. до Елисаветы, къ которому принадлежитъ Кантемиръ; наконецъ кратко излагается біографія Кантемира, и исчисляются его сочиненія.

Изъ всѣхъ сочиненій его наиболѣе заслуживаютъ вниманіе сатиры. У насъ утвердилось мнѣніе, что

* Статья эта вполнѣ перепечатана въ Журн. для чтенія военно-учебн. заведеній 1848, въ № 286.

Кантемиръ былъ только подражателемъ Боало и латинскихъ сатириковъ, почти переводчикомъ, да и самъ онъ признается въ предисловіи къ своимъ сатирамъ, что «въ сочиненіи ихъ наипаче Горацію и «Боалу Французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много «занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ». Не смотря на это подражаніе, Кантемиръ сохраняетъ самобытность выраженія и свободу мысли, и тѣмъ еще важнѣе для историческаго изученія, что представляетъ живую картину русскихъ нравовъ вскорѣ послѣ преобразованія нашего общества. Кантемиръ—первый Русскій, который смотритъ на Россію съ иностранной точки зрѣнія; не щадитъ никого; усматриваетъ грубые пороки, слѣпыя заблужденія, смѣшные предразсудки тамъ, гдѣ другіе и не подозрѣвали ничего страннаго и худаго, издавна свыкшись съ тѣмъ и съ другимъ. Любопытно видѣть, съ какимъ добродушіемъ, вынужденный пороками и глупостями общества, Кантемиръ начинаетъ писать свои сатиры:

Знаю, что правду пишу, и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.

Послѣ этого на основаніи слѣдующихъ стиховъ: (сат. VII) 11 — 29, (сат. VI) 1 — 3, (с. IX) 43 и 44, (с, VI) 109 — 113, 121 — 124, 145 — 148, 10 — 13, (с. VII) 131 — 134, (VIII)

66—70, (с. 11) 325, г. И-въ *опредѣляетъ характеръ сатирика:* «онъ скроменъ, честенъ, некорыстолюбивъ, любитъ уединеніе и занятіе науками. Но какое противорѣчіе всѣмъ своимъ правиламъ и привычкамъ встрѣчаетъ онъ въ свѣтѣ!»

Главное зло, тогда еще коренившееся въ русскомъ народѣ, не смотря на всѣ усилія Петра Великаго, было невѣжество, отвращеніе отъ просвѣщенія, ненависть къ наукѣ; невѣжество гордившееся само собою и презиравшее всѣхъ, кто только возвышался надъ предразсудками и пороками всеобщими.

Знатность, отличавшаяся не личными достоинствами, а древностію своего рода и заслугами предковъ, составляла другой недостатокъ общества, осмѣиваемаго сатирикомъ: Евгеній жалуется, что его не награждаютъ, не смотря на знатное происхожденіе, и завидуетъ людямъ простымъ, не прославившимся своими дѣлами (сат. 11—32—36, 45—57, 137—142).

Пьянство и обжорство, грубыя привычки народа невѣжественнаго, еще не сглаженныя просвѣщеніемъ XVIII вѣка, выставлены Кантемиромъ въ картинѣ, поразительной своей наготою. (Сат. V ст. 161—194.)

Я не упоминаю здѣсь о тѣхъ мѣстахъ сатиръ, гдѣ изображены общіе характеры, какъ, напримѣръ, въ III сатирѣ представлены живо и остроумно: скупой, вѣстовщикъ, болтунъ, лицемѣръ, гордецъ, клеветникъ, льстецъ, завистникъ. Всѣ эти характеры

приличны каждому народу и ничего собственно русскаго не представляютъ; но Кантемиръ и при нихъ дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ сатирическихъ намековъ. Вообще у него есть особая манера насмѣшки легкой, неожиданной, часто выраженной ироніею, которою онъ поражаетъ какъ бы мимоходомъ, какъ напримѣръ:

Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ, дьякъ или подъячій.
(Сат. 2, ст. 274 — 275.)

. . . . безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.
(Сат. 4, ст. 64.)

Чая, что глупецъ не глупъ ужъ въ платьѣ богатомъ.
(Сат. 5, 610.)

Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы бъ мнѣ молоко, мнѣ бъ куря носилась.
(Сат. 5, 705.)

И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
(Сат. 5, 726.)

Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ
Тебѣ на столъ, и холопъ твой въ золотѣ ходитъ.
(Сат. 6, 85 — 84.)

(Также см. Сат. 1, 180. Сат. 2, 22, 96, 166-175, 243—245. Сат. 3, 16, 111, 151 — 153, 170 — 175, 220 — 224, 250, 305, 345, 352. Сат. 4, 18 — 22,

47—49, 150. Сат. 5, 255—159, 334—337, 730--736. Сат. 6, 45, 50, Сат. 7, 20, 27—28.)

При эстетической оцѣнкѣ сочиненій Кантемира, конечно, не найдемъ большихъ достоинствъ, высокаго комизма, душу проницающаго гумора; но надо вспомнить вѣкъ, въ который жилъ нашъ сатирикъ, образцы, которые онъ имѣлъ передъ глазами. Если же хорошо очерченныя картины нравовъ, вѣрно понятые характеры, наблюдательность и остроуміе составляютъ какое нибудь достоинство, то Кантемиру принадлежитъ большая честь въ этомъ отношеніи. Онъ умѣетъ уловить мелкія черты характера, выставить удачно его слабыя стороны и самое наставленіе сдѣлать занимательнымъ и искреннимъ. Подъ его насмѣшкою скрывается теплое чувство любви и сожалѣнія; онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ: «смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу». Конечно, языкъ его устарѣлъ, конструкція, часто запутанная, выраженіе иногда грубо, стихъ тяжелъ и чуждъ русскому уху; но при всемъ томъ —есть *слогъ* сильный, яркій и смѣлый. Чтобъ убѣдиться въ силѣ, краткости и яркости выраженія русскаго языка у Кантемира, стоитъ только сдѣлать нѣсколько сравненій съ французскимъ переводомъ этихъ сатиръ (Satyres du prince Cantemir, à Londres, 1750).

А батюшка ужъ всѣмъ верхъ!
Въ переводѣ: J'ose dire que mon père les a tous surpassés.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И, шапочку снявъ, ему головою въ ноги.
Переводъ: On avait pour lui un si grand respect,
que devant lui tout le monde se rengait et tombat á ses pieds.
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости.
Переводъ: Et lorsque mon père leur avait dit
une parole gracieuse, fiers, ravis, transportés
l'un versait des larmes de joie, l'autre, etc.

Въ сравненіи со стихами другихъ писателей того времени, напримѣръ Ѳеофана Прокоповича, Тредьяковскаго, у Кантемира болѣе чистоты, правильности, даже звучности и всегда ясный и простой смыслъ; риторическихъ неумѣстныхъ украшеній, пустой напыщенности, безъ нужды иностранныхъ словъ, Кантемиръ удачно убѣгалъ; а вспомните, онъ писалъ въ самую эпоху господства литературной схоластики, былъ воспитанъ въ ней, окруженъ ея образцами и жилъ во Франціи!—Я думаю, что эта простота, при всей живости и выразительности слога, происходила естественно отъ скромнаго наблюдательнаго характера самаго автора, не насильно выжимавшаго мысли изъ головы и украшавшаго ихъ по заказу, но искренно разсуждающаго о томъ,

что онъ видѣлъ своими глазами. И такъ заключимъ нашу статью словами Жуковскаго:

«Кантемира можно сравнить съ такимъ человѣ-«комъ, котораго суровая наружность сначала не «предвѣщаетъ ничего добраго; но съ которымъ на-«добно познакомиться короче, чтобъ полюбить его «характеръ и потомъ находить наслажденіе въ его «бесѣдѣ».

10. **КАРАМЗИНЪ Н. М.** *Пантеонъ Рос. авторовъ. Кантемиръ. Соч. Т. I — 577 (послѣд. издан. Смирд.) или т. VII — 269 (прежн.* 4-аго *изд.)*

Нашъ Ювеналъ. Сатиры его были первымъ опытомъ русскаго остроумія и слога. Онъ писалъ довольно чистымъ языкомъ, и могъ по справедливости служить образцомъ для современниковъ, такъ, что раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, *первую* должно начать съ Кантемира, *вторую* съ Ломоносова, *третію* съ переводовъ *Славяно-Русскихъ* господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, *а четвертую* съ нашего времени, въ которое образуется *пріятность слога.*

Въ стихахъ кантемировыхъ нѣтъ еще истинной мѣры—долгіе и короткіе слоги смѣшаны безъ разбора — но есть гармонія. Въ прозѣ онъ лучше выражалъ *свои*, нежели чужія мысли; на примѣръ,

стиль въ предисловіи къ Фонтенелевой книгѣ о множествѣ міровъ несравненно глаже, нежели въ самомъ переводѣ. Мы имѣли случай видѣть его Министерскія донесенія изъ Лондона и Парижа, писанныя ясно и правильно. Между прочимъ характеристическое изображеніе Роберта Вальполя, славнаго Министра Англіи, доказываетъ, что Кантемиръ имѣлъ острый взоръ для замѣчанія тайныхъ сгибовъ человѣческаго сердца и легкое перо для описанія своихъ замѣчаній.

Самые просвѣщенные иноземцы чувствовали цѣну его ума и нравственныхъ достоинствъ. Кантемиръ былъ другомъ извѣстнаго Аббата Гуаско и пріятелемъ славнаго Монтескьё. Любовь къ наукамъ и словесности, слѣдствіе нѣжнаго образованія души, всегда бываетъ соединена съ благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ, которая, питая чувствительность, даетъ уму еще болѣе силы и паренія.

11. A**. L. *Satyres de Mr. le Pr. Cantemir avec l'histoire de sa vie.*

При этомъ изданіи сатиръ * помѣщена подробная біографія кн. Ант. Кантемира, которая замѣчательна какъ по своей полнотѣ, такъ и потому, что она послужила первоначальнымъ источникомъ для всѣхъ

* Объ этомъ изданіи см. стр. XXIII.

послѣдующихъ составителей его біографіи. Въ ней, противъ «*житія*», помѣщеннаго при первомъ изданіи, находятся слѣд. лишнія подробности: Академія наукъ избрала его своимъ членомъ (стр. 37); кн. Антіохъ велъ двѣ тяжбы: первую съ своей мачихой, принцессой Гессенъ-гомбургской, которая объявляла притязанія на наслѣдство кн. Димитрія Константинов., вторую съ старшимъ братомъ Константиномъ за наслѣдство (стр. 40—44); переводилъ оттоманскую исторію своего отца, подъ руководствомъ какого-то Ролли (Rolli); сдѣлалъ много замѣчаній на стихосложеніе Тредьяковскаго, которыя остались въ рукописи (стр. 72).

12. **НОВИКОВЪ Н.** *Опытъ Историческаго словаря о рос. писателяхъ. Спб. 1772 года.*

Помѣщена біографія, въ сокращеніи заимствованная изъ «житія кн. Антіоха Кантемира», помѣщеннаго при первомъ изданіи сатиръ Кантемира.

13. **ПЕРЕВОЩИКОВЪ В. М.** *Кн. Ант. Кантеміръ. (Матеріалы для исторіи Рос. словесности). Вѣстникъ Европы, составляемый Мих. Каченовскимъ. 1822 г., іюль и августъ № 13 и 14.*

Перевощиковъ, изложивши біографію Кантемира, и представивши перечень его сочиненій, произноситъ такой судъ о значеніи его сатиръ:

Сатиры свои писалъ Кантемиръ для того, чтобы осмѣять безразсудные обычаи, исправить злобные

нравы, подать добрые совѣты, содѣйствовать намѣреніямъ Петра Великаго. Онъ заимствовалъ многія мысли, характеры, картины изъ Горація, Ювенала, Персія, Боало и другихъ писателей; но все сіе примѣнялъ къ обычаямъ Русскимъ, къ своимъ современникамъ. Многіе изъ его портретовъ, что́ можно видѣть ясно въ самыхъ сатирахъ, списаны съ извѣстныхъ лицъ. Характеры почти всѣ комическіе (злобные встрѣчаются крайне рѣдко), возбуждающіе смѣхъ, иногда сожалѣніе. Г. Жуковскій совершенно справедливо раздѣлилъ сатиры Кантемира на *философическія* и *живописныя*. Въ первыхъ, VI и VII, предлагаются правила для воспитанія дѣтей, мысли о истинномъ человѣческомъ достоинствѣ, о счастіи и другихъ предметахъ; во вторыхъ, всѣхъ прочихъ, изображаются смѣшные и порочные нравы людей. Что касается до ихъ формъ, то въ первой Сочинитель бесѣдуетъ съ своимъ умомъ, въ четвертой съ Музою; во второй и пятой заставляетъ разговаривать вымышленныя лица; третія и седьмая имѣютъ видъ посланій; шестая и осьмая—разсужденій. Въ философическихъ сатирахъ (хотя исполненныхъ важныхъ, полезныхъ мыслей и прекрасныхъ стиховъ) примѣчаются недостатки въ планахъ вообще, преимущественно же сбивчивость въ распредѣленіи частей, въ мысляхъ и изображеніяхъ. Несравненно превосходнѣе, въ естетическомъ отношеніи, сатиры

живописныя: въ нихъ характеры разнообразны, представлены вѣрно и выразительно. Болѣе прочихъ нравятся намъ третія и пятая: въ первой изображаются общіе пороки людей, характеры идеальные, встрѣчающіеся во всѣхъ вѣкахъ и народахъ; читая ее, кажется, читаемъ Ѳеофраста или Лабрюера. Во второй представлены, по большей части, пороки, свойственные народу Русскому. Слогъ всѣхъ сатиръ вообще обильной, словувыраженіе краткое, почти всегда правильное, точное, сильное. Въ разсужденіи недостатковъ сатиръ Кантемира, сверхъ упомянутыхъ, можно замѣтить еще слѣдующіе: иногда встрѣчаются повторенія однѣхъ и тѣхъ же мыслей, изображеній, характеровъ; частыя насмѣшки надъ духовенствомъ; отвратительныя и низкія представленія.

14. **ПОЛЕВОЙ Н. А.** *Сочиненія Кн. Ант. Кантемира. Спб. 1836, съ портретомъ. Очерки Рус. литературы ч. 1. 335—371* *.

Статья начинается лестнымъ одобреніемъ предпріятію издателей рус. классиковъ; потомъ объясняется, что такое классическіе писатели, откуда произошло это названіе; а за тѣмъ доказывается, что у насъ не было

* Эта статья первоначально была напечатана въ Библ. для Чт. за 1837 г. № 9-й.

классическихъ писателей, «въ смыслѣ образцовъ, отличнѣйшихъ, первокласныхъ писателей», слѣд. заглавіе изданія есть ошибка. — Изложивши доказательства невозможности класс. писателей въ прежней Россіи, Полевой излагаетъ біографію Кантемира:

Князь Антіохъ Кантемиръ (или Канъ-Темиръ, что значитъ: кровь-желѣзо, или кровавое желѣзо) былъ младшій изъ четырехъ сыновей бывшаго Господаря, и родился въ Царь-градѣ въ 1708 году. Въ Россію вывезли его на четвертомъ году. Онъ жилъ въ помѣстьяхъ отца, и въ 1719 году, когда отецъ его переѣхалъ незадолго передъ тѣмъ въ Петербургъ, Антіоха записали въ Преображенскій полкъ. Отецъ чуть не убилъ его, когда засталъ спящимъ на караулѣ во дворцѣ. Антіохъ сопровождалъ отца въ Персидскій походъ, и остался въ большой нуждѣ послѣ смерти его. Все имѣніе отцовское отдали, по связи брата его Константина съ Голицыными и Долгорукими, этому Константину Кантемиру. Антіохъ содержался коекакъ жалованьемъ, и принужденъ былъ продолжать службу, не смотря на неохоту свою къ ней и весьма слабое здоровье.

Ученье и особенно языки были наслѣдственны въ родѣ Кантемировъ. Бывшій Господарь отлично зналъ Турецкій, Арабскій, Персидскій, Молдавскій,

древній и новый Греческіе, Латинскій, итальянскій, церковный Славянскій и Французскій. Онъ написалъ нѣсколько историческихъ книгъ по-Латыни, и сочинялъ Турецкія пѣсни. У дѣтей его былъ наставникомъ ученый Грекъ Кондоиди, который потомъ сдѣлался Епископомъ Вологодскимъ, и написалъ «Панегирикъ ордену Святаго Апостола Андрея Первозваннаго». Братъ Антіоха, Константинъ, десяти лѣтъ отъ роду, говорилъ Греческую проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго. Антіохъ познакомился дома съ Латинскимъ и другими языками, хорошо узналъ Церковный и Русскій. Стѣсненный обстоятельствами, онъ находилъ услажденіе въ наукахъ, читалъ, переводилъ, посѣщалъ лекціи Академіи Наукъ, которая тогда открылась. Забытый своими, хотя въ 1728 году пожалованный въ поручики, онъ вздумалъ даже писать Русскіе стихи, и едва-ли не досада была первымъ его вдохновеніемъ. Можетъ быть, надъ нимъ подсмѣивались, какъ надъ «ученымъ». Сильными тогдашними людьми были враги нововведеній, Нѣмцовъ и Латыни. Князь Димитрій Голицынъ, тесть брата Антіохова, говорилъ это открыто. Меньшиковъ и преемники его, Долгорукіе, не славились уваженіемъ къ наукамъ. За то составилась особенная ученая партія, гдѣ были Ѳеофанъ Прокоповичъ, князь Трубецкой, отецъ мачихи Антіоховой, принцъ Гессенъ-Гомбургскій Людовикъ,

который женился на ней въ послѣдствіи, старикъ князь Черкасскій, обладатель восьмидесяти тысячь душъ, и другіе. Естественно, здѣсь ласкали ученыхъ и покровительствовали ученье, хоть для противоположности другимъ. Трубецкой прожилъ въ Шведскомъ плѣну, послѣ Нарвской битвы, восмнадцать лѣтъ, а племянникъ его былъ искренній другъ Антіоха. Молодаго стихотворца приняли въ это общество, и самъ Ѳеофанъ не сердился на безпрестанныя насмѣшки его надъ духовными старыхъ временъ, даже написалъ въ похвалу ему плохіе стихи, прочитавши его первую сатиру. Антіохъ посвятилъ Ѳеофану вторую свою сатиру, какъ одну посвятилъ другу своему Трубецкому. Но вскорѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Партія временщиковъ хотѣла поддержать себя и укрѣпиться послѣ смерти Петра II-го. Затѣяли вредную государственную перемѣну, и вознамѣрились передать тронъ Аннѣ Іоанновнѣ съ нарушеніемъ самодержавія. Ѳеофанъ и друзья его работали противъ этого тайно, но усердно. Антіохъ былъ съ ними; онъ написалъ то знаменитое возваніе къ Императрицѣ, которымъ просили ее возстановить въ Россіи самодержавіе. Долгорукіе и друзья ихъ погибли. Покровители Антіоха получили милости и почести, но онъ вскорѣ увидѣлъ, что ему нельзя ничего надѣяться. Услуги его награждены были тысячью душъ, пожалованныхъ ему вмѣстѣ съ

двумя братьями и сестрою, а объ отцовскомъ наслѣдствѣ позволили имъ вести тяжбу съ братомъ Константиномъ. Биронъ уморилъ потомъ въ Шлиссельбургской крѣпости тестя Константинова, князя Голицына, за несправедливое истолкованіе духовной бывшаго Государя, но Антіоху все-таки ничего не отдали Вскорѣ Биронъ овладѣлъ всею властью. Антіохъ видѣлъ смуту и ненадежность дворскихъ партій и интригъ, и почелъ за лучшее удалиться изъ Россіи. Онъ просилъ почетнаго и спокойнаго мѣста резидента въ Англіи и получилъ его. Здѣсь прожилъ онъ семь лѣтъ, тихо, уклоняясь отъ всякихъ искательствъ и сплетней. Слабое здоровье и ограниченное состояніе не дозволяло ему искать большихъ разсѣяній. Въ тишинѣ кабинета, Антіохъ занимался чтеніемъ, науками, переводомъ Гораціевыхъ посланій, Корнеллія Непота, Анакреона, Юстина. Въ 1730 году былъ уже напечатанъ его переводъ блестящаго «во дни оны» сочиненія Фонтенелевыхъ Разговоровъ о множествѣ міровъ. Антіохъ перевелъ потомъ и другую книгу, которая сводила съ ума его современниковъ — Персидскія Письма Монтескье. Между тѣмъ здоровье его безпрестанно разстроивалось и досады не прерывались — у него былъ подозрительный и сильный врагъ, Остерманъ, который боялся ученаго скромника. Антіоху не давали ни чиновъ, ни наградъ, и онъ все еще оста-

вался поручикомъ гвардіи, хотя съ 1733 года, «въ награду радѣтельныхъ поступковъ и во уваженіе знатнаго рода», назвали его министромъ. Онъ просилъ отпуска, хотѣлъ ѣхать въ Италію, и вдругъ получилъ затруднительное мѣсто министра при Версальскомъ Дворѣ. Остерманъ надѣялся запутать и погубить его ничтожными сплетнями. Съ чиномъ камергера, Антіохъ переселился въ Парижъ въ 1738 году, и вскорѣ открылъ непріятность своего положенія. Онъ находился между двумя хитрецами, Флери и Остерманомъ, принужденъ былъ съ самаго начала всячески увертываться въ пустомъ спорѣ о церемоніялѣ; потомъ въ спорѣ о задержаніи Француза Кутюрье, спутника Шведскому курьеру, убитому въ Польшѣ по волѣ Бирона; далѣе завязался споръ объ Императорскомъ титулѣ. Получивъ донесеніе, гдѣ Антіохъ описывалъ характеръ Флери, Остерманъ думалъ, что сатирикъ списалъ портретъ съ него самого; онъ еще болѣе разсердился, когда Флери написалъ къ нему, что «князь Кантемиръ, конечно, все выполнитъ съ успѣхомъ, если будетъ руководствоваться наставленіями столь великаго министра, какъ Остерманъ». Безпрерывно получая упреки и выговоры, Антіохъ рѣшился просить отставки, когда получилъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ Императрицы и регентствѣ Бирона. Онъ предвидѣлъ непрочность новаго управленія, и послалъ

первое донесеніе свое не прямо къ Регенту, но къ одному изъ друзей своихъ, прося доставить по адресу, «если духовная покойной Государыни останется во всей силѣ, а въ противномъ случаѣ предать огню». Предчувствіе умнаго дипломата оправдалось: когда получили его бумагу въ Петербургѣ, Биронъ былъ уже въ тюрьмѣ. Здѣсь неслыханное счастіе улыбнулось Антіоху: партія покровителей его вошла въ силу при правительницѣ Аннѣ; князь Черкасскій пожалованъ былъ канцлеромъ. Но при всемъ томъ Остерманъ оставался въ должности, хитрилъ, притворялся; его трепетали и глаза друзей и покровителей обратились на Антіоха. Въ немъ видѣли они умнаго и ловкаго политика, достойнаго соперника Остерману. Старикъ Черкасскій вдругъ выпросилъ ему чинъ тайнаго совѣника, и предложилъ ему руку дочери, красавицы и единственной наслѣдницы огромнаго имѣнія, а Правительница назначила Антіоха гофмейстеромъ къ тогдашнему Императору Іоанну Антоновичу. Какъ изумились всѣ, когда Антіохъ отъ всего отказался! Дочь Черкасскаго вышла потомъ за Шереметева, и ея приданое сдѣлало Шереметевыхъ первыми богачами въ Россіи. Но легко понять причины, которыя заставили Антіоха поступить такимъ образомъ. Еще разъ онъ не ошибся, и не попалъ, ни въ немилость съ Черкасскимъ, ни въ Сибирь съ Остерманомъ. Неужели онъ не зналъ, что дѣлалъ

тогда Шетарди въ Петербургѣ? Не можетъ быть! Но, по крайней мѣрѣ, новые правители государства осыпали его ласками, а Елисавета милостиво приняла списокъ сатиръ его, съ посвященіемъ, гдѣ Антіохъ увѣрялъ, что «Олимпъ опустѣлъ, и всѣ боги и богини ушли служить ей, а Киприда плачетъ отъ зависти, видя себя оставленною тремя благодатями.» Антіохъ желалъ только спокойствія, при здоровьи совершенно разстроенномъ, особенно когда увидѣлъ, что власть перешла къ Бестужеву. Онъ просилъ себѣ мѣста президента Академіи и не получилъ; просилъ отпуска въ Италію и не дождался его. Антіохъ умеръ въ Парижѣ, въ началѣ 1744 года, искренно оплакиваемый всѣми, кто зналъ его, потому, что несмотря на всегдашнюю задумчивость и страданія отъ болѣзней, онъ былъ весьма любезенъ въ обществѣ, остроуменъ, шутливъ, и имѣлъ обширныя свѣдѣнія, при большомъ чтеніи и проницательномъ умѣ. Монтескье и Мопертюи были его друзьями.—Кромѣ перевода Фонтенелевой книги, напечатаннаго, какъ мы уже упомянули, въ 1730 году, онъ ничего болѣе не печаталъ при жизни своей. Сатиры его изданы были уже въ 1762 году; тогда-же вновь напечатали и его переводъ Фонтенелева сочиненія. Въ 1744 году изданъ былъ Кантемировъ переводъ Посланій Горація. Не говоримъ о Симфоніи на Псалтиръ, которую онъ писалъ подъ

руководствомъ учителя своего Ильинскаго и напечаталъ еще въ 1727 году. Ильинскій самъ сочинилъ Симфоніи на Евангеліе и Дѣянія Апостольскія. Ему-же обязаны мы ужаснымъ переводомъ книги, сочиненной отцомъ Антіоха, Системы Мухаммеданскія Религіи, изданной въ 1722 году. Тѣло князя Антіоха Кантемира было, по завѣщанію его, перевезено въ Москву и погребено подлѣ отца и матери въ Греческомъ монастырѣ, на Никольской, тамъ, гдѣ похороненъ и славный Симеонъ Полоцкій.

Спрашиваемъ: жизнь Кантемира, безпристрастно разсмотрѣнная, не доказываетъ-ли, что ни по времени, когда онъ жилъ, ни по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился, ни по свойству ума и характера, онъ не могъ быть литтераторомъ, писателемъ, и еще менѣе поэтомъ? Образованный Фанаріотъ, иностранецъ знатнаго рода, видѣвшій въ ограниченномъ состояніи, слабомъ здоровьи и смутныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи препятствія сдѣлаться значительнымъ политическимъ дѣйствователемъ, онъ благоразумно уклонился отъ ослѣпленій честолюбія. Въ тишинѣ кабинета, съ дѣтства привыкши къ ученью и наукѣ, онъ находилъ въ литтературныхъ занятіяхъ услажденіе. Но ни науки, ни словесность не были у него тѣмъ непреодолимымъ стремленіемъ, которое увлекаетъ за собою всю жизнь и всего человѣка. Онъ переводилъ легкія со-

чиненія Фонтенеля, Монтескье, Альгаротти; Горацій былъ его любимецъ, какъ поэтъ и философъ; переводы Юстина, Корнелія Непота, Эпиктетовыхъ апофѳегмъ, кажется, должно почесть только опытами въ переводахъ съ Латинскаго, какъ Симфоніи на Псалтирь опытомъ первоначальныхъ упражненій въ Русскомъ языкѣ.

Но Кантемиръ писалъ Русскіе стихи. Если-бы въ душѣ его не горѣлъ пламень истинной поэзіи, къ чему писать Русскіе стихи и прилагать трудъ къ такому тяжкому дѣлу?

Признаемся, что мы тутъ вовсе не видимъ поэтическаго пламени. Кантемиръ такъ писалъ Русскіе стихи, какъ переводилъ книгу отца своего на Итальянскій языкъ. Не заботясь о трудѣ надъ языкомъ Русскимъ, онъ принялъ формы, выраженія, стопосложеніе, какія употребляли Ѳеофанъ, Буслаевъ, Максимовичъ, Ильинскій и другіе *писатели стиховъ* того времени. Повторимъ: досада, вѣроятно, была первымъ его вдохновеніемъ. Буало считался тогда полубогомъ въ поэзіи. Сатира была моднымъ родомъ стихотвореній. Что такое были сатиры Кантемира? Не громкій и звучный голосъ сильной души, негодующей на порокъ своего вѣка, но мѣлкая насмѣшка надъ смѣшнымъ, надъ общими маленькими слабостями, странностями и недостатками свѣта. И все это было составлено изъ мыслей Горація,

Буало, Лукіана, Ювенала, Персія, Ренье, Попа и не только изъ мыслей, но часто изъ голословнаго перевода Латинскихъ и Французскихъ стиховъ. Читая Кантемировы сатиры, вѣрите словамъ его:

Не пощадилъ, боязливъ я, своей работы,
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, исхерилъ.

Вы видите мозаику, составленную на досугѣ умнымъ человѣкомъ; находите остроуміе, ѣдкость, насмѣшку, но — чужія. Если отмѣтить у Кантемира все, что не принадлежитъ ему, у него почти ничего не останется. Онъ самъ шутливо сознавался въ этомъ:

Зависть васъ пошевеля, найдетъ, что я новыхъ
И древнихъ окралъ творцовъ, и что вру по Русски,
То, что по Римски давно ужь и по Французски
Сказано красивѣе. Не чудно съ готовыхъ
Стиховъ, чаетъ, здраваго согласно съ закономъ
Смысла, мѣрно двѣ строки кончить тѣмъ-же звономъ.

Но какъ-же мы находимъ у Кантемира Русскій колоритъ, Русскіе нравы, Русскія повѣрья? — Да гдѣ-жъ вы ихъ находите? — Принявъ систему Французовъ, которые передѣлывали Древнихъ на Французскіе нравы, Кантемиръ перенесъ эту ситему въ Русскій переводъ, или, лучше сказать, въ Русскую

передѣлку. Эти нравы, этотъ колоритъ годятся ко всѣмъ странамъ въ мірѣ, и точно такъ потомъ писали Русскія Драмы Княжнинъ и Озеровъ. Фигаро и Арнольфъ дѣлались Сбитенщикомъ и Болдыревымъ, Герміона Рогнедою, Владиміръ Орестомъ; Димитрій Донской выкраивался по Танкреду, а въ Эдипа въ Аѳинахъ переходили цѣликомъ явленія изъ Дюсисова Эдипа Колонейскаго.

Перестанемъ-же говорить о поэтическомъ достоинствѣ и Руссизмѣ Кантемировыхъ сатиръ. Какъ поэтическія созданія, какъ самобытныя Русскія произведенія, сатиры Кантемира не имѣютъ никакого права на наше вниманіе.

Онѣ могли показаться новостью въ свое время; онѣ были смѣлою попыткою перевода Буало и Горація; въ этомъ отдадимъ имъ справедливость. Но когда Ломоносовъ преобразовалъ языкъ, Кантемиръ, съ тяжелымъ, неловкимъ языкомъ своимъ и съ силлабическимъ размѣромъ потерялъ читателей. Отцы наши знали наизусть Сумарокова и Ломоносова, но уже не читали Кантемира. Страннымъ образомъ возстановилась его извѣстность въ первомъ десятилѣтіи нашего вѣка. В. А. Жуковскому вздумалось расхвалить Кантемира въ Вѣстникѣ Европы 1810 (?) года. Статья, названная Критическимъ разборомъ, состояла только изъ выписокъ, съ прибавкою похвалъ. И вотъ Кантемиръ, по голосу В.

А. Жуковскаго, причисленъ къ лику Русскихъ поэтовъ. Принимались его читать—не могли, и приписали вину себѣ, а не Кантемиру. Еще болѣе убѣдились въ томъ, когда Батюшковъ написалъ прелестную, умную пьеску: Вечеръ у Кантемира. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати пяти лѣтъ опыта! Это великое дѣло, и хоть что нибудь, да значатъ, особливо, когда въ это время перевернулись всѣ наши теоріи и всѣ понятія о Русской литературѣ и всякихъ литературахъ.

Намъ теперь столь-же кажется страннымъ почитать Кантемира самобытнымъ сатирикомъ, даже искать въ его стихахъ Русскаго языка—не говоримъ уже искать образцовъ языка—какъ называть Княжнина Русскимъ комикомъ, а Озерова Русскимъ трагикомъ. Отдадимъ имъ хвалу за подвиги, важные въ свое время, за услугу Русскому языку и Русской словесности. Нельзя также отказать въ признательности, напримѣръ, Мерзлякову, за его умные и смѣлые разборы Россіяды и трагедій Сумарокова, хотя основанные на ложной теоріи. Но для насъ эти писатели теперь не годятся, хотя историческое мѣсто ихъ безспорно.

15. **СУМАРОКОВЪ А. П.** *Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Ч. X.*

Въ статьѣ о стопосложеніи, вотъ что Сумароковъ говоритъ о Кантемирѣ: «Плохіе писатели думаютъ

что тако сія (т. е. отъ невѣждъ) неосновательная слава состроитъ имъ щастіе. Слава ихъ падетъ, но щастіе не разрушится. Примѣръ тому Князь К***, основавшій щастіе свое самыми негодными стихами, и похвалами Россійскаго Цицерона, не знающаго ни прямыя чистоты Россійскаго склада, ни Стихотворства. Сей К*** какъ говорятъ, былъ и исправный Министръ и ученый человѣкъ; но здѣсь дѣло о томъ только, что ево щастіе основали, ни кѣмъ нынѣ нечитаемыя стихи, славою автора не только Москву и Россію но и всю Европу наполнившія.

Современники ево были Буслаевъ, Кондратовичь и Тредьяковской, имъ самимъ почитаемый.

16. **ТОЛСТОЙ ГРАФЪ Д.** *О жизни и трудахъ Кн. А. Д. Кантемира. Русскіе Классики. Тетрадь I-я. Статья писана въ 1835, 11 окт.*

Послѣ изложенія жизни Кантемира и вычисленія его сочиненій, Гр. Толстой старается опредѣлить достоинство Кантемира въ литературѣ, заслуги его въ нашей словесности и показать дипломатическія его дарованія. Для рѣшенія вопроса о значеніи издаваемаго имъ автора, Толстой считаетъ необходимымъ напередъ представить картину той эпохи нашего общества, въ которой дѣйствовалъ Кантемиръ; онъ рисуетъ её слѣд. образомъ:

Кантемиръ является писателемъ въ 1725 году. Это время было колыбелью нашего просвѣщенія, время великое по тѣмъ начинаніямъ Петра, которыя приходили уже въ исполненіе, обильное геніемъ Преобразователя, богатое великими умами почти по всѣмъ частямъ гражданской, политической образованности, но едва ли не бѣднѣйшее, едва ли не безплоднѣйшее для словесности. Съ принятіемъ Россіею Европейскаго костюма, Славянская литература (почти вся церковная), если не изчезла совершенно, то быстрыми шагами приближалась къ своему концу, а Русская еще не родилась, — скажемъ болѣе, Русскаго языка еще не существовало. Множество предметовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи, и заимствованныхъ у иностранцевъ, требовали наименованій: «Богатый Славянскій языкъ, какъ упрямый старикъ, упорно отказывалъ въ нихъ пришельцамъ. Отъ этого произошла та уродливая смѣсь иноземныхъ и Славянскихъ выраженій, которыми испещреры ново-русскія книги того времени, смѣсь, которая потомъ превратилась въ нѣкоторый родъ щегольства, вредный для хорошаго вкуса и пагубный для вкуса еще необразовавшагося. Въ чемъ заключалась тогда наша Словесность? — Въ стихотворномъ преложеніи псалтыри Симеона Полоцкаго, въ двухъ, трехъ драматическихъ піэсахъ духовнаго содержанія въ родѣ мистерій, и въ нѣсколькихъ церковно-

полемическихъ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго, да въ плодовитыхъ виршахъ Іоанна Максимовича, надъ которыми такъ остроумно смѣется Кантемиръ въ своей Сатирѣ. Вотъ все ея богатство; вотъ состояніе ново-русской литературы первой части XVIII вѣка.

Просвѣщеніе общественное было неблистательнѣе Словесности. Общество, гдѣ все тогда кипѣло жизнію предъ геніяльною волею Петра, гдѣ всѣ элементы находились въ броженіи отъ безпрерывныхъ столкновеній стараго съ новымъ, общество было дѣятельно, но образованность была безсильна, хотя и ободрялась могущественнымъ покровительствомъ Монарха. Возвратившіеся изъ чужихъ краевъ молодые Русскіе путешественники не составляли и сотой доли публики. Притомъ съ возвратомъ ихъ, она хотя и оживилась, хотя просвѣщеніе и примѣтно возрасло по наружности, но въ домашней жизни оно скрывалось, таилось столь же упорно, какъ и прежде. Новая образованность боролась съ старыми предразсудками, но предразсудки эти были предразсудки отцевъ, и часто молодые люди, смѣясь внутренно надъ невѣжествомъ, изъ почтенія къ родителямъ, изъ сыновней любви наружно мирились съ нимъ. Гдѣ-жъ общественная образованность, когда источникъ свѣтской любезности—семейная жизнь, погружена во мракѣ невѣжества?

На балахъ, на вечерахъ, дававшихся по Указу, видны были кое-гдѣ ревнители образованности: тамъ только было открытое поприще для ихъ любезности. Но тамъ же, и въ бо́льшемъ количествѣ, были и обритые староверы, приверженные ко всему старому и страшившіеся всякаго нововведенія. Любопытна была эта смѣсь. Занимательна встрѣча двухъ поколѣній: стараго, съ недовѣрчивостію взиравшаго на новое, и новаго, съ дерзостью глядѣвшаго на старое. Замѣтьте, что женщины не одушевляли этихъ собраній. Онѣ находились въ нихъ, но всегда составляли отдѣльный кругъ, особое общество,— status in statu — и сходились съ мужщинами только въ торжественныхъ круговращеніяхъ менуэта.

Между тѣмъ въ С.-Петербургѣ учредилась Академія Наукъ. Великій Петръ — *сей Русскій полубогъ* — неутомимо преслѣдуя великую цѣль преобразованія, выписалъ для нея достойныхъ Профессоровъ, и въ 1724 году Бернуллій, Бильфингеръ, Бейеръ, Гроссъ открыли курсъ своихъ лекцій.

Молодые люди, одни изъ угожденія Монарху, другіе изъ любви къ наукамъ, начали посѣщать ихъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ пятнадцатилѣтній Кантемиръ. Съ какимъ жаромъ, съ какимъ усердіемъ предался онъ наукамъ! Удаленный отъ шума свѣта, съ какою любовію дѣлилъ онъ время между мертвыми Греками и Латинами! Изслѣдованіе причинъ

и дѣйствій природы, по собственному его признанію, составляло всѣ его желанія.

Черезъ годъ послѣ того, будучи 16 лѣтъ отъ рода, предпринялъ онъ сочиненіе *Симфоніи или Конкорданціи на псалмы Давидовы*, которое и издалъ въ 1727 году. Трудъ этотъ заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ доказательство постояннаго прилежанія, необыкновеннаго въ подобномъ возрастѣ. По совершеніи этого труда можно было бы впередъ опредѣлить систематическое и точное направленіе его генія; но это одно не составляетъ еще достоинства Кантемира.

Глубоко изучивъ нашего писателя, мы смѣло можемъ назвать Кантемира философомъ, поэтомъ и политикомъ; но прежде нежели мы разовьемъ это предложеніе, посмотримъ, какія онъ имѣлъ средства, и кто служили ему образцами.

Изъ вышесказаннаго мы видѣли, въ какомъ положеніи тогда находилась Словесность. Кантемиръ смѣлою ногою сталъ на рубежѣ двухъ ея эпохъ: принадлежа по формѣ силлабическихъ стиховъ своихъ къ вѣку Максимовичей и Яворскихъ, онъ по языку принадлежитъ уже новой школѣ, которой окончательную форму далъ геній Ломоносова и Карамзина. Онъ первый въ Россіи осмѣлился писать, какъ говорили. Заботясь не только объ очищеніи искаженнаго тогда языка, но о самомъ благо-

звучіи стиховъ своихъ, онъ блистательно успѣлъ въ своемъ предпріятіи: его силлабическій стихъ часто звучитъ роскошными звуками Греческаго метра. Читая его предисловіе къ Симфоніи, написанное на полу-Славянскомъ и полу-Русскомъ языкѣ, не вѣришь, чтобъ одинъ и тотъ же писатель и въ столь короткое время (1727 — 1729) могъ усовершенствовать, или лучше сказать, пересоздать языкъ свой до благозвучности этихъ стиховъ:

Трижды строилъ лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ, и уста отверсты
Готовили тебѣ пѣснь: трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый богъ!...

Справедливость требуетъ однакожъ сказать, что слогъ Кантемира не вездѣ столь чистъ и благозвученъ, какъ въ приведенномъ отрывкѣ. Но могъ ли онъ сдѣлать болѣе? Долго ли былъ онъ въ Россіи? Съ 12-ти-лѣтняго возраста въ походахъ въ Персіи, съ-14-лѣтняго въ полу-русскомъ тогда Петербургѣ, съ 22-хъ-лѣтняго за границей. Всего на все восемь лѣтъ въ Россіи! Но онъ понялъ геній языка Русскаго; въ этомъ удостовѣряетъ письмо его о сочиненіи Русскихъ стиховъ. Онъ первый даже постигнулъ возможность стиховъ Русскихъ стопою безъ рифмъ; вотъ примѣръ:

Христе, любви пламень, единъ еси Вышняго сыне.

Но какихъ трудовъ стоило ему обработаніе языка, видно изъ примѣчаній его къ посланіямъ Горація, имъ переведеннымъ. Переводя этотъ стихъ Тибурскаго пѣвца: me ipse regam solerque elementis, Кантемиръ elementa перевелъ *начальнѣйшіе законы*. Элементы, говоритъ онъ, суть первыя «наставленія, *на*«*чала* какой-либо науки, которую рѣчь мы въ на«шемъ языкѣ не имѣемъ, для того я употребилъ: «начальнѣйшіе законы.» — Прекрасное, и получившее въ наше время право гражданства въ языкѣ, слово: *начала*, было на устахъ Кантемира, но показалось ему недостаточнымъ. Онъ предугадалъ его, но употребить не осмѣлился и замѣнилъ его перифразисомъ. «Вѣдаю, продолжаетъ онъ, что то Ла«тинскому не соотвѣтствуетъ, *да незнаю чѣмъ по*«*собить*.»

Однакожъ если Кантемиръ вполнѣ постигнулъ геній Русскаго языка, для чего же избралъ силлабическій стихъ, столь намъ несвойственный? Для чего, подобно Ломоносову, не создалъ звучныхъ, метрическихъ строфъ? — Мы должны признаться, что предлагая эти вопросы, мы превзошли наши права, но въ отвѣтъ сказать можемъ, что Кантемиръ не имѣлъ довольно для того времени. Жизни человѣка, вполнѣ себя посвятившаго литературѣ,

едва было бы достаточно для такого труда, а нашъ Сатирикъ, какъ самъ говоритъ, посвящалъ литературѣ только свободные часы, которыхъ у него было не много.

Но если въ языкѣ Кантемиръ имѣлъ весьма скудныя средства, за то въ образцахъ обладалъ рѣдкимъ богатствомъ. Имѣя основательныя познанія въ древнихъ и многихъ новѣйшихъ языкахъ, какой обильный источникъ образцовъ во всѣхъ родахъ представлялся глазамъ его! Классическая литература Грековъ и Римлянъ была ему вполнѣ знакома. Мы видѣли отрывки переводовъ его изъ Омира, онъ преложилъ и Анакреона *. Въ другихъ родахъ Виргилій, Ювеналъ, Плавтъ, Сенека служили ему образцами; но любимый поэтъ его былъ Горацій. Въ сатирахъ, въ пѣсняхъ, въ посланіяхъ Кантемира, вы вездѣ найдете что нибудь Гораціанское,—или отдѣльную мысль, или слово, или уподобленіе. Но это происходитъ не отъ недостатка творчества, а отъ сходства положеній. Оба жили при Дворахъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, каждый своего времени, одинъ при своемъ, другой при чужестранномъ, оба философы, оба сатирики, оба равно любящіе науку: разница въ частностяхъ жизни — и она отразилась относительно въ твореніяхъ каждаго. Притомъ Горацій

---

* См. стр. 50 наш. изд.

учитель, Кантемиръ ученикъ: мудрено ли, что онъ часто глядѣлъ глазами учителя?

Въ числѣ образцовъ Кантемира находимъ обильные источники Англійской, Италіянской, Французской словесности. Ренье, Буало, Аріосто и Попе ему равно были знакомы. И если у древнихъ заимствовалъ онъ любовь къ философіи, то новѣйшимъ обязанъ онъ своею колкою и язвительною насмѣшкою надъ лицемѣріемъ нѣкоторыхъ духовныхъ особъ своего времени.

Философія Кантемира очень проста: люби уединеніе для наукъ, люби науки для добродѣтели и люби добродѣтель для человѣчества. Вотъ главныя основанія его философіи, взятой отдѣльно. Но живя всегда въ обществѣ, живя при Дворѣ, онъ зналъ, что эти правила неудобоисполнимы для каждаго, и для того даетъ другіе совѣты для жизни. Живя при Дворѣ, не будь опрометчивъ, говоритъ онъ, умѣй наружность твою согласовать съ обстоятельствами: это не вредитъ никому. Не будь гордъ и напыщенъ. Тотъ, кто смѣло говоритъ правду, избралъ прекрасный путь; но тотъ, кто не имѣетъ столько мужества, хорошо дѣлаетъ, если молчитъ, ибо покрывать истину ложью — преступно. Щастливъ тотъ, кто умѣетъ держаться средины. Притомъ нуженъ умъ просвѣщенный и та вѣжливость, та деликатность обращенія, которая исклю-

чительно принадлежитъ высшему кругу. Я наравнѣ презираю спѣсь и подлость.

Политика въ Кантемирѣ имѣла нѣкоторое вліяніе на его сочиненія, но философія имѣла еще бо̀льшее дѣйствіе на его политику. Имя Государя, по мнѣнію его, заключаетъ въ себѣ значеніе отца народа и потому не должно раздѣлять выгодъ правительства и народа: отсюда — цѣль ихъ одна и нераздѣльна. Когда Государи, говаривалъ онъ *, доставляютъ себѣ личный покой и безопасность кровью подданныхъ, то они нарушаютъ законы природы и правленія, принимая человѣчество за средство къ удовлетворенію своего честолюбія. Во всѣхъ отношеніяхъ своихъ съ Дворомъ, онъ не измѣнялъ началамъ своей философіи, и если въ крутые перевороты тогдашняго Правительства Россіи, если въ правленіе Анны Императрицы, Бирона, Анны Правительницы и Елисаветы, Кантемиръ постоянно оставался Посланникомъ; то этимъ обязанъ онъ своимъ талантамъ и той пользѣ, которую ясно видѣлъ Дворъ отъ его миссіи, а не интригамъ и связямъ.— Философія сдѣлала его чистосердечнымъ до такой степени, что онъ не могъ хвалить достойнаго порицанія. Возьмемъ въ примѣръ всѣ его сочиненія. Найдемъ ли въ нихъ лесть, которую другіе поэты, и особливо того времени, такъ обильно разсыпаютъ

---

* Аб. Венутти.

Сильнымъ на землѣ? Кого хвалилъ онъ? Петра Великаго, Генія-благотворителя Россіи, — исполина, стоявшаго выше всякихъ похвалъ. Нѣсколько словъ о Петрѣ II, о миломъ робенкѣ, такъ рано похищенномъ смертію, что онъ остался загадкою для исторіи. Кроткой Елисаветѣ, покровительницѣ наукъ и художествъ, посвятилъ онъ свои Сатиры. Объ Аннѣ онъ говоритъ, что она любитъ народъ свой, сколь сама любима Богомъ. Вотъ все, что принесено имъ въ жертву Владыкамъ міра.

До сихъ поръ мы видѣли въ Кантемирѣ философа, — теперь посмотримъ на него, какъ на поэта. Безъ сомнѣнія, главнѣйшее достоинство Кантемира есть острота. Никто изъ нашихъ писателей не обладалъ ею въ такой степени. Посмотрите, какъ ядовитъ онъ въ своихъ намекахъ, какъ ловокъ въ своихъ переходахъ, какъ тонокъ въ своемъ притворномъ простодушіи. — Нельзя отказать Кантемиру въ воображеніи, но родъ его сочиненій мало представлялъ случаевъ, гдѣ бы онъ могъ вполнѣ развить эту способность. Однакожъ тамъ, гдѣ онъ предается мечтамъ своимъ, гдѣ грустить сердцемъ, тамъ воображеніе его пылко и стихи прелестны. Въ доказательство укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ IV Сатирѣ. Тамъ онъ чувствителенъ неподдѣльно, и если поэзія есть сочетаніе воображенія, чувствительности и мечтательности, то нельзя не признать его

поэтомъ. Ни къ кому такъ не относится изрѣченіе: Talis hominibus fuit oratio, qualis vita — какъ къ Кантемиру. Онъ жилъ, какъ писалъ, и писалъ, какъ чувствовалъ. Оттого въ стихахъ его вы всегда находите вѣрное зеркало современнаго общества, вѣрную картину его ощущеній, его сердца, и если, вооруженный Сатирою, онъ грозно осмѣиваетъ пороки, то въ тоже время не можетъ не сознаться, что сострадаетъ къ людямъ и ихъ заблужденіямъ:

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.

Вся его IV Сатира отзывается глубокою чувствительностію и какою-то теплотою сердца. Поэтъ вспоминаетъ молодость, то золотое время, когда плѣненный красотою, онъ пѣлъ любовь, и пѣсни его юноши и дѣвы знали наизусть.

Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя и отроки....

говоритъ Кантемиръ. Но до насъ не дошли онѣ; онъ самъ, негодуя на жертвы, недостойныя его музы, истребилъ ихъ.

Мы сказали, что въ стихахъ Кантемира находимъ всегда вѣрное зеркало современнаго общества. И дѣйствительно въ Сатирахъ его подробности того времени доведены даже до костюма. Во II Сатирѣ Филаретъ описываетъ нарядъ Евгенія съ такою точностію, что можно нарисовать его.

Между другими достоинствами замѣчательны у Кантемира блистательность эпитетовъ, красота уподобленій и часто щастливыя, отдѣльныя мысли. *Свѣтлый* умъ, *жаркая* женщина, *чистая* дѣвица, *жаркіе* взоры: эти прилагательныя впервые употреблены Кантемиромъ. Разсуждая о младенцѣ поэтъ говоритъ: *Чуткое* ухо, *зоркій* глазъ напрягаетъ *новый житель свѣта* на окружающіе его предметы. Какое щастливое названіе младенца! — Въ другомъ мѣстѣ говоря о томъ, что безъ достоинствъ не должно искать возвышенія, онъ восклицаетъ:

Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью:
Чистъ быть долженъ, кто туда не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ!

Мысль блистательная, которая не смотря на то, что произнесена была слишкомъ сто лѣтъ назадъ, навсегда останется новою, ибо истина не старѣетъ.

Кромѣ Сатиръ онъ писалъ оды, посланія, басни и другія стихотворенія; но главное призваніе его была Сатира. Это и не могло быть иначе. Состояніе общества требовало Сатирика: въ другомъ поэтѣ оно не нуждалось; другаго поэта оно бы не поняло. И это столь справедливо, что долго еще Россія не имѣла поэтовъ кромѣ сатирическихъ. По крайней мѣрѣ на одного лирика мы можемъ счесть троихъ сатириковъ: Кантемиръ, Хемницеръ, Фонъ-Визинъ.

Обращаемся къ дипломатическому поприщу Кантемира. Политика Кантемира основывалась на здравомъ разсужденіи. Какъ философъ и моралистъ, онъ презиралъ ту хитрость и лукавство, которыя извѣстны подъ именемъ махіавелизма, и всегда дѣйствовалъ прямо, руководствуясь только благоразуміемъ. Другія средства почиталъ онъ недостойными себя и политики. Успѣхъ всѣхъ его негоціацій блистательно доказалъ свѣту, основательно ли было его мнѣніе. Теперь, когда Философія, какъ послѣдовательное развитіе мышленія, озаряетъ болѣе и болѣе человѣчество, когда благодатный свѣтильникъ ея проникъ въ Кабинеты Европы, теперь мы вправѣ сказать, что политика Кантемира была не только добросовѣстна, но вмѣстѣ и вѣрна и соотвѣтственна своей цѣли. Это тѣмъ для насъ сладостнѣе, тѣмъ утѣшительнѣе, что каждый Русскій съ гордостію можетъ сказать: такова отъ временъ Петра постоянно была политика Санктпетербургскаго Кабинета! Въ этомъ отношеніи и завистливые иностранцы отдаютъ намъ справедливость *.

Въ 34 года жизни столько пользы, столько трудовъ! И теперь, когда столѣтіе протекло со времени

---

* Revue de deux mondes, 1829.

смерти Кантемира, когда науки и искуства получили уже право гражданства въ Россіи и она по достоинству занимаетъ высокую степень въ системѣ Государствъ Европейскихъ, — и теперь мы не можемъ не сожалѣть о рановременной кончинѣ любимца музъ и философіи, этого первенца ихъ въ Россіи!

17. **ШЕВЫРЕВЪ СТ. ПЕТР.** *Изданіе Русскихъ классиковъ. Кантемиръ. Москов. Наблюдатель,* 1836 г. ч. VI. стр. 255 — 267.

Статья начинается указаніемъ важности изданія Русскихъ классиковъ „которое особенно полезно теперь, когда два злые духа обуяли насъ и распространяются въ нашихъ журналахъ: духъ неуваженія и духъ сомнѣнія; одинъ жалкій признакъ полуобразованности, другой признакъ подражательности раболѣпной. Духъ неуваженія простирается у насъ на все, какъ на славы иноземныя, такъ и на отечественныя.

Взгляните, какъ у насъ смѣются надъ Кювье, называютъ В. Скотта шарлатаномъ, подвергаютъ насмѣшкамъ всѣхъ великихъ мыслителей Германіи, Сильвіо Пеллико пятнаютъ именемъ карбонаро.... Въ одномъ журналѣ, я живо помню эту фразу, потому что такія рѣзкости невольно печатлѣются въ памяти: «Кто теперь восхищается Энеидой Вирги-

лія, Освобожденнымъ Іерусалимомъ Тасса, Потеряннымъ Раемъ Мильтона?» Отъ чего никогда вы не встрѣтите подобной фразы въ иностранныхъ журналахъ, особливо намъ современныхъ? Отъ того, что тамъ, гдѣ духъ образованности повсемѣстенъ, тамъ необходимо присутствуетъ и духъ уваженія.

У насъ не только не уважаютъ, но и не могутъ понять, когда другіе изъявляютъ свое уваженіе. Выразите это чувство къ какому нибудь писателю, особливо отечественному, напр. къ Карамзину: васъ не поймутъ, потому что не могутъ понять того чистаго источника убѣжденія, откуда проистекаетъ уваженіе ваше. Карамзинъ, по вашему мнѣнію, совершилъ два подвига въ нашей литературѣ: вопервыхъ, онъ освободилъ и утвердилъ, первый, независимое состояніе литератора въ нашемъ обществѣ, доказавъ, что можно и перомъ служить отечеству; во-вторыхъ, Карамзинъ показалъ намъ единственный примѣръ цѣлой жизни, посвященной одной мысли, одному труду, жизни, превращенной въ одинъ блистательный ученый и литературный подвигъ. Первый изъ литераторовъ Русскихъ безъ послужнаго списка, Министръ исторіи государства Россійскаго, самъ себѣ и канцелярія, и правитель, и писецъ, и чтецъ, и работникъ, и зодчій, Карамзинъ, которому вѣрно была возможность блестящія свои дарованія облечь властію, мимо всѣхъ прельщеній, мимо

всѣхъ критикъ, голосовъ черни, ушелъ въ свой кабинетъ, въ немъ задалъ себѣ дѣло, вставалъ съ нимъ, засыпалъ съ нимъ, умеръ на немъ... О, еслибы кто зналъ, какъ трудно бываетъ человѣку, связанному обществомъ и своими страстями, разорвать всѣ связи, пренебречь всѣ отношенія и посвятить себя *одному избранному* труду, освободить для него всѣ свои минуты и всю свѣжесть этихъ свободныхъ минутъ подчинить строгой необходимости, наложенной на себя не по заказу со стороны, но по призыву одной внутренней мысли! О какъ это трудно! Отъ чего у насъ мало великихъ явленій въ литературѣ? Отъ того, что нѣтъ такихъ подвиговъ. На это недостаточно литератора съ дарованіемъ превосходнымъ: надобно человѣка съ характеромъ. Я скажу даже, что характеръ въ этомъ случаѣ можетъ искупить посредственность дарованія: вѣрность одному дѣлу изощряетъ самыя слабыя силы. Когда же подвигъ характера соединяется съ достоинствомъ таланта, тогда литература пріобрѣтаетъ славное произведеніе.... Выразите же ваше уваженіе къ такому человѣку, который первый совершилъ такой подвигъ... Скажите его отъ всей истины чувства, отъ полноты убѣжденія.... и можете быть увѣрены, что какой нибудь журнальный работникъ назоветъ васъ старовѣромъ....

Съ духомъ неуваженія соединился у насъ еще духъ, ему родственный, это духъ сомнѣнія.. У насъ теперь сомнѣніе простирается на все: мы не вѣримъ ни въ нашу Исторію, ни въ существованіе нашей литературы, ни даже въ существованіе своего языка: скоро дойдемъ мы до такого вопроса: есть ли Россія? Мы сами — не призракъ-ли? Но прежде чѣмъ изъявлять такія сомнѣнія, совершенъ-ли нами весь предварительный трудъ, который одинъ могъ бы дать намъ право сомнѣваться? Изслѣдовали ли мы филологически наши лѣтописи, прежде чѣмъ налагать на нихъ печать подозрѣнія? Мы даже не издали ихъ. Есть ли у насъ хорошая критическая исторія Русской литературы и Русскаго языка? Показанъ ли примѣръ филологическаго и критическаго изученія хотя надъ однимъ изъ нашихъ классическихъ писателей? Опредѣлена-ли мѣра вліянія иноземныхъ языковъ на нашъ языкъ и его собственныя стихіи, сохранившіяся не смотря на это вліяніе?

Вотъ почему весьма кстати теперь является у насъ полное изданіе Русскихъ классиковъ: оно покажетъ намъ въ совокупности то, что у насъ есть, и, можетъ быть, устремитъ наше вниманіе на подробное изученіе писателей въ отношеніи къ литературѣ, къ обществу, къ языку.

Предъ нами нѣсколько сатиръ Кантемира, которыми начато это изданіе. Къ нимъ приложена біо-

графія писателя, составленная изъ вѣрныхъ источниковъ, написанная весьма основательно и исполненная многихъ глубокихъ и рѣзкихъ замѣчаній. Къ самому тексту приложенъ комментарій, объясняющій многія слова и выраженія, особливо полонизмы, которыми изобилуетъ слогъ Кантемира. Весь этотъ комментарій, равно и ссылки на разныя мѣста въ сатирахъ Горація, заимствованныя Русскимъ Сатирикомъ, выбраны по большой части изъ прежняго изданія Кантемира 1762 года. Его бы можно было весьма пополнить, потому что во многихъ мѣстахъ сходство съ Гораціемъ осталось безъ указаній.

Тѣ, которые сомнѣваются въ существованіи Русской литературы, какъ образованнаго выраженія общественной жизни, пускай прочтутъ со вниманіемъ сочиненія Кантемира. Правда, что всѣ сатиры его носятъ на себѣ слѣды вліянія Горація и Буало, что самая сатира его, своею формою и изложеніемъ, совершенно снята съ Гораціанской; но содержаніе, духъ и жизнь ея принадлежатъ совершенно эпохѣ Кантемира. Самъ Авторъ говоритъ: «Я въ сочиненіи своихъ (т. е. сатиръ) наипаче Горацію и Буало Французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, *къ нашимъ обычаямъ присвоивъ*.» Если-бы Кантемиръ перенесъ одну только форму, не ожививъ ея духомъ Русскаго содер-

жанія: сатиры его были бы мертвы. Отдѣлите въ писателѣ то, что̀ принадлежитъ изученію, вліянію запада, и покажите, что̀ остается за нимъ и за народомъ, къ которому принадлежитъ онъ. Вотъ вопросъ, который есть главная задача Исторіи Русской Словесности: разрѣшеніе ея увѣритъ насъ въ томъ, что литература наша существуетъ, и вѣрнѣе направитъ шаги наши въ будущемъ.

Вникните въ значеніе самой формы, заимствуемой въ извѣстное время: также и здѣсь увидите вліяніе требованій современыхъ, а не личный произволъ писателя. Отъ чего-же, въ самомъ дѣлѣ, Кантемиръ изо всего богатства поэтическихъ формъ, которыя предлагала ему современная западная литература, избираетъ именно Сатиру? Авторъ біографіи Кантемира весьма остроумно находитъ причину этого въ состояніи современнаго общества, которое представляло борьбу невѣжества съ просвѣщеніемъ, эпохи старой съ новою. Время раздора общественнаго выражается всегда комедіей, сатирой, такою формою Поэзіи, которая, изливаетъ свое негодованіе на жизнь. Время славы и торжества выражается напротивъ Одою и Поэмою. Иліадой началась Поэзія Грековъ, кончилась комедіей Аристофана. Тогда было время внутреннихъ междоусобій.

Весьма замѣчательно сходство явленія перваго рода Поэзіи въ древнемъ Римѣ и въ Россіи. Пер-

вое лучшее произведеніе Латинской Поэзіи есть комедія, какъ въ Россіи Сатира. Образованіе въ Римѣ началось такъ-же борьбою, какъ у насъ, и явленія въ литературѣ обоихъ народовъ имѣютъ аналогическое сходство по сходству отношеній, въ какихъ находилось образованіе и въ томъ и въ другомъ народѣ. Съ этой стороны особенно полезно и поучительно изучать Римскую Словесность.

Но возвратимся къ Кантемиру. Вникните въ матеріалъ этихъ сатиръ: сколько рѣзкихъ намековъ на современную жизнь вы можете схватить съ перваго взгляда на нихъ! Горацій, въ первой своей Сатирѣ нападаетъ на недовольство, которое обнаруживается во всѣхъ сословіяхъ: мѣткій сатирикъ, взявшій перо въ эпоху междоусобій, когда во всѣхъ Римлянахъ обнаруживалось желаніе перемѣны и чувство недовольства, тотчасъ уловилъ черту вѣка... На что̀ напалъ Кантемиръ въ своей первой Сатирѣ? На невѣжество, на борьбу его предразсудковъ съ наукою и просвѣщеніемъ, потому что это была главная задача той эпохи, когда онъ принялся за перо, это было великое дѣйствіе драмы, начатой Петромъ Великимъ. Такъ Словесность наша въ первомъ своемъ замѣчательномъ произведеніи отразила вопросъ общественный. И посмотрите, какъ смѣло Кантемиръ ополчается за науку: (С. I. стх. 11—41).

Вторая Сатира преслѣдуетъ знатность рода, не сопряженную съ личнымъ достоинствомъ. Есть сатира на тотъ же предметъ и у Горація, но Кантемиръ не по одному подражанію выбралъ тотъ же предметъ... Знатность рода была также въ числѣ спорныхъ мнѣній общества. Самодержавная власть, просвѣщавшая Россію, возвышала личное достоинство, поощряла таланты. Поэзія, сама будучи плодомъ этого просвѣщенія, дѣйствовала за одно съ правительствомъ. Она преслѣдовала невѣжество, предразсудки, неправо опиравшіеся на религію, она гнала и знатность съ одними патентами, но безъ внутренней цѣнности. Замѣчателенъ въ рѣчи Евгенія, защищающаго аристократію, силуэтъ Менщикова, который, вѣроятно, лежалъ на сердцѣ у знатныхъ того времени:

Кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальныя, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто горшкомъ съ подовыми истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ.

Какъ ѣдко и сильно это сравненіе, которымъ Филаретъ возражаетъ на слова Евгенія:

Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожди
Любы, какъ пиво ему: отречется трожди;

Знаетъ онъ, что пиза тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.

Сколько должно быть историческихъ намековъ на современныя лица въ третьей Сатирѣ къ Ѳеофану! Какіе тутъ очерки характеровъ, которые могли бы быть развиты въ комедіи! Картина городскаго пьянства и семейной драки во время молебна, въ пятой Сатирѣ должны быть списаны съ природы. Изучить Кантемира въ отношеніи къ его вѣку— трудъ богатый!

18. **Шишковъ А.** *Опытъ о Рос. писателяхъ для чтенія въ бесѣдѣ. Кантемиръ. Чтеніе въ бесѣдѣ Любителей русск. слова. Спб. 1813 года чтеніе IX-е.* (стр. 1 — 55.)

Шишковъ начинаетъ статью изложеніемъ біографіи Кантемира, потомъ вычисляетъ его сочиненія; далѣе говоритъ о Сатирахъ (что̀ было цѣлію статьи), яко главнѣйшемъ сочиненіи, оставшемся послѣ него, и которое, не взирая на другой принятой нами родъ стихотворства, всегда оставаться будетъ классическимъ твореніемъ, украшающимъ Россійскую словесность.

За тѣмъ подробно, стихами самаго Кантемира излагается содержаніе первой Сатиры.

Таковая Сатира, говоритъ Ш., какъ по новости своей на Рускомъ языкѣ, такъ и по достоинству стиховъ ея, долженствовала обратить вниманіе всѣхъ любителей словесности на юнаго ея сочинителя. Она должна была тѣмъ больше понравиться благоразумнымъ людямъ, что осмѣиваетъ главные тогдашняго времени пороки. Изъ ней ясно видимъ мы, что со введеніемъ наукъ вошли вмѣстѣ къ намъ и безумныя чужимъ землямъ подражанія и обезьянства, сдѣлавшія насъ и внутри и снаружи непохожими на самихъ себя. Видимъ, что если были у насъ старинные невѣжи, отвергавшіе науки, то скоро появились и такіе новые невѣжи, которые вмѣсто наукъ перенимали *парики съ узлами*, предпочитали Сенекѣ *фунтъ доброй пудры* и думали, что портной *Рексъ* можетъ сдѣлать ихъ отличными въ Государствѣ людьми. Сомнительно, которые изъ сихъ невѣждъ одни другихъ глупѣе. Но какъ бы то ни было, Сатира ясно показываетъ, что сіи заморскія сѣмена, уже и въ тогдашнее время, то есть скоро послѣ посѣву своего, крѣпко расплодились, и повидимому гораздо плодороднѣе были, чѣмъ сѣмена полезныхъ знаній и наукъ. Младый Кантемиръ, ободренный успѣхами первой Сатиры своей, вслѣдъ за нею написалъ вторую. Въ ней съ новымъ искуствомъ сіяющаго въ прекрасныхъ стихахъ здраваго разума обличаетъ онъ тѣхъ знатнаго рода дѣтей,

которые, не занявъ отъ отцовъ своихъ ни трудолюбія, ни благонравія, тщеславятся однимъ своимъ благородствомъ и завидуютъ тѣмъ людямъ, которые, будучи меньше ихъ знатны, трудами и заслугами своими снискали себѣ доброе имя и достойныя почести. Сатира сія хотя и всѣмъ временамъ приличествуетъ, однако же въ то время, когда онъ написалъ ее, долженствовала она еще большее производить дѣйствіе надъ умами, потому что не задолго предъ тѣмъ, а именно при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ истреблено было вредное для службы такъ называемое *мѣстничество. Послѣ этихъ словъ изложено содержаніе II-й Сатиры съ большою выпискою стиховъ Кантемира, а за нею и содержаніе остальныхъ Сатиръ, тоже съ выписками стиховъ кантемировыхъ.*

При указаніи лучшихъ мѣстъ въ Сатирахъ Кантемира, (а указываетъ Ш. стихи почти всѣ сряду), въ IV Сатирѣ онъ останавливается съ любовію на стихахъ (51 — 66), показывающихъ великую скромность нашего сатирика, и вотъ что говоритъ по этому случаю:

Похвала иностраннымъ писателямъ и умаленіе предъ ними собственныхъ своихъ достоинствъ, дѣлаетъ честь скромности нашего Сатирика: но въ прочемъ онъ дарованіями своими немного имъ уступаетъ. Хотя часто говоритъ онъ языкомъ простолю-

диновъ, однако въ семъ языкѣ здравый смыслъ, простая и сильная правда гораздо лучше многихъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ гласитъ Русская пословица, *умъ заходитъ за разумъ*.

Изложивши содержаніе Сатиръ, выписавши нѣсколько пѣсенъ и эпиграмъ Кантемира, Шишковъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

Заключимъ изъ сего чтенія Кантемировыхъ сочиненій, что тѣ несправедливо разсуждаютъ о семъ знаменитомъ стихотворцѣ, которые думаютъ, будто слогъ его устарѣлъ и не можетъ болѣе приносить удовольствія читателямъ. Хотя слухъ нашъ (можно сказать по несчастію) пріученъ къ нѣкоторой слишкомъ единообразной въ стихахъ мѣрности, къ нѣкоторымъ не только новымъ оборотамъ и выраженіямъ, но даже мыслямъ изнѣженнымъ и весьма удаленнымъ отъ силы и простоты древнихъ писателей; однакоже умъ нашъ не долженъ походить на глаза наши, которыми по большой части управляетъ привычка, и которые сего дня любятъ красные, а завтра голубые цвѣты. Въ наукахъ и словесности знаніе долженствуетъ быть гораздо постояннѣе, иначе оно не будетъ *знаніе*. Кантемиръ останется навсегда такимъ стихотворцемъ, которымъ Россійская словесность по справедливости хвалиться можетъ.

АНЕКДОТЪ.

Въ 1719 году, Князь Антіохъ, будучи солдатомъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, вступилъ, по просьбѣ отца своего, въ дѣйствительную службу, поставленъ съ ружьемъ и въ полномъ мундирѣ на часахъ у почивальни Государевой. Князь Димитрій желалъ удостовѣриться: хорошо ли сынъ его исполняетъ обязанность, на него возложенную, и въ ту же самую ночь, по прошествіи нѣкотораго времени, явился во дворецъ, нашелъ одиннадцатилѣтняго часоваго спящаго сладкимъ сномъ. Въ первую минуту гнѣва бросился онъ на юнаго солдата съ упреками, обнажилъ мечь свой, готовился уже поразить виновнаго; но Петръ великій успѣлъ остановить убійство *.

(Словарь Достопам. людей, 1836 г. ч. III стр. 8).

---

* Любопытное событіе сіе передано Дм. Бантышъ-Каменскому покойнымъ его родителемъ.

Статьи о Кантемирѣ, кажется, всѣ собраны. Полнотою этого отдѣла я особенно дорожу—потому, что имѣю намѣреніе представить матеріалы для исторіи нашей критики. Потому, если кто знаетъ еще чьи-нибудь статьи о нашемъ сатирикѣ, тѣхъ прошу покорнѣйше указать мнѣ ихъ черезъ журналы и газеты.

П. Перевлѣсской.

Мая 14, 1849.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.

Boileau Art. Poet. Chant. II. p. 145.

То есть.

Не злословить, но себя оказать межъ нами
Жадность правду вооружи Сатиры стихами.

Боало о искусствѣ Стихотв. Пѣснь II. стр. 145.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

Уме не дозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда
Входитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Апполинъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзско осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,

Больше врётъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церькви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли доброй нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церьковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должность о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лепитъ горохъ въ стѣну.

Припростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могуль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкой крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ винпаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Веть не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, все то голы враки;
Главаль болитъ? тому врачь ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; есть ли спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшей сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнцель движется, или мы съ землёю
Въ часовникѣ можно честь на всякой день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копеекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счислимъ.
Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ Лука, подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,

Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучшели съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору";
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумага исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.

Сколькожъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить, да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ томужъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я краткости радѣя
Исчелъ, или правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полноль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверьхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели вести предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ Архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы церькви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церькви права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,

Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, или народны правы;
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣсть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ Мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златый вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, полки водитъ.
Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ збита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: Никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты;
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая вышша степень, мзда ужъ невелика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглой церьковникъ;
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,

Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужь имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой щитаетъ,
Хотя впротчемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была *на хулящихъ ученіе.* Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, Архіепископу Новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и, возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую *Гиралдія* о *богахъ и Стихотворцахъ.* Тому Архіпастырю слѣдуя, Архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ, чѣмъ онъ ободренъ будучи далѣе прилѣжать началъ къ сочиненію Сатиръ.

Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *наставленіе*, дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: *Плеть не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ Латинскаго *Авторъ.*

Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова *въ нашъ вѣкъ*, значатъ путь къ истинной славѣ, которой прежде бывалъ весьма труденъ, но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7 и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девять сестръ.* Всего труднѣе достигнуть славы чрезъ науки. Девять сестръ, Музы, и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Па-

мяти дочери. Имена, ихъ Кліо, Уранія, Евтерпа, Эрато, Θалія, Мелпомена, Терпсихора, Калліопа, и Полимнія. Обыкновенно Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣченна марморами саду*. Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцы не прибавитъ*. Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ; каковъ отъ отца ему оставленъ достатокъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ Монархѣ*. О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое надесять лѣто своего возраста, рожденъ былъ 12-го Октября, 1715 года.

Ст. 16. *Музамъ*, смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

Ст. 17. *Аполлонъ*, сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитаемъ былъ.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту видѣлъ его самаго*, въ Апполоновой свитѣ находятся Музы, Петръ II-й собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой высочайшей Особѣ наукамъ. До возшествія на престолъ Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ Венгерца; а потомъ въ 1727 году взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи наукъ Секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредилъ при томъ порядочные и постоянные доходы Профессорамъ и прочимъ служителямъ.

Ст. 20. *Жителей Парнасскихъ*. Парнассъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи Греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Подъ именемъ Парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъ-

являетъ великодушіе Монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки и пріумножить ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука; ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святый Павелъ Апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей вконецъ. Пользуетъ огонь, ежели употребленіе его добро: вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣчанія достойно, что въ Россіи расколамъ большая причина глупость и суевѣріе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе.* Обыкновенное невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтитъ Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ на примѣръ Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ.* Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ Сатирахъ) означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрной, кототорый наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину.* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупый дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣности земледѣльцовъ, или отъ непорядочнаго воздуха происходить можетъ?

Ст. 40. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учитъ Реторика, а наипаче Логика, то есть чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о Метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 53. *Строй міра и вещей вывѣдать премѣну иль причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызвать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе,* то есть Медицина или врачебная наука.

Ст. 64. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Докторы, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутри никто видѣлъ живо тѣло*, то есть: хотя Анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако не льзя по тому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числить,* о Астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72 *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ Астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по

онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ вышней планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла *о множествѣ міровъ*.

Ст. 74. *Солнцель движется, или мы съ землею*. Фонтенелль, о множествѣ міровъ вечеръ 1. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ Астрономы о системѣ свѣта; перьвое и старое, въ которомъ земля за среднюю точку всея системы полагается и неподвижна стоитъ, а около ея планеты, Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна, и Венера вертятся, всякая въ извѣстное время. Сія система по Птоломею, своему изобрѣтателю, называется *Птоломеевою;* другая, по которой солнце неподвижно (но около самаго себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время, около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ Нѣмчинъ, и для того *Коперническою* называется. Есть и третія система Тихобрагова, Датчанина родомъ, которая однакожъ изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе Солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ*. Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славной Математикъ Александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага Математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ, до Рождества Христова, трудовъ его у насъ между прочимъ остались Элементы, содержащіе въ 15 книгахъ основаніе всей Геометріи.

Ст. 78. *Безъ Алгебры.* Алгебра есть часть Математики, весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ Математикѣ. Можно назвать ее Генеральною Ариѳметикою, по колику части ея по большой мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что Ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особливые знаки, а Алгебра Генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ Араповъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтателями; имя самое Алгебры есть Арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то есть, наверстать или сравнять.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали,* Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей,* то есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ Божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I.

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes iubet esse ratas: in praelia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum?

Ст. 100. *Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.* Свидѣтельство сему есть Лотова исторія, котораго дочери, виномъ его упоивши, желаніе свое исполнили.

Ст. 102. *Когда по небу.* Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его Елегіи.

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, converſis solque recurret equis:

Terra steret tellas, coelum findetur aratro:
Vnda dabit flammas, et dabit ignis *aquas*.

Ст. 107. *Медоръ*. Щоголь, тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертѣть завитыя кудри*. Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, горячими желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку*, то есть не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты Стоической, учитель Нерона Императора Римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65: сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ нравоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій*. Егоръ былъ славной сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1720. Виргилій, стихотворецъ Латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшешника изъ мѣстечка Анды въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 Октября въ 684 лѣто по созданіи Рима, то есть въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ Римлянъ его любили, между которыми были первые Императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился, первымъ стихотворцемъ Латинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Бриндѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу не Цицерону*. Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ Нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ Римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, Короля Сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ Сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоявся за то на себя нападенія,

ѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись въ такое совершенство привелъ Латинское краснорѣчіе, что отцемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ Консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста: родился 30 Генваря, въ лѣто по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала.* Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала. Не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того что она сама собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу.* Извѣстно, что купцы наши по большой части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмелю варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ.* Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, Епископы.

Ст. 132. *Имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые.* то есть, судьи. Ѳемисъ, богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не вси истинну прикрасу.* Истинною прикрасою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещренна, которую сверьхъ всего платья Архіереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантіею* называется.

Ст. 136. *Цѣпь отъ злата.* Архіереи сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверьхъ сакоса повѣшенну имѣютъ на

шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ па финифти написанный Спасителя, или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ *Панагіею* называютъ отъ Греческаго слова *παναγια*, *пресвятая*; которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

Ст. 137. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Димитрій Митрополитъ Ростовскій, (писатель Житія Святыхъ) цѣлую книгу сочинялъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

138. *Клюку предъ тобою*, то есть, *Патерицу.* Когда Архіерей выѣзжаетъ съ двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу Епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лѣву.* Разумѣется руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ.* Выпись есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята; или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора, и проч.

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками*, то есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ, и прося судьѣ ничего не подноситъ.

Ст. 151 и 152. *Гражданскі уставы, иль естественный законъ иль народны правы. Гражданскіе уставы* суть законы, учрежденные отъ Государей для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. *Законъ естественный* есть правило отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно, и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

Ст. 155. *Лѣсть на бумажны горы*, то есть перебирать или читать множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

Ст. 160. *Златый вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно на златый, серебряный, мѣдный, и желѣзный, и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добродѣтели прилѣжали, удаляясь отъ всякихъ пороковъ.

Ст. 163. *Подъ митрой. Митра* есть шапка Архіерейская, въ священнослуженіи употребляемая.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ бываетъ обыкновенно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда Сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные седмь мудрецовъ были Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣднихъ заключаютъ, Періандра, Анахарса и Эпаминонда; а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тирана и Ѳеницила Сирскаго. Смотри *Ларея въ житіи седми мудрецовъ*, стр. 1.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ, толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ Греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ*, то есть *Подъячей.*

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ*. Наши подъячіе, когда пишутъ, обь одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; что жъ до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того естьли желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее Подъячему переписать.

Ст. 186. *Седмь бояръ*. Извѣстно, что Боярской чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая*, то есть Богъ, Который не только Премудръ, но самая Премудрость, къ томужъ и Всеблагій.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ.

Филаретъ спрашиваетъ Евгенія, отчего онъ такъ грустенъ? Предполагая разныя причины, онъ доходитъ до истинной:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Евгеній. Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто не давно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ', кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ никакой польги.

Мои предки знатны еще со времени Ольги, и никто изъ нихъ не былъ ниже *Думнаго* Боярина или *Намѣстника*.

А батюшка ужъ всѣмъ верьхъ; какъ его не стало
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у иново
Текли изъ глазъ съ радости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ забытымъ остаться!

Филаретъ. Узнавъ истинную причину его печали, Филаретъ проситъ позволенія откровенно, высказать ему свои мысли объ этомъ предметѣ. Я знаю, говоритъ онъ, важность и пользу знатности рода; но она ничтожна для того, кто собственными заслугами не можетъ присвоить себѣ честь, *добытую трудами предковъ своихъ*. Грамота, покрытая плѣснію, изгрызенная червями, показываетъ лишь, что мы дѣти знатныхъ, но

Благородными явитъ одна добродѣтель *

Скажи же, гдѣ и въ чемъ твои заслуги и подвиги на поприщѣ службы отечеству? Конечно можно считаться роднею Гектору и Ахиллесу, Цезарю и Александру Македонскому, да

Маложъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.

Знаю, что не справедливо забываютъ службу дѣда, когда внукъ его имѣетъ личныя высокія достоинства; но не справедливо требуютъ почестей тѣ, кто всѣ свои достоинства и заслуги основываютъ на однихъ предкахъ. Вѣдь ты самъ, изчисляя славу твоихъ предковъ, призналъ, что она имъ, досталась за дѣла ихъ на службѣ воинской или гражданской. Если бы ты подражалъ имъ, ты могъ бы роптать, что тебѣ не воздаютъ почестей. А теперь справедлива ли твоя жалоба? —

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верьхи горъ; тогда войско выводили **
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь, когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зевнешь, растворишь глаза, выспишься до воли.
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая

---

* Nobilitas sola est atque unica virtus Hor Sat. II lib. 11.

** ....Si dormire incipis ortu.
Luciferi, quo signa duces et castra movebant. ibid.

Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарциссъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоитъ народъ Римляновъ пристойно
Основать, * какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щогольства и моды,
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.

Что ты приобрѣлъ изъ твоего долгаго странствія по чужимъ краямъ? Одно только знанье, что фалды должны тверды быть, не жидки.

---

* Tantae molis erat Romanam condere gentem. Энеид. кн. I.

Въ полъ аршина глубоки и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не былибь станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбать пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато.

Жизнь твоя проходитъ среди подлыхъ ласкателей въ пирахъ и за картами; образованія ты не имѣешь. Когда тебѣ трудно разбирать надписи на портретахъ твоихъ прославленныхъ предковъ, то гдѣ же тебѣ быть искуснымъ въ военномъ дѣлѣ? Ты даже думаешь, что трудно одному человѣку имѣть добродѣтели, нужныя полководцу-герою, и такъ трудно,

Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.

Къ славнымъ дѣламъ на морѣ иль за *краснымъ сукномъ* ты не способенъ: »*каменный душою*, бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою вмѣсто правой лѣвою.» Ктому же ты, Евгеній, сребролюбивъ. Ты ссылаешься на Клита, который безъ достоинствъ и заслугъ получилъ ключъ Камергера, который

Не отступенъ сохнетъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ;

но такихъ счастливцевъ развѣ должно брать себѣ въ образецъ?

И такъ если въ тебѣ нѣтъ ни одного *хвальнаго* свойства; то не досадуй, что ты забытъ, что другіе изъ низкаго состоянія возвысились на высокую степень въ Государствѣ, что имъ воздаютъ почести, хотя предки ихъ не были славны.

Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ всё себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе,
Оставя дудку, соху; другой по позднѣе.

Примѣчаніе. Намѣреніе сей Сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые лишены будучи всякаго благонравія, однимъ благородіемъ тщеславятся, и сверьхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ подлости въ знатное достоинство происходятъ. Писана она мѣсяца два спустя послѣ первой, разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, кои вымышленныя имена значатъ на Греческомъ языкѣ, перьвое *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.

САТИРА VI.

Блаженъ, кто доволенъ малымъ, и, живя въ тишинѣ, слѣдуетъ добродѣтели.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну,
Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ, *
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ,
Не скудной, не лишней кормъ и средню забаву,
Гдѣбъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣбъ отъ шуму отдаленъ прочее все время
Провождать межъ мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
То одно желанія мои составляетъ.
Богатство, высокой чинъ, что въ очахъ блистаетъ
Предъ неискусной толпой, многія печали
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, что достали.
Ктобъ не смѣялся тому, кой стежку жестоку

---

* Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus, vbi, et tecto vicinus jugis aquae fons,
Et paulum sylvae super his foret. Hor. Sat. VI. L. 11.

Топчетъ, лѣзя весь въ поту на гору высоку,
Коей вершина остра такъ, что осторожно
Сколь стопы ни утверждать, съ покоемъ не можно
Устоять, и всякой вѣтръ, коіі дыхнетъ опасный,
Порываетъ бѣднаго въ стремнины ужасны?
Любочестный однакъ мужъ на него походитъ.
Рѣдко щастье на своихъ крылахъ кого взводитъ
На высоку вдругъ степень, и естьли бываетъ
Столько ласково къ кому, долго въ томъ не знаетъ
Устоять, но въ малый часъ толчкомъ его спихнетъ
Однимъ, и стремглавъ лѣтя не одинъ членъ свихнетъ;
А безъ помощи того труды безконечны
Нужны и терпѣніе, хоть плоды не вѣчны.
Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передняхъ томиться
Полдни торчать на ногахъ съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ *
Таже жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому по утру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупой можно море смѣрить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родомъ
Моложе Владимира однимъ только годомъ,

---

* Faire la cour aux grands, et dans leurs antichambres
Le chapeau dans la main, nous tenir sur nos membres,
Sans oser ni cracher, ni toussir, ni s'assoer,
Et nous couchant au jour, jeur donner le bon soir. Ренье с. IV. ст. 29 и слѣд.

Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумозбродну.
Нужно благодѣтелемъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого,
И безъ шапки провожать на морозѣ въ сани,
Хоть въ оную не складешь за плечьми слугъ брани.
Нужно еще одолѣть и препятства многи,
Что зависть кладетъ на всякъ часъ тебѣ подъ ноги:
Всѣжъ тѣ труды наконецъ въ надеждѣ оставятъ,
Иль въ удачу тебѣ чинъ маленькой доставятъ.
Тогда должность поведетъ тебя въ поле вялить,
Увѣчиться, и противъ смерти груди пялить
Иль съ перомъ въ рукахъ сносить шумъ и смрадъ приказный,
Боясь всегда не проспать часъ къ дѣламъ указный,
И съ страхомъ всегда крѣпить судны приговоры,
Чтобь тебя не довели съ сильнѣйшимъ до ссоры;
Или торчать при дворѣ съ утра до полночи
Съ отвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напяливши очи,
Чтобъ съ веревки не скользнуть; а между тѣмъ свищетъ
Славолюбіе въ ушахъ, что кто славы ищетъ,
На первой степени тотъ остаться стыдится;
И такъ повторяя трудъ, лѣтъ съ тридцать нурится,
Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь станетъ продолжати,
Чтобь къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.
Вотъ ужъ достигъ, Царскую лишь власть надъ собою
Знаешь; человѣческъ родъ весь ужъ подъ тобою
Какъ червякъ ползетъ, однимъ взглядомъ ты наводишь
Мрачну печаль, и однимъ радости свѣтъ вводишь,
Всѣ тебя, какъ бы божка, кадить и чтить тщатся,

Всѣ больше, нежь чучела вороны, боятся.
Искусство само твой домъ создало пространный,
Гдѣ все, что Италія, Франція и странный
Китайскъ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
Всякой членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ блистаетъ,
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ что лучей отъ тебя глаза снесть не сильны.
Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ
Тебѣ на столъ, и холопъ твой въ золотѣ ходитъ,
И самъ Аполлонъ, тебя какъ въ улицѣ видитъ,
Свитѣ твоей и возку твоему завидитъ.
Ужъ ли покоенъ? Никакъ: покой отнимаетъ *
Домъ пышной, я сладкій сонъ съ глазъ прочь отбѣгаетъ,
Кто на нѣжной подъ парчей постелѣ ложится.
Сильна тревога въ сердцахъ богатыхъ таится;
Не столько волнуется море, когда съ сама
Дна движетъ воды его зло буря упряма.
Зависть шепчетъ, буде въ слухъ говорить не смѣетъ,
Безпрестанно на тебя, и хоть одолѣетъ
Десятью достоинство твое, погибаешь
Наконецъ, хотя вины самъ своей не знаешь.
Съ властію славы любовь въ тебѣ возрастая
Крушитъ тя, гдѣ твой предѣлъ уставить не зная;

---

* Aurea rumpunt tecta quietem,
Vigiles que trahit purpura noctes.
O si pateant pectora ditum!
Quantum intus sublimis agit
Fortuna metus! Brutia choro
Pulsante nitior vnda est. Сенека.

Меньшежъ пользуетъ, нежь пѣснь сладкая глухому,
И нежели паренье подагрой больному.
Вышня честь сокровище тому несказанно,
Кого надежда и страхъ мучатъ безпрестанно *.
Еще, естьлибъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы человѣки
Казалися мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Снося, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежнія прожили шалѣя.
Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ на силу
Время оглядѣться вкругъ, и полѣзть въ могилу,
И столь короткую жизнь еще ущербляютъ
Младенство, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ,
Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Чтожъ столь тяжкой сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,
Отставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя
Изъ сердца искоренять? пропадутъ степени
Пышны и сокровища, какъ за пусты тѣни
Басенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ долженъ лишиться,
Хоть бы крайней гибели и могъ ущититься.
Глупо изъ младенства мы обыкли бояться

---

* Qui cupit aut metuit, juvat illum sic domus, aut res,
Utlippum pictae tabulae, fomenta podagram,
Avriculas citharae collecta sorde dolentes. Гор. к. I. п. 2.

Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; для того бѣжимъ мы въ другую
Крайность, а должнобъ въ вещахъ знать мѣру прямую
Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто прейдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ *, что тьмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, кто чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И мразъ терпя, не уменъ: въ шестьдесятъ лѣтъ молодъ
Еще дитя, подъ началъ отдать можно дядькѣ,
И сѣчь лозой, чтобъ не былъ склоненъ къ злой повадкѣ.
Силвій масло продая не хуже кормился,
И отъ досадъ нищеты не хуже щитился
Малымъ мѣшкомъ, нежь теперь, такъ всѣ края свѣта
Сквозь огнь, сквозь мразъ пробѣжавъ, и изнуривъ лѣта
Въ безпокойствѣ, стали быть сундуки, палаты
Огромны сокровищу его тѣсноваты.
Можешь безъ скудости жить, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдя
Можешь славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты таскался
Пѣшъ, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать не трудно доходъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ

---

* Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum. Сенека.

Отъ прихотной зависти тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ, живи тихъ,ища, что честно,
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно.
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы не вѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти, ни трудовъ твоихъ мзда пропала;
Добрымъ быть, собою мзда есть ужѐ не мала.

1738 г.

САТИРА VII.

КЪ КНЯЗЮ НИКИТѢ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ.

О ВОСПИТАНІИ.

Естьлибъ я видя кого, что съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ, и пятью въ день въ церьковь побываетъ,
Постится, кладетъ свѣчи и не спитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ;
Естьлибъ я видя сказалъ: Дружокъ, умъ твой блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь.
Вспылавъ ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ.
И дѣло онъ говоритъ; еще я тридцатый

Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ;
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?
Напрасно охрипъ бы я, доводя доводомъ,
Что умъ въ людяхъ не растетъ мѣсяцомъ и годомъ;
Что хотя искусъ даетъ разуму подпору, *
И искусъ можно достать только въ поздну пору;
Однакъ какъ время того, кто не примѣчаетъ
Причины дѣлъ, учинить искуснымъ не знаетъ,
Такъ прилѣжность сильна дать искусъ въ малы лѣта.
Презрѣнны словà мои будутъ безъ отвѣта,
И свѣтъ почти весь упрямъ всегда вѣрить станетъ,
Что старикъ трехъ молодыхъ разумомъ потянетъ.
  Не одно то мнѣніе съ здравымъ несогласно
Видимъ смыслу втержено; встрѣчаемъ всечасно
Подобны и злѣйщія. Одни тѣхъ держаться
Любятъ, кои нужны быть и законны мнятся;
Обманъ тѣ свой чувствовать грубой не умѣютъ;
Другіе, хоть знаютъ вредъ, бороться не смѣютъ
Съ [illegible]прямою волею, котора ихъ нудитъ
П[illegible]ъизбирать то, что смыслъ здравой вредно судитъ.

---

* Nimirum sapere est abjectis utile nugis,
—Verae numerosque modosque ediscere vitae. Гор. пис. 2. кн. 2.

Какъ о причинѣ того спросить у народа,
Скажетъ, что съ зачатія нашего природа
Слабу душу намъ дала, и къ обману склонну,
И подчиненну страстямъ, и что ту законну
Надъ нами природы власть одолѣть не можно
Испыталъ ли истинну онъ въ томъ осторожно?
Не знаю, Никита другъ; то одно я знаю,
Что естьли я добрую лѣнивъ запускаю
Землю свою, обростетъ худою травою;
Естьли прилѣжно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ отъ нейі тотъ трудъ мой достанетъ.
Каковобъ отъ природы сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ кое злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть перьвыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ, всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять: что туды вскользнетъ; скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревкѣ силою повадки танцуемъ.
Большу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, естьли хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло.
И зналъ то мудрымъ умомъ Монархъ одаренный
Петръ Отецъ нашъ, ни какимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей имѣлъ бы наставить.

Младенцовъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ отечество знало
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ въ томъ, что не бывало
Прежде въ Москвѣ, сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы,
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.
Но скоро полезныя презрѣнны бываютъ
Дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкаютъ.
Кучу къ кучѣ прикопить, домъ построить пышной,
Развести садъ и заводъ, разчистить лѣсъ лишной,
Дѣтямъ ужъ богатое оставить наслѣдство
Печемся, потѣемъ въ томъ: каковожъ ихъ дѣтство
Проходитъ, рѣдко на умъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтей; когда же шалѣетъ
Сынъ въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ и стыдится.
Напрасно вину свалить съ плечъ своихъ онъ тщится,
Богатства сыну копилъ, презрилъ въ сердце нравы
Добры всѣять. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любимъ, и свѣту презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжитъ плутъ ужъ совершенный.
Главно воспитанія состоитъ то дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.
Судъ трудной мудро рѣшить, исчислять приходы
Пространна царства, сравнить съ оными расходы

Одинмъ почти почеркомъ; въ бездпахъ безопасный
Водныхъ предъизбирать путь, гдѣ бури ужасны;
Небесъ числить всякаго удобно свѣтила
Путь и бѣглость, и того сколь велика сила
Надъ другимъ, въ твари всему знать исту причину,
Мудрымъ зваться дастъ тебѣ, и можетъ быть къ чину
Вышнему покажетъ слѣдъ; народъ будетъ цѣлый
Искуснымъ вождемъ тя звать, зря царства предѣлы
Тобою разширены, и вражіи рати
И городы стерты въ прахъ: Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде непріятенъ
Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачь бѣдныхъ не внятенъ;
Ежели волю твою не правитъ смыслъ правый,
Словомъ, ежели твои развратны суть нравы,
Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ,
Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ.
Пользы своей лишь въ тебѣ искать онъ потщится,
Гнушаясь тобой; и той готовъ отщетиться,
Толькобъ тебя свалить съ плечъ. Слава увядаетъ
Твоя въ малъ часъ; позабытъ человѣкъ бываетъ,
Скоро ненавидимый, и мало жалѣетъ
Кто объ немъ, когда ему черный день приспѣетъ.
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть щастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.
Добродѣтель по тому юнымъ не отмѣнно
Паче всего долгъ внушать, пока совершенно
Вкоренится, притомъ умъ изощрять въ пристойныхъ
Имъ и другихъ знаніяхъ; такъ въ дѣтяхъ, достойныхъ
Къ всѣмъ чинамъ, отечеству дать даръ многоцѣнный.

Естьлибъ изъ двухъ нуженъ былъ выборъ неотмѣнный,
Съ чистою совѣстію умъ избралъ бы про́стый,
И оставилъ бы я съ злымъ сердцемъ разумъ острый.
Ввѣрилъ бы я все добро тому, кто съ чужого
Стыдится жирѣть добра, хотя онъ немного
Щету знаетъ и рубить число долженъ въ палку;
А грошъ не далъ бы беречь другому, что въ свалку
Одну свернувъ глотаетъ домъ, и лѣсъ, и пашни,
Хоть числитъ онъ лучше всей Сухаревой башни.
Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Естьли часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло,
На единѣ исправлять можешь ты ихъ спѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежь суровость въ цѣлой годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвремянно торопѣть повадитъ.
Щастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скоряе.
Примѣръ наставленія всякаго сильняе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, ни совѣтъ, того не имѣютъ,
Сего не льзя имъ подать; подражать умѣютъ.
Изъ двухъ братьевъ выросшихъ подъ тѣмижъ глазами,
И коихъ тотже крушилъ учитель лозами,

Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчетъ, ни надежда свесть съ нея ни страхъ ногу
Его не могли, въ своей должности онъ вѣренъ
И прилѣженъ, ласковъ, тихъ, и въ словахъ умѣренъ,
Ничьей бѣдности смотрѣть сухими глазами
Не можетъ, сердцемъ даетъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, яростенъ, нещаденъ,
Готовъ и отца предать, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ
Казну крадетъ царскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужъ сѣлъ въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣю.
Въ томъ по щастью добрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ; въ семъ примѣры злы оной истребили.
Естьлибъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость, *
Описавъ злонравія, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ, и блѣденъ

---

* ....Insueuit pater optimus hoc me,
Vt fugerem, exemplis vitiorum quaeque notando.
Cum me hortaretur, parce frugaliter, atque
Viverem uti contentus eo, quod mi ipse parasset:
Nonne vides, Albi, ut male vivat filius? utque,
Barrus inops? magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit, a turpi meretricis amore
Cum deterreret: Sectani dissimilis sis.
Ne sequerer moechas, concessa cum Venere uti
Possem; deprensi non bella est fama Treboni,
Aiebat. Гор. сат. IV, кн. I.

Всякой часъ мучитъ себя: Мнишь ли ты щастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? естьлибъ чрезъ чуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю расказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову чрезъ мѣру прохладну.
Естьлибъ къ подлой похоти видѣлъ склонность жадну,
Привелъ бы его смотрѣть Мелита въ постели;
И гнусны чирьи, что весь носъ его объѣли.
Кормилицу, дядьку, слугъ, бесѣду, сколь можно,
Лучшую бы сыну я избралъ осторожно.
Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Вскользнуться внутрь сердца нравъ: все, что окружаетъ
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.
Такъ не довольно одно изрядное сѣмя
Дать изрядной цвѣтъ иль плодъ: нужно къ тому время
Умѣренно и красно, безъ мразу, безъ зною,
Безъ вихревъ; нужна земля жирна, и водою
Нужно въ пору поливать, и тихо и въ мѣру;
Сѣмя безъ всего того прельститъ твою вѣру.
Филинъ выросъ пьяница; пьяница былъ сродникъ,
Кой вскормилъ. ....
У Савки вѣкъ на губахъ правда не садится,
И вретъ, что на умъ взошло, что въ ночь ни приснится;
Помнимъ бабушки его басни безконечны,
Кои намъ жужжалъ ея языкъ скоротечный.
Силвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ;
....
....

Такова и матушка была въ ея лѣта.
....
.... и знаетъ,
Унесши младенецъ что, небомъ и землёю
Отлыгаться предъ отцемъ, наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтей; родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе, *
Естьлибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку жизнь муча,
Нужусь, полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю
Однихъ щастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однакожъ требую; чтобъ сынъ мой доволенъ

---

* Plurima sunt, Fuscine, etc. fama digna sinistra,
Et nitidis maculam ac rugam figentia rebus,
Quae monstrant ipsi pueris traduntque parentes.
Si damnosa senem juvat alea, ludit et haeres
Bullatus, paruoque eadem mouet arma fritillo. Юв. Сат. XIV.
Sic natura jubet, velocius et citius nos
Corrumpunt vitiorum exempla domestica, magnis
Cum subeunt animos auctoribus. Тамже:

Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ, силы *
Будетъ важной, и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицемъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно,
Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?
Естьли молодаго мать рака обличаетъ **
Кривой ходъ; „Прямо сама поди, отвѣчаетъ,
„Я за тобой поплыву, и подражать стану.
Не льзяль добрымъ быть? будь золъ, дѣтямъ не къ изъяну;
Лучшеже отъ всякаго убѣгать порока;
Естьли не льзя, скрой его отъ младенча ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ ***.

---

* Sed reliquos fugienda patrum vestigia ducunt,
Ét monstrata diu veteris trahit orbita culpae. Юв. Сат. XIV.

** Ma mere, nous nous ressemblons,
J'ai pris pour façon de vivre,
La façon dont vous vivez:
Allez droit si vous pouvez,
Je tacherai de vous suivre. Boursault.

*** Hospite venturo, cessabit nemo tuorum:
Verre pavimentum, nitidas ostende columnas,

Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду;
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.
Не одинъ острый судья, знаю, зубы скалить
Злобно улыбаяся станетъ, и бровь пялить,
И качая головой слово молвитъ важно:
Смотри, нашъ молокососъ какія отважно
Сказки намъ расказуетъ, и времени цѣну
Малу ставя, скучитъ намъ, лѣпя горохъ въ стѣну.
Не знамо съ чего начавъ, нравовъ ужъ толкуетъ
Вину, воспитанію склонность приписуетъ
Нашу, уча, какъ растить дѣтей: однимъ словомъ,

Arida cum tota descendat aranea tela:
Hic lavet argentum; vasa aspera tergeat alter:
Vox domini furit instantis, virgamque tenentis.
Ergo miser trepidas, ne stercore foeda canino
Atria displiceant oculis venientis amici,
Ne perfusa luto sit porticus; et tamen uno
Semodio scobis haec emendat servulus unus:
Illud non agitas, ut sanctam filius omni
Adspiciat sine labe domum, vitioque carentem? Юв. Сат. XIV.

Продерзость та родилась въ мозгу нездоровомъ.
Никита другъ! можетъ быть слово то разсудно
Явится тѣмъ, кои жизнь чая время скудно
Лучше любятъ осудить вдругъ, что съ нихъ не сходно
Мыслью, нежель выслушать доводы свободно.
Тѣхъ я людей увѣрять не ищу, ни годенъ,
Да всякъ открывать свое мнѣніе свободенъ,
Естьли не вредно оно, и законовъ сила
Чтительна нужду молчать въ томъ не наложила.
Пусть не чтетъ, кто мои мнитъ мнѣнія неправы;
Досуженъ стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что одно я дѣло
Начавъ, рѣчью отскочилъ на другое смѣло.
Порядокъ скученъ вездѣ, и нѣсколько труденъ:
Блистаетъ въ сумятицѣ умокъ въ чину скуденъ,
И естьлибъ намъ требовать, чтобъ дѣло за дѣломъ
Разсуждать, и не скончавъ одно, въ недозрѣломъ
Разговорѣ не ввернуть не къ стати другое,
Въ цѣлой толпѣ говорить чуть станутъ ли двое.

1739 г. Парижъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ САТИРЫ V. *

I. *Объясненіе причины пьянства въ городѣ, данное Сатиру какимъ-то сановитымъ старикомъ.*

Предки наши, кои жизнь и святу и честну
Сами водя, и другихъ на стезю небесну
Наставить крайне пеклись, съ протчими уставы
Учредили хвальными къ разширенью славы
Всевышняго посвятить нѣкіе дни года,
Въ кои оставя всю мысль житейску и рода
Того труды, кои намъ и нашимъ не нужны,
Воздержались отъ злыхъ дѣлъ, межъ собою дружны.
Всякъ человѣкъ въ оны дни долженъ упражняться
Въ дѣлѣ Божіемъ, и пѣть хвалу Богу тщаться
Всякъ обязанъ безъ пола разности и чина:
Такъ Святой уставъ ты зришь, чему сталъ причина.
Точно исполняется одна часть закона;
Всяку работу кинетъ отъ вечерня звона

---

* Стихотворецъ предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе краи, сочиняя сію Сатиру, намѣренъ былъ подражать осьмой Боаловой, которая надписана *на человѣка;* но потомъ усмотрѣвъ, что она почти вся состоитъ изъ рѣчей Французскаго Сатирика, и выбравъ изъ нея нѣсколько пристойныхъ стиховъ, издалъ сію пятую Сатиру въ Лондонѣ въ 1737 году. Намѣреніе его было описать въ ней смѣха достойныя человѣческія страсти.

И тотъ самый, чья жена и малые дѣти
Наги уже вмѣстѣ съ нимъ должны гладъ терпѣти,
Впротчемъ церьковь иль пуста, иль полна однѣми,
Кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми,
Которыхъ индѣ не льзя видѣть столь свободно,
Молитвы, что попъ ворчитъ, спѣша сумозбродно,
И не зная, что поетъ, чуть кто примѣчаетъ;
Весь день въ безчестныхъ потомъ злочинствахъ лѣтаетъ:
Празность приводитъ въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
Намъ въ трудахъ, и нудитъ къ злу какъ коня въ бѣгъ жало.
Сего дня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до края. ст. 239—265.

II. *Знатный богачъ.*

Бездѣтенъ и безъ жены съ деревню палаты
Хиронъ имѣлъ, и еще мнились тѣсноваты;
Хоть платьемъ цѣлые три набиты чуланы,
На всякой день новые шилъ себѣ кафтаны;
Пространной столъ, что семьѣ поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось ѣство скудно.
Народъ весь зная того въ государствѣ силу,
По утру сквозь тѣсные передни на силу
Къ нему кто доступалъ; прозьбы и поклоны
Какъ Юпитеръ принималъ, и кивкомъ на оны
Однимъ весь отвѣтъ давалъ, иль власть свою чая
Тѣмъ являть, или, какъ мню, говорить не зная;
Отродокъ бо глупости гордость есть конечно.
И подлинно Хиронъ мой завирался вѣчно,
Не смысля бѣдной двухъ словъ сказать къ дѣлу складно;
Однакожъ толпа льстецовъ, кои изъ рукъ жадно
Рвали сытные куски, и большихъ желали,

Лишь отворитъ ротъ, глаза распяливъ зѣвали;
Всяку рѣчь, сколь ни глупа, хвалить надсажались;
Смутны по его лицу, или улыбались;
Готовы, естьлибъ то онъ сказать былъ намѣренъ,
Признать, что сажа бѣла и снѣгъ собой черенъ. 376—399.

III. *Два старика.*

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюетъ,
Однакожъ дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? веть не гробъ, чтобы ему къ стати;
Съ огородомъ пышной домъ, гдѣбь въ лѣто гуляти.
А другой видя, что смерть грозитъ ужъ косою,
Ни мысля, что здѣлаться имѣетъ съ душою,
Хоть чуть видятъ слабые бумагу ужъ взгляды,
Начнетъ писать похоронъ своихъ всѣ обряды,
Сколько Архипастырей, поповъ, и причету
Предъ гробомъ церьковнаго, и сколько по щету
Пойдетъ за гробомъ родни съ горькими слезами,
Съ какими и сколькими провожать свѣчами,
Гдѣ зарыть, и какой гробъ, лампаду златую
Свѣсить, или сребряну, и надпись какую
Сочинить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ внятный,
Что лежащей подъ ней прахъ былъ господинъ знатный. 645-663.

IV. *Крестьянинъ, попавшій въ солдаты, жалуется на невыгоды новаго своего положенія.*

Пахарь соху ведучи, иль оброкъ щитая:
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:

За что, де, меня Творецъ не здѣлалъ салдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье, да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для менябъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣбъ молоко, мнѣбъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, Княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришолъ поборъ, пахаря вписали въ салдаты,
Не однажды дымные вспомнитъ ужъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритъ въ крестьянствѣ?
Правда тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дожжикъ изъ избы я вонъ ни ногою,
Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какуюжъ больше найду я тужить причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли,
Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чемъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться нѣкогда, часто нѣтъ, что кушать;
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать. 699 — 729.

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАНЪ.

БАСНЬ I.

Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей прилѣжно
Трудився, вылилъ болванъ всѣ выразивъ нѣжно
Въ немъ уды, части, власы, такъ что живо тѣло
Болванчика того быть всякъ бы сказалъ смѣло.
Окончавъ все, не умно забылъ отдалити
Болванъ отъ огня, гдѣ воскъ случилось топити.
Въ жару растопился воскъ, расползлося тѣло
Болванчика; пропалъ трудъ, пропало все дѣло.
Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ
Отдалять, и что вредитъ, искоренять скоро;
Безъ того дѣло его не можетъ быть споро.

1731 г. Москва.

ЕПИГРАМЫ.

НА ЛИДУ.

На что Друзъ Лиду беретъ? дряхла ужъ и сѣда,
Съ трудомъ ножку воробья сгрызетъ въ полобѣда.
Къ старинѣ охотникъ Друзъ, въ томъ забаву ставитъ;
Лидой медалей число собранныхъ прибавитъ.

1730 г. Москва.

НА ГОРДАГО НОВАГО ДВОРЯНИНА.

Въ великомъ числѣ вельможъ Силванъ всѣхъ глупѣе,
Не богатѣй, не старѣй, дѣломъ не славнѣе;
Для чего же, когда имъ кланяются люди,
Кланяются и они; Силванъ одинъ груди
Напяливъ, хотя кивнуть головой лѣнится?
Кувшинъ съ молокомъ сронить еще онъ боится.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ АНАКРЕОНА И ГОРАЦІЯ.

НАДОБНО ПИТЬ.

Земля выпиваетъ дождь,
А деревья землю пьютъ;
Моря легкой воздухъ пьютъ,
И солнце піетъ моря,
Мѣсяцъ же Солнце піетъ.
Для чего убо друзья
Журите меня, что пью?

О СТАРИНѢ. *

Любъ мнѣ старичокъ веселый
Любъ мнѣ молодякъ-плясатель.
Старикъ же когда танцуетъ,
Старикъ лишь онъ волосами,
Умомъ молодякъ бываетъ.

* Эта и предыдущая піеса Анакреона взяты изъ рукописи Кантемира, находящейся у М. П. Погодина.

ПИСЬМО VIII.

КЪ ЦЕЛЬСУ АЛБИНОВАНУ. *

Дворянину и писцу Неронову Целсу
Албиновану, прошу пріятная музо,
Здравствовати въ щастіи, вели, и въ весельи.
Коль спроситъ что дѣлаю, скажи что я многи
И хвальны пра́вила дать жизни намѣряясь,
Ни право, ни прохладно животъ провождаю.
Не для тогожъ то, что градъ побилъ виноградъ мой,
И зной оливы пожегъ; ничто въ отдаленныхъ
Поляхъ болѣзньми мое стадо истлѣваетъ:
Но за тѣмъ, что я умомъ дряхлѣе, чѣмъ тѣломъ,
Ни слушать, ни знать хочу то, что болѣзнь можетъ
Облегчить мою: Врачи вѣрны мнѣ досадны,
Гнѣваюся на друзей, что силятся сонъ мнѣ
Пагубный отбить. Ищу то, что мнѣ вредило,

* Горацій, въ семъ письмѣ описуя себя, изрядно оказываетъ слабость и бѣдность человѣка. Часто люди, обрѣтаяся въ совершенномъ здоровьѣ, въ постоянномъ и непрерывномъ благополучіи, и что всего чуднѣе, просвѣщенны мудрости наставленіями, лишаются ума своего, и предаютъ себя печали и безпокойству, котораго причину сами не знаютъ. Таково есть содержаніе сего письма, которымъ Горацій изливаетъ въ сердце друга своего Целса печаль, которую чувствуетъ видя себя нещастливымъ, и незная чемъ отъ того свободиться. Целсусъ Педо Албинованусъ, былъ Секретарь Тиберія Нерона и придворный его.

И что полезно себѣ чаю, отбѣгаю.
Непостояненъ какъ вѣтръ, въ Римѣ люблю Тибуръ
Въ Тибурѣ Римъ. Потóмъ, ты, какъ здравствуетъ, музо,
Спроси, какъ дѣлà свои, и какъ себя правитъ?
Въ какой у Князя чести, сколь любъ его свитѣ?
Буде отвѣчаетъ онъ, что во всемъ изрядно
Находится, радуйся сперва, потомъ въ ухо
Не забудь ему шепнуть: Какъ щастье ты будешъ
Свое сносить, такъ тебя Целсе, сносить станемъ.

ПРОЗА.

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ

О

СЛОЖЕНІИ СТИХОВЪ РУССКИХЪ.

Государь мой!

Я не знаю для какой причины отправленные вами книги въ прошломъ годѣ только на сей недѣлѣ ко мнѣ дошли; но вы изъ того изволите узнать, для чего я медлилъ удовольствовать желаніе ваше въ томъ, что касается до книжицъ подъ титломъ: *Новаго и краткаго способа къ составленію Стиховъ Рускихъ*.

Приложенной отъ остроумнаго ея сочинителя трудъ столь больше хваленъ, что въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ до сѣхъ поръ лишаяся нѣкакимъ образомъ предводителя въ стихотворномъ теченіи, многіе часто съ прямой дороги сбивалися. Наипачеже хваленъ, что съ необыкновенною Стихотворцамъ умѣренностію представляетъ опытъ свой къ испытанію и исправленію тѣхъ, кои изъ насъ имѣютъ какое либо искусство въ стихотворствѣ.

Тѣмъ данными отъ него позволеніемъ пользуяся, больше же еще ревности его споспѣшествуя, отважился я нѣкакіе примѣчаніицы составить, которые къ томужъ концу, то есть къ *установленію правилъ стихосложенія Русскаго*, служить могутъ, и притомъ меня окажутъ послушнымъ къ приказамъ вашимъ.

ГЛАВА I.

О

РОДАХЪ СТИХОВЪ.

§ 1. *Стихи степенные.* § 4. *Стихи свободные.* § 6. *Стихи одноокончательные.*

§. 1. Я стихи Русскіе раздѣляю на *три рода*. *Перваго* составлены на подобіе Греческихъ и Латинскихъ стопáми безъ риѳмъ, каковъ есть слѣдующій:

Христе любви пламень единъ еси вышняго Сыне.

§. 2. Правда, что тотъ родъ стиховъ никто изъ нашихъ Стихотворцовъ не употреблялъ; но однакожъ я не вижу, для чегобъ они не могли имѣть мѣсто въ Рускомъ стихотворствѣ. Различіе Рускаго языка съ Греческимъ въ составѣ грамматическомъ не столь велико, чтобъ то было довольнымъ поводомъ смѣяться *Максимовской количественной просодіи.*

§. 3. Я къ ней отсылаю тѣхъ, кои любопытны отвѣдать свои силы въ томъ родѣ стиховъ, и не совѣтую презирать вещь какую, для того только, что до сѣхъ поръ не было въ употребленіи. Можетъ быть, что по употребленіи найдется пріятна.

§. 4. *Втораго рода* стихи состоятъ изъ нѣкоего опредѣленнаго числа̀ слоговъ, хранящихъ нѣкую опредѣленную же мѣру въ удареніи голоса, и которые я бы назвалъ, Италіанцамъ послѣдуя, *свободными*, каковы суть слѣдующіе:

„*Долго думай что о комъ, и кому имѣешъ|сказать. Любопытнаго бѣги; говорливъ онъ; | бесперечь отверстые уши не умѣютъ | ввѣренное сохранять; а слово однажды | выпущенное изъ устъ лѣтитъ невозвратно.*

§. 5; Какъ я не чаю, что стихотворство Руское *одно и тоеже съ Французскимъ;* такъ не могу согласиться: *что такіе безъ риѳмъ стихи, не красивы на Рускомъ языкѣ*, для того что у Французовъ не въ обыкновеніи. Языкъ Французской 1) не имѣетъ стихотворнаго нарѣчія; тѣжъ рѣчи въ стихахъ и въ простосложномъ сочиненіи принужденъ онъ употреблять. Ктомужъ 2) непремѣнно поставлять мѣстоименіе прежде имени, имя прежде сло́ва, слово прежде нарѣчія и наконецъ управляемую словомъ рѣчь въ своемъ падежѣ; то есть не позволено на Французскомъ языкѣ *преложеніе* частей сло́ва, безъ которыхъ двухъ помочей необходимо нужно украшать стихъ риѳмою; а инако былъ бы онъ рѣчь простосложная.

Нашъ языкъ, напротиву, изрядно изъ Славенскаго занимаетъ отмѣнные слова̀, чтобъ отдалиться въ стихотворствѣ отъ обыкновеннаго простаго слога, и

укрѣпить тѣмъ стихи свои; также полную власть имѣетъ въ преложеніи, которое не только стихъ, но и простую рѣчь украшаетъ. Италіанцы, Гишпанцы, Агличане, и можетъ быть другіе еще, коихъ языкъ мнѣ незнакомъ, имѣя подобные намъ способы, были много удачливы въ *свободныхъ стихахъ*. Для чегожъ бы намъ не предпочесть судъ столькихъ народовъ?

§. 6. *Третьяго рода* стихи со всѣмъ предъидущимъ подобны, только что по меньшей мѣрѣ всякіе два должны кончаться риѳмою; каковы суть слѣдующіе:

„Ѣздокъ что въ чужой землѣ ему неизвѣстной
„Видитъ на пути своемъ лѣсъ вкругъ себя тѣсной,
„Рѣки, болоты, го́ры и страшны стремнины,
„И оставя битой путь, ищетъ пути ины;
„Бѣдной блудитъ, многіе, гдѣ меньше онъ чаетъ,
„Трудности, и наконецъ погибель встрѣчаетъ;
„Такъ въ теченіи житья, гдѣ предлежатъ многи
„Бѣдства и страхъ, гинетъ тотъ конечно, кто но́ги
„Сведетъ съ пути, гдѣ свои расставила вѣхи
„Добродѣтель, сгладивъ всѣ опасны помѣхи.

§. 7. О сихъ двухъ послѣднихъ родахъ стиховъ у насъ слово впредь будетъ: но прежде, нежели къ пра́виламъ оныхъ приступимъ, чаю не должно миновать нѣкокіе примѣчаніи о риѳмахъ.

ГЛАВА II.

О

ВЫБОРѢ РИѲМЪ.

§ 8. *Определеніе риѳмы.* § 9. *Риѳма скольких видовъ.* § 10. *Правила риѳмъ тупыхъ.* § 12. *Правила риѳмъ простыхъ* § 14. *Правила риѳмъ скольскихъ.*

§. 8. *Риѳма* изрядно опредѣлена *подобнымъ окончаніемъ послѣднихъ слоговъ двухъ рѣчей:* но чаю нужно къ тому примѣчать, что многосложные рѣчи Руские иные имѣютъ *удареніе го́лоса* на послѣднемъ слогѣ, какъ *рука, звѣзда, толокно;* иные на предпослѣднемъ, какъ *сажа, сочевица, окошко;* иные на препредпослѣднемъ, какъ *стенаніе, изряднѣе, любимица:* (не упоминая о другихъ, въ которыхъ удареніе еще далѣе относится, какъ въ словѣ *вся́ческая*, понеже къ нашему дѣлу не служатъ.)

§. 9. Потому риѳмы могутъ быть *односложны, двусложны и трисложны.* Первые называются *тупыми*, вторые *простыми*, третіи *скольскими.*

§. 10. *Тупые*, кончащіеся на гласные, должны имѣть по ме́ньшей мѣрѣ одну букву предъ тѣмъ гласнымъ подобну, а что больше, то лучше; такъ:

сноха̀ и *вѣха̀* лучшую риѳму составляютъ, чемъ *крупа* и *сова̀;* и еще гораздо лучшую *тесло̀* и *весло̀.*

§. 11. Когдаже кончатся на согласное, не только предидущее тому гласное, но и послѣдующее припряжногласное должны быть подобны неотмѣнно. какъ въ сихъ рѣчахъ *поклонъ, звонъ; трудъ, прудъ* и проч. ибо *звонъ* и *вонь, ядъ* и *ядь,* за однимъ различіемъ припряжногласныхъ *ъ* и *ь* риѳму не составляютъ,

§. 12. *Простые* риѳмы должны имѣть два слога подобныхъ, такимъ образомъ, чтобъ по ме́ньшей мѣрѣ съ гласнаго въ предпослѣднемъ слогѣ, на которомъ лежитъ удареніе, всѣ буквы до конца, не выключая припряжногласные *ъ* и *ь,* были тѣже; какъ въ сихъ рѣчахъ:

примѣта, отвѣта.	*рубашка, ивашка.*
книга, вязига.	*играютъ, ступаютъ.*

§. 13. А еще лучше, ежели и предъидущіе тому гласному одна или двѣ буквы найдутся подобны, каковы суть въ сихъ рѣчахъ:

обезьяна, изъяна, лѣтаю, срѣтаю.

§. 14. *Скольскіе* риѳмы требуютъ, чтобъ съ самаго гласнаго въ предпослѣднемъ слогѣ, на которомъ лежитъ удареніе, всѣ прочіе буквы были подобны, не выключая припряжногласные, какъ въ слѣдующихъ рѣчахъ:

Лѣтаніе, знаніе. Скользаютъ, по́лзаютъ.

ГЛАВА III.

О ВОЛЬНОСТЯХЪ РИѲМЪ.

§. 15. Хотя точное исполненіе сихъ правилъ въ составленіи риѳмъ мнѣ не обходимо кажется въ сочиненіяхъ недолгихъ, каковы суть эпиграммы и прочіе, которые не превосходятъ ста стиховъ, нужно однакожъ отъ того уволняться; напримѣръ:

1. Можно почитать подобными согласные *д* со *т*, *б* со *п*, *ж* со *ш*, *г* со *х*, когда за ними слѣдуетъ согласное, такъ что нарочиту риѳму составляютъ.

водка, глотка.	*нужный, воздушный.*
удка, дутка.	*дрогльй, несохлый.*
удобный, стопный	

2. Можно почитать подобными гласные *а*, *е*, *и*, двогласнымъ *я*, *ѣ*, *ы*, въ слогѣ предпослѣднемъ, такъ что нарочиту риѳму составляютъ.

выти, вопити.	*скоротечный, вѣчный*
сыто, влито.	*сіяніе, блистаніе.*
пялю, салю.	*унылые, хвилые.*
сіяю, внимаю.	*хмельные, цѣльные.*

3. Можно подобными почитать припряжногласное *ô* со *ь* между двумя согласными, такъ, что нарочиту риѳму состааляютъ:

полный, вольный.

Всѣ тѣ три вольности въ риѳмахъ *тупыхъ* мѣста не имѣютъ, сносны въ *простыхъ*; въ *скольскихъ* со всемъ извинительны за малымъ числомъ такихъ риѳмъ.

4. Можно выкинуть согласное изъ среди двухъ гласныхъ; такъ что нарочиту риѳму составляютъ.

Извѣстный, *тѣсный*. *Сластный*, *красный*.

5. Можно риѳму составлятъ изъ тойже рѣчи въ различномъ знаменаніи, какъ:

лукъ, зеліе; *лукъ*, орудіе.
Царю звательное имя *Царя*;
Царю, царствую и проч.

6. Можно прилагать букву *и* къ неопредѣльнымъ, чтобъ учинить напримѣръ:

писати вмѣсто *писать*.
пѣти .... *пѣть*.
пити .... *пить*.

7. Можно отметать въ прилагательныхъ *й*; такъ что риѳму нарочиту составляютъ.

пряны, *пьяный*.
волны, *полный*.

8. *Простый* и *острый* иногда могутъ составлять риѳму за многимъ подобіемъ звона въ произношеніи тѣхъ двухъ рѣчей. Не знаю, найдутся ли другіе двѣ подобные.

§. 16. О всѣхъ тѣхъ вольностяхъ нужно помнить, что сколь рѣже употребляются, столь лучше; и что весьма худо употреблять вдругъ двѣ вольности, какъ, напримѣръ въ сей риѳмѣ:

пряны, званый.

гдѣ *я* поставляется подобна буквѣ *а*, и краткое *й* отмѣтается въ рѣчи *званый.*

§. 17. Наипаче совѣтую оставлять подлымъ Стихотворцамъ риѳму неопредѣльныхъ на *ати:* понеже она ўху весьма непріятна, развѣ когда одна рѣчь есть имя, а другое слово; каковы напримѣръ

мати, спати. тетрати, писати. и проч.

§. 18. Со всѣмъ не хвалю преложеніе силы съ одного слога на другое, такъ, чтобъ вмѣсто *главȁ* писать *глȁва,* вмѣсто *закóнъ, закопъ* и проч.

ГЛАВА IV.

О МѢРѢ СТИХОВЪ.

Скольекихъ видовъ стихи. § -19. *Стопъ рассужденіе не нужно.* § 21. *Что слогъ долгой и короткой?* § 22. *Переносъ позволенъ.* § 23. *Слитіи не отметаются.* § 25. *Правила тринатцатисложнаго стиха.* § 31. *Правила стиха двенатцетисложнаго.* § 33. *Правила стиха одиннатцетисложнаго.* § 38. *Правила Эндекассиллаба Катуліанснаго.* § 39. *Правила стиха десятисложнаго.* § 47. *Правила стиха девятисложнаго.* § 51. *Правила стиха осмисложнаго.* § 56. *Правила семисложныхъ стиховъ.* § 58. *Правила шестисложнаго стиха.* § 60. *Правила стиха пятисложнаго.* § 62. *Правила четыресложнаго стиха.*

§. 19. Стихи Рускіе могутъ составлены быть отъ тринатцети до четырехъ слоговъ.

§. 20. По моему мнѣнію, рассужденіе стопъ въ составленіи всѣхъ оныхъ излишно. Но нужно наблюдать, чтобъ во всякомъ стихѣ на нѣкоторыхъ двухъ слогахъ лежало удареніе голоса.

§. 21. Такіе слоги называю я *долгими*, а прочіе всѣ *короткими*. Напримѣръ въ рѣчи *изрядная*, слогъ *ря* есть долгой, *из*, *дна*, *я* короткіе.

§. 22. Я не вижу, длячегобъ *переносъ* рѣчи изъ перваго стиха въ другой слѣдующей, когда однимъ цѣлое разуменіе рѣчи кончить неможно, былъ запрещенъ. Греки, Латины, Италіанцы, Ишпанцы, Агличане не только въ порокъ то не ставятъ, но и въ украшеніе стихамъ почитаютъ. *Переносъ* не мѣшаетъ чувствовать удареніе риѳмы доброму чтецу; а весьма онъ нуженъ въ сатирахъ, въ комедіяхъ, въ трагедіяхъ и въ басняхъ, чтобъ рѣчь могла приближаться къ простому разговору. Ктомуже безъ такого переносу долгое сочиненіе на риѳмахъ становится ўху докучно частымъ риѳмы повтореніемъ, отъ котораго напослѣдокъ происходитъ, не знаю, какая непріятная монотонія, какъ то Французы своимъ Стихотворцамъ сами обличаютъ.

§. 23. *Слитіи* (разумѣя тѣмъ й) мнѣ нимало вредными не кажутся. Напротиву я чаю, что сколь больше ихъ въ какомъ стихѣ вмѣщено, столь онъ ўху пріятнѣе: понеже производятъ нѣкую удобность

въ теченіи го́лоса, которую нѣжное ухо съ наслажденіемъ различаетъ.

§. 24. Но частое повтореніе тѣхже согласныхъ въ одномъ и томже стихѣ, а еще больше усугубленныхъ, какъ въ семъ поправленномъ

умъ такъ слабый плодъ трудовъ краткія науки.

весьма у́ху досаждаетъ; и потому должно того убѣгать.

§. 25. *Тринатцетисложный* стихъ, который изрядно *эроическимъ* названъ, для того что всѣхъ способнѣе соотвѣтствуетъ эксаметру Греческому и Латинскому, долженъ состоять изъ двухъ полустишій.

§. 26. Рѣчь, которая кончаетъ первое полустишіе, должна быть связана съ предъидущими, а не слѣдующими въ послѣднемъ: такъ что всѣ союзы, предлоги, мѣстоименіи возносительные не могутъ быть слогомъ пресѣченія. И сіе пра́вило есть общее сѣченіямъ и прочихъ стиховъ.

§. 27. Первое полустишіе имѣетъ семь слоговъ, второе шесть.

Тотъ | лишъ | въ жи | зни | сей | бла | женъ ||
кто | ма | лымъ | до | во | ленъ.

§. 28. Слоги перваго полустишія по четвертой могутъ быть долгіе и короткіе, какъ ни случатся; но неотмѣнно нужно, чтобъ или *седьмой* былъ дол-

гой или *пятой*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ чтобъ *шестой* и *седьмой* были короткіе.

§. 29. Втораго полустишія *предпослѣдній* слогъ всегда долженъ быть долгій; такъ, что ежели риѳмами пишется, то была бы она неотмѣнно двусложная; ибо мнѣ мнится, что тупые риѳмы въ такихъ стихахъ весьма ýху несносны.

„Что|поль|зу|етъ|мно|же|ство||лю|дей|без|раз|суд|но,
„Привесть въ удивленіе, когда въ одномъ трудно.
„часъ|о|ни|мо|гутъ|сто|ять||и|что|те|перь|хва|лятъ,
„величаютъ, спустя часъ низятъ, ужъ и малятъ,
„когда честный, мудрый мужъ, сколь часто случится
„ему на насъ вскинуть глазъ, отъ дѣлъ нашихъ рдится.

§. 30. Но буде кому угодно кончить сей стихъ тупою риѳмою, то долженъ послѣднее полустишіе такимъ образомъ учреждать, чтобъ *третей* и *шестой* слогъ были долгіе, а *четвертой* и *пятой* короткіе неотмѣнно.

„что|поль|зу|етъ|мно|же|ство||без|раз|суд|но|лю|дей|

§. 31. *Двенатцетисложный* стихъ дѣлится на два шестисложные сѣченіи, которыхъ послѣднее неотмѣнно должно имѣть *пятой* слогъ долгой, *шестой* короткой. А первое можетъ 1) или совсѣмъ быть подобно второму, или 2) имѣть и гораздо лучше *шестой* долгой, или 3) *четвертой* долгой, а *пятой* и *шестой* неотмѣнно короткіе.

„Лег|ко|не|воз|дер|жный||я|зыкъ|въ бѣ|ду|вво|дитъ.|
„Дой|детъ|тотъ|да|лѣ|е||кто|и|детъ|не|спѣш|но|
„Не|воз|врат|но|бѣ|житъ||кры|ла|то|е|время.|

§. 32. Потому сей стихъ требуетъ неотмѣнно риѳму простую.

§. 33. *Одинатцетисложный* стихъ составляется также изъ двухъ полустишій, которыхъ первое имѣетъ пять слоговъ, второе шесть.

„Мѣд|ны|е|всхо|дятъ||въ ру|кахъ|на|шихъ|стѣ|ны.

§. 34. Второе полустишіе слѣдуетъ правилу пра́дписанному о второмъ же полустишіи Эроическаго и двенатцетисложнаго стиха.

§. 35. Первое же пятисложное должно имѣть удареніе на *четвертомъ* слогѣ.

„Вла|сте|линъ|мі|ра||нуж|ду|тво|ю|зна|етъ.|
„Не лишитъ пищи, не лишитъ одежды.
„Кто того волю смиренъ исполняетъ,
„Не отщетится въ немъ своей надежды.

§. 36. Собою явно, что и сей стихъ не терпитъ другой риѳмы, кромѣ двусложной.

§. 37. Ежелижъ хочешъ, чтобъ кончался тупою, то первое полустишіе учини шести слоговъ, а второе пяти; и въ первомъ *пятой* слогъ долгой, а во второмъ *второй* и *пятой* долгой, *третей* и *четвертой* короткой неотмѣнно.

„Въ немъ не|от|ще|тит|ся||на|деж|ды|сво|ей.

§. 38. Естьли кто склоненъ подражать Катуліанскимъ *эндекасиллабамъ*, долженъ 1) дѣлить одиннатцетисложный стихъ на два полустишія, такимъ образомъ: чтобъ въ первомъ было шесть, во второмъ пять слоговъ; и 2) неотмѣнно хранить въ первомъ полустишіи *четвертой* слогъ долгой, *пятой* и *шестой* короткіе; а во второмъ *четвертой* долгой.

„Ко|му|дамъ|но|ву|ю||книж|ку|ис|прав|но|
„Многимъ очищену трудомъ недавно,
„Книжку забавную тебѣ дамъ другу
„Никито, ты мои стишки съ досугу
„Охотно прежъ сего челъ, признавая
„Что въ штукахъ кроется польза какая.

§. 39. *Десятисложный* стихъ долженъ состоять изъ двухъ пятисложныхъ полустишій, или (и гораздо лучше) изъ одного четыресложнаго, а другаго шестисложнаго.

§. 40. Когда стихъ состоитъ изъ двухъ пятисложныхъ полустишій, то второе должно неотмѣнно имѣть *четвертой* свой слогъ долгой. Въ первомъ полустишіи удареніе го́лоса лежать должно или на *третьемъ* слогѣ, (и въ томъ случаѣ четвертой и пятой имѣютъ быть неотмѣнно короткіе) или на *четвертомъ*, или на *пятомъ:* но въ семъ послѣднемъ случаѣ и *второй* слогъ долженъ быть долгой неотмѣнно.

„Къ кон|цу|бли|жим|ся||мы|по|вся|час|но|
„Те|бѣ|мы|слу|жимъ||силь|но|му|Бо|гу.|
„Те|бѣ|мы|по|емъ||тва|ри|вла|ды|кѣ.

§. 41. Я чаю, что всѣ тѣ три вида стиховъ десятисложныхъ можно одно съ другимъ мѣшать не красиво.

§. 42. Ежели стихъ состоитъ изъ четыресложнаго и шестисложнаго полустишія, то первое должно всегда быть четыресложное, а второе шестисложное.

§. 43. Четыресложное можетъ удареніе имѣть или на *третіемъ* слогѣ.

Ви|димъ|страш|ну||на|ле|жа|ти|бу|рю.|

или на четвертсмъ и гораздо лучше.

те|бѣ|по|емъ||выш|ше|му|вла|ды|кѣ|.

§. 44. Втораго полустишія пятый слогъ долженъ быть неотмѣнно долгой.

§. 45. По всему тому явно, что сей стихъ требуетъ риѳму двусложную.

§. 46. Но можно еще сочинять *десятисложные* стихи и другимъ способомъ безъ сѣченія, которые пріятно кончаться будутъ тупою риѳмою.

„Сла|бо|е|здра|ві|е|лю|битъ|по|кой
„Стужа скучна тому, скученъ и зной;
„Всегожъ вреднѣе бываетъ печаль,
„Что сердце грызетъ та, какъ ржа грызетъ сталь.

Таковá вида стихи должны необходимо имѣть *седьмой* и *десятой* слогъ долгіе, *осьмой* и *девятой* короткіе; но будетъ стихъ звончае, ежели и *первой* слогъ будетъ долгой.

§. 47. *Девятисложный* стихъ имѣетъ свое сѣченіе, и потому два полустишія. Первое четырехъ, второе пяти слоговъ.

§. 48. Въ первомъ и второмъ полустишіи *четвертой* слогъ долженъ неотмѣнно быть долгой, и потому риѳма двусложная.

„*Пер|вый|о|тецъ||на|ше|го|ро|да*
„*Вкусомъ плода || рая лишился.*

§. 49. Поставя первое полустишіе мѣсто втораго, а второе на мѣсто перваго, сей стихъ изрядно кончиться будетъ тупою риѳмою.

„*На|ше|го|ро|да || пер|вый|о|тецъ|*
„*Рая лишился || вкусомъ плода.*

Но тогда сверьхъ вышеписаннаго примѣчать должно, чтобъ втораго полустишія (которое уже четырехсложное) *первый* слогъ былъ долгій, а *третій* и *четвертый* неотмѣнно короткіе.

§. 50. Есть еще и другой способъ къ составленію *девятисложныхъ* стиховъ безъ сѣченія; но трудной, для того что неотмѣнно требуетъ *скольскую* риѳму, и чтобъ *первой*, *четвертой* и *седьмой* слогъ былъ долгой, а *осьмой* и *девятой*, короткой неотмѣнноже.

„*Лиш|ня|го|ряч|ность|къ поз|на|ні|ю*
„*Зла и добра была гибелью*
„*Нашего рода начальнику.*

§. 51. *Осмисложные* стихи сѣченія не имѣютъ; но нужно примѣчать, чтобъ *третей* и *седьмой* слогъ были долгіе.

„*Сколь|ко|бѣд|ный|су|е|тит|ся*
„*Человѣкъ за малу славу.*
„*Ночь не спитъ, и день томится,*
„*Чтобъ не сѣлъ сосѣдъ по праву,*
„*Чтобъ народъ ему дивился,*
„*И съ хвостомъ всегда тащился;*
„*Знатно бѣдный забываетъ,*
„*Что по смерти прахъ бываетъ.*

§. 52. Красивѣе еще будетъ сей стихъ, ежели хранить будетъ, *первый, четвертый* и *седьмый* слогъ долгіе, а прочіе всѣ короткіе.

„*Тва|ри|вла|дыко|все|моч|ный|*
„*Естьли мой гласъ тебѣ внятенъ,*
„*Нуждамъ доходъ моимъ точный,*
„*Кратку хоть жизнь, но безъ пятенъ,*
„*Въ здравомъ дай тѣлѣ мысль здраву,*
„*Въ страшный день дай стать по праву.*

§. 53. Собою явно, что и сей стихъ требуетъ риѳму простую.

§. 54. Но ежели желаешъ, чтобъ кончился тупою, то должно, чтобъ *пятой* и *осьмой* слогъ были долгіе, а *шестой* и *седьмой* короткіе неотмѣнно; и еще лучше, ежели и *второй* слогъ будетъ долгой.

„Не|дол|го|чис|ло|на|шихъ|дней
„За днемъ другой бѣло летитъ.

§. 55. Кто умѣетъ сочинять стихи тринатцети, двенатцети, одиннатцети и десятисложные, то уже лехко можетъ сочинять стихи *семи*, *шести*, *пяти и четыресложные:* понеже сіи суть полустишіи первыхъ, и сѣченій не требуютъ.

§. 56. Слѣдуя убо показаннымъ уже правиламъ *семисложный* стихъ долженъ имѣть удареніе или на *седьмомъ* слогѣ, или на *пятомъ*; и въ семъ случаѣ *шестой* и *седьмой* имѣютъ быть неотмѣнно короткіе.

„Тотъ|кто|до|бро|дѣ|те|лей
„Идетъ путемъ, дерзостно
„Ждетъ себѣ свидѣтелей,
„Зная, что тѣ мерзостно
„Дѣ|ло|об|ли|чить|е|му
„Не могутъ, и тишину
„Совѣсти онъ предпочтетъ
„Богатству, славѣ, чину
„Высокому, и всему
„Тому, что безсудно чтетъ
„Въ сластяхъ погруженное
„Сердце изнуренное.

§. 57. Слѣдуетъ, что риѳма тупая или скольская симъ стихамъ прилична.

§. 58. Разбивъ двенатцетисложный стихъ на свои два полустишія, родятся стихи шестисложные.

„Лег|ко|не|воз|дер|жный
„языкъ въ бѣду вводитъ.
„Дой|детъ|тотъ|да|лѣ|е|
„кто идетъ неспѣшно.
„Не|воз|врат|но|бѣ|житъ|
„крылатое время.

§. 59. Потому въ семъ стихѣ можно употреблять риѳму тупую, простую и скольскую.

§. 60. *Пятисложный* стихъ можетъ имѣть удареніе голоса или 1) на *третіемъ* слогѣ; и въ томъ случаѣ *четвертый* и *пятый* должны быть неотмѣнно короткіе, или 2) на *четвертомъ*, или 3) на *пятомъ*. И слѣдовательно, всѣ три рода риѳмъ и въ семъ стихѣ употребительны.

„Есть|ли|зо|ло|та|
„ку|ча|мог|ла|бы|
„жизнь продлить нашу,
„я бы охотно
„сби|ралъ|и|ко|пилъ|
„сильно богатство.

§. 61. *Четырesложный* можетъ имѣть *третей* слогъ долгой, а *четвертый* короткой; и потому кончаться риѳмою простою.

„Чи|сты|нра|вы|
„Суть пріятны
„Царю славы.
„Изъ устъ чистыхъ

„Ему внятны
„Мольбы. Истыхъ
„Онъ слугъ знаетъ,
„Проницаетъ
„Человѣка.
„Его вѣка
„Утаиться,
„Сколь ни тщится
„Сердце злобно
„Неудобно.

§. 62. Можетъ и напротиву имѣть *четвертой* долгой, а *третей* короткой, и потому риѳму тупую.

„Те|бѣ|по|ю|
„Те|бѣ|сво|ю|
„Жизнь предаю
„Небесъ царю.

§. 63. Изъ всѣхъ вышепредставленныхъ правилъ можно примѣтить: 1) Что долгіе стихи (каковыми называю всѣ отъ тринатцети по девятисложный оба включая) красивѣе кончаются простою риѳмою, чемъ всякою другою. 2) Что въ нѣкоихъ непріятна риѳма скольская, но тогда слоги требуютъ особливаго расположенія. 3) Что буде тупыми риѳмами кончать ихъ желаемъ, то неотмѣнно нужно, чтобъ предъ тою риѳмою находилися два слога короткихъ, которые бы тотъ падежъ въ ўхѣ предуготовляли. И 4) что въ тѣхъ стихахъ, которые имѣютъ два полустишія неравныхъ, нужно же, желая кончить риѳ-

мою простою, чтобъ первое полустишіе было долѣе втораго. Напримѣръ въ одиннатцетисложномъ стихѣ, чтобъ первое полустишіе было шести, второе пятисложное. Буде кто спроситъ у меня всему тому причину, я иную показать не могу, развѣ что ухо мое мнѣ тѣ осторожности совѣтуетъ.

§. 64. Нехудоже однажды за всѣ изъяснить, что о которыхъ слогахъ въ тѣхъ правилахъ не показано, каковы быть имѣютъ, долгіе ли или короткіе? то разумѣется, что могутъ быть и долгіе и короткіе, какъ ни удастся.

§. 65. Чтобъ столь спорѣе и однимъ взглядомъ усмотрѣть всѣ мѣры различныхъ стиховъ, о которыхъ слово у насъ было, прилагаю при семъ слѣдующую табель, * въ которой числа значутъ число слоговъ, — слогъ долгой, слогъ короткой; двойною чертою отгородка сѣченіе стиха.

---

* Табель эта, какъ ничего не прибавляющая къ объясненію, пропущена въ нашемъ изданіи.

ГЛАВА V.

О

ВОЛЬНОСТЯХЪ ВЪ МѢРѢ СТИХОВЪ.

§. 66. Для чего вольности нужны? §. 69. Сокращеніе рѣчи изрядная вольность. §. 70. Окончаніи Славенскіе въ прилагательныхъ позволены. §. 71. Нѣкакихъ особливыхъ нарѣчій и союзовъ сокращеніе. §. 72. Сокращеніе прилагательныхъ на ами и на ою. §. 73. Сокращеніе нѣкихъ мѣстоименій. §. 74. Премѣненіе слоговъ іе на ье. §. 75. Съ вмѣсто изъ позволено обычаемъ. §. 76. Приращеніе буквы о къ предлогу изъ. §. 77. Во со жъ бъ, вмѣсто въ, съ, же и бы. §. 78. Отмѣненіе втораго лица въ глаголахъ на шь вмѣсто ши, и неопредѣльныхъ на ть вмѣсто ти. §. 79. Отмѣненіе нарѣчій на ей вмѣсто ее.

§. 66, Кто не отвѣдалъ еще стихи сочинять, почаетъ, что нетрудное дѣло нѣсколько слоговъ вмѣстить въ одну строку. И правда, кто чаетъ, что стихъ въ томъ одномъ состоитъ, легко на одной стоя ногѣ много ихъ намарать можетъ: но не тоже, когда дѣло идетъ, составлять порядочныя по правиламъ, и ѹ́ху и уму пріятные стихи. Трудность тогда немалая встрѣчается какъ въ соглашеніи здраваго смысла съ риѳмою, такъ и въ учрежденіи сло-

говъ, для того Стихотворцы принуждены иногда отъ правилъ удаляться, но такимъ образомъ, чтобъ то отдаленіе было неважное и маловременное, а неконечное съ ними разлученіе; и то называется *вольностію*.

§. 67. Выше сего уже я представилъ тѣ вольности, которые можно употреблять въ выборѣ риѳмъ; теперь слово будетъ о тѣхъ, которые въ мѣрѣ стиха простительны.

§. 68. Свойство языка нашего опредѣлило всѣмъ односложнымъ рѣченіямъ, каковы наприкладъ: *всѣ, ты, другъ, столъ*, *лобъ* и проч. удареніе голоса. Слѣдовательно (по §. 21.) всѣ подобные рѣчи суть долгіе. Но въ нуждѣ изрядно могутъ почтены быть короткими, которую вольность самое ухо наше извиняетъ. Такъ въ семъ стихѣ междоименіе *мой* составляетъ слогъ короткой.

есть ли мой гласъ тебѣ внятенъ.

§. 69. Всѣ сокращеніи рѣчей, которые Славенской языкъ узаконяетъ, можно понуждѣ смѣло принять въ стихахъ Рускихъ, такъ напримѣръ изрядно употребляется *вѣкъ, человѣкъ, чистъ*, *сладкъ*, вмѣсто *вѣковъ, человѣковъ, чистый, сладкій*. Всегоже рѣже употреблять совѣтую *мя, тя, ми, ти*, вмѣсто *меня*, *тебя*, *мнѣ*, *тебѣ*.

§. 70. Не съ меньшею смѣлостію должно употреблять всѣ окончаніи Славенскіе въ прилагатель-

ныхъ вмѣсто Рускихъ такъ изрядно стоитъ *сладкій* вмѣсто *сладкой, изрядный* вмѣсто *изрядной*. Но сія вольность больше риѳмы, чемъ мѣры касается.

§. 71. Вмѣсто *буде, больше, ежели, или, коли, между, позади, хотя*, и подобныхъ, можно писатъ *будь, большь, ежель* или *ежли, иль, коль, нежель*, или *нежли, однакъ, межъ, позадь, хоть*.

§. 72. Изрядно употребляется вмѣсто творительнаго на *ами*, или *ою* сокращенное на *ы*, *и* и *ой;* такъ писать можно *роги* вмѣсто *рогами, совѣты* вмѣсто *совѣтами, рукой* вмѣсто *рукою*.

Но о сихъ послѣднихъ примѣчать должно, что ежели случаются два прилагательныхъ, или прилагательное и существительное, то оба неотмѣнно должно кончить тѣмже образомъ. Напримѣръ: вмѣсто *чистою рукою* можно писать *чистой рукой;* но гораздо у́ху противно *чистою рукой*.

§. 73. Не знаю, не вольнолиже учинить *твойму* или *твому*, вмѣсто *твоему; свойму* или *свому*, вмѣсто *своему; мойму* или *мому*, вмѣсто *моему; свого* вмѣсто *своего*.

§. 74. Можно бессумнѣнно всѣ имена, кончащіеся на *іе*, кончать на *ье*, и писать напримѣръ *щастье* вмѣсто *щастіе, знанье* вмѣсто *знаніе*.

§. 75. *Сѣ* вмѣсто *изѣ* общей обычай разговора узаконяетъ. Кто не вѣдаетъ, что повся дни говоримъ *сѣ устѣ его, сѣ золота*, вмѣсто *изѣ устѣ, изѣ золота*.

§. 76. Помнить должно, что за предлогомъ *изѣ* вольно вставливать гласное *о*, когда слѣдующая рѣчь гласною начинается: *изоустѣ* вмѣсто *изѣ устѣ*.

§. 77. Такъ изрядно пишется *во*, *со*, вмѣсто *вѣ*, *сѣ*, и напротиву *жѣ* и *бѣ*, когда предъидетъ гласное, вмѣсто *же* и *бы*.

§. 78. Можно въ глаголахъ второе лице единственнаго числа кончить на *ши* вмѣсто на *шь*, и неопредѣльные на *ти* вмѣсто на *ть*; напримѣръ: *пишеши* вмѣсто *пишешь*, *читати* вмѣсто *читать*. Но я гораздо того бы убѣгать хотѣлъ, и когда тою рѣчью стихъ кончается: понеже такіе риѳмы весьма ўху противны.

§. 79. Нарѣчіи, кончащіеся на *ее*, можно кончить на *ей*, и писать напримѣръ: *умней, честней*, вмѣсто *умнее, честнее*, и проч.

§. 80. Не сумнѣваюся, что сыщутся еще и иные вольности, которые столькожъ могутъ быть простительны: но мнѣ подъ рўки тѣ не попалися. Найдутъ ихъ и обыкновенными учинятъ со временемъ искусные наши творцы; и нужны тѣ находки, понеже, правду сказать, мнѣ стиховъ нашихъ сочиненіе кажется весьма трудное, и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключено.

§. 81. Впрочемъ много себѣ творецъ пособить может, присвояя стихотворные образы рѣченій Греческихъ и Латинскихъ, которыми обогативъ языкъ свой въ состояніи найдется одно дѣло многими различными образами изображать, и потомъ избирать образъ рѣченія, который въ мѣру стиха приходитъ.

§. 82. Остается о томъ одномъ напомянуть, что когда имѣемъ сочинять какую пѣсню, по данному голосу, то уже со всѣмъ отъ вышепредписанныхъ правилъ, сколько мѣры касается, увольняться можемъ, ежели состоянію напѣва не согласуются: понеже въ пѣсняхъ нужно, чтобъ удареніе въ рѣчахъ соотвѣтствовало долготѣ или краткости голоса, и число слоговъ стиха соглашалося числу нотъ, а сѣченіи падежамъ пѣсни.

§. 83. И такъ уже мнѣ мнится, государь мой, что я нѣкакимъ образомъ исполнилъ приказъ вашъ содержаніемъ письма своего, которое заключаю чистосердечно подписуяся

ВАШЪ ГОСУДАРЯ МОЕГО

покорной слуга

Харитонъ Макентинъ.

ПИСЬМО

О

ИСТИННОМЪ ЩАСТІИ *.

Нѣтъ щастія человѣку, когда онъ собственнаго удовольства и внутренняго спокойства не имѣетъ; сіе толь правильно есть и непрекословно, что всякой въ своемъ вѣкѣ надѣюсь въ томъ искусился, разность есть та, что единъ больше, другой меньше. Мы видимъ людей многихъ, имущихъ великое богатство, знатные чины и изобиліе даже до роскоши надмѣрной въ домахъ своихъ, но рѣдко отъ нихъ слышимъ, чтобъ они сказали: «ужé я живу «года два или три безмятежно, духъ мой нынѣ спо«коенъ, и ничего не желаю.» Желанія наши всегда суть безконечны; покамѣстъ человѣкъ другое со-

* Вѣстн. Евр. 1811, ч. LXI. Оно получено издателемъ Вѣст. Европы, отъ г-на Саларева при слѣдующихъ строкахъ: «Препровождаю при семъ первое письмо Князя Канте«мира, извѣстнаго нашего сатирика: въ рукописи нахо«дится одинадцать писемъ его о разныхъ философическихъ «и нравственныхъ предметахъ. Надѣюсь, что для всякаго «любящаго языкъ свой пріятно будетъ видѣть сей драго«цѣнный памятникъ отечественной словесности.»

стоянiе своему предпочитаетъ, до тѣхъ поръ желать престать не возможно; и такъ иногда желанiе, иногда старательное попеченiе о содержанiи и укрѣпленiи того мѣста, на которое возведенъ и поставленъ бываетъ, препятствуетъ имѣть сiе безцѣнное спокойствiе духа; а что выше отъ земли, то больше видятъ, и хотябъ казалось на высотѣ стоять можно безопасно, но зависть и лукавство наисильнѣйшiя подпоры подрываютъ, и хитростiю своею крѣпкiе столпы и основанiя разрушаютъ; отъ того, какъ стоящихъ на высотѣ, такъ и желающихъ того низвергаютъ, и они всечасно суть безпокойны; еслибъ всякой помнилъ, что никто властiю почтенъ не бываетъ, какъ званны отъ Бога, тобъ сего безпокойства не имѣли, всякой бы доволенъ былъ опредѣленнымъ: когда господинъ призоветъ рабовъ своихъ, и дастъ имъ ниву, чтобъ раздѣля всякой взялъ часть себѣ на огородъ и насадилъ особливо; единому же любя дастъ отмѣнну, гдѣ посѣянное безъ великаго труда возрасти можетъ: всѣ другiе возненавидятъ и роптать будутъ на врага, котораго любя господинъ награждаетъ; въ досадѣ и ненависти оплошно пахать станутъ свою землю и отъ своей оплошности въ гнѣвѣ сѣмена побрасаютъ; не имѣя попеченiя плодовъ лишатся, и не точiю изобильно, но и самую нужду для пищи земля худо удобренная имъ не произнесетъ; а еслибъ довольствуясь даннымъ трудились вспахать и на себя землю при-

лѣжно и безъ роптанія, съ благодареніемъ признали достойнымъ образомъ милость своего господина, то конечно бы земля плоды имъ произнесла обильно, а господинъ, видя прилѣжность къ трудамъ и смиренное повиновеніе своей волѣ, можетъ быть на другое лѣто далъ бы совсѣмъ насѣянную ниву; но слабость человѣческаго разсудка, и неискореняемыя страсти мѣшаютъ находить правильные пути къ истинному и совершенному спокойству. Вы *, которая одарена свыше мудростію и добродѣтелію отъ Бога, скажите мнѣ, не сія ли самая добродѣтель чинитъ вамъ спокойство и внутреннюю радость? не она ли утѣшаетъ васъ въ печаляхъ и напастяхъ, отъ злости на добродѣтель возстающихъ? — она конечно первое и твердое основаніе человѣческаго щастія; пускай весь міръ будетъ на тебя гнѣвливъ, но ты и безъ щастія довольно щастливъ; довольно щастія человѣку, и весьма довольно, когда совѣсть его ни чѣмъ не упрекаетъ, когда жизнь его течетъ источникомъ истинныя добродѣтели! Та самая добродѣтель научаетъ человѣка довольствоваться тѣмъ, что онъ имѣетъ, не допускаетъ завидовать другому состоянію, сокращаетъ желанія, и нудитъ прежде сдѣлаться всякаго желанія достойнымъ: оная единая можетъ навесть человѣку вѣчное и непоколеби-

---

* Кантемиръ нѣкоторыя письма, изъ коихъ я взялъ и сіе, писалъ къ одной Госпожѣ.

мое спокойство. Надобно сказать и то, что человѣку есть сродно лучшаго желать; но когда то лучшее не отъ его трудовъ и попеченій зависитъ, тогда можно вспомнить слова Римскаго гражданина, сказанныя Титу: «Я дѣлаю все, что мнѣ сдѣлать должно, но есть и такихъ много, которые милосердіе «твое прежде заслужили.»

Мое намѣреніе вамъ сказать, что внутреннее спокойство человѣка есть главное въ жизни сей щастіе, и дабы приобрѣсти сіе спокойство, я здѣсь начинаю самъ въ себѣ искать сего безприкладнаго щастія, когда оно меня въ мірѣ убѣгало. Уже нѣсколько тому дней минуло, какъ я началъ разсуждать о первомъ и главномъ щастіи человѣка; представляя себѣ всѣ роскоши и богатства, видалъ я многихъ въ прелестномъ семъ изобиліи плачущихъ и стенающихъ: зналъ и такихъ, которые въ разныхъ страстяхъ не могли наслаждаться своимъ достаткомъ; причина тому думаю конечно — ненасытное желаніе человѣка, страхъ и зависть. Рѣдко слышу, живучи въ людяхъ, чтобъ кто сказалъ мнѣ: я сего дня весь день веселился, никакая мысль неспокойная на умъ мнѣ не всходила; а больше слышно: меня тотъ обидѣлъ, другой бранитъ безвинно, иной готовитъ мнѣ сѣти. Всякъ правъ, а другъ друга ругаютъ; учитъ всякой, какъ жить въ свѣтѣ — а самъ учиться не хочетъ!

Однажды случилось мнѣ быть въ компаніи, гдѣ нѣкоторый человѣкъ бранилъ такого, который ни мало не заслуживалъ его брани; я самъ сидя съ нимъ вмѣстѣ терпѣливо слушалъ; и какъ тотъ насытилъ нравъ свой къ злости склонной, другой подошелъ къ нему учтиво и говорилъ: знать много онъ провинился предъ вами, государь мой? А тотъ отвѣчалъ: не льзя хуже быть человѣку въ свѣтѣ, какъ онъ; я его правда не знаю, только слышалъ отъ такихъ, которымъ повѣрить можно. — Смотрите на людскіе нравы, можно ли въ обществѣ всѣмъ людямъ угождать? бранятъ не зная человѣка, обижаютъ не въ отмщеніе за свою обиду, но только найти злому нраву пищу; подумайте, какія великія препятствія бываютъ во исполненіи желанія, и сколь сильны суть помѣхи всякому предпріятію человѣка. Я искусился въ нещастливый вѣкъ мой, но щастливъ тѣмъ, что позналъ мое заблужденіе, и я то увидѣлъ, какъ праздны и тщетны суть намѣренія наши въ жизни, и какъ безполезны всѣ исканія веселой и благополучной жизни, когда она зависитъ отъ единаго произволенія Всевышней Власти; нынѣ скажу, Псаломнику согласно: «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся заповѣдямъ Твоимъ.» Нынѣ оставя беззаконныя мысли и желанія, въ одномъ только томъ тружуся, чтобъ познать самаго себя, и научиться прямымъ путемъ истинныя добродѣтели ходити, да обрящу собственное духа мо-

его спокойство, въ чемъ я главное сіе великое щастіе поставляю; уже дни мои проходятъ безмятежно, зависть и нападки здѣсь меня не утѣсняютъ; жизнь моя въ пустыняхъ сихъ нимало не прелестна: никто завидуя отнять оное мое жилище не захочетъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ МИНИСТЕРСКАГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА *.

Прежде отъѣзду моего должности своей, чаю, Вашему Императорскому Величеству кратко и всенижайше донести, въ какомъ состояніи оставляю дворъ здѣшній, каковы его главнѣйшіе министры и какія настоящія дѣла. Его Королевское Величество, какъ я многожды Вашему Императорскому Величеству честь имѣлъ доносить, Государь весьма честнаго характера и въ словѣ своемъ примѣтнаго постоянства, естьли бы нужда здѣшнихъ законовъ и часто совѣты министровъ къ противному Его Величество не понуждали; вспылчивый Его Величества нравъ

* Другъ Просвѣщ. на 1804, № XII, стр. 331.

причину подалъ къ несогласію съ сыномъ, который съ своей стороны можетъ быть больше, нежели прилично, съ противниками Его Величества сообщается, и пока Его Высочества поступокъ въ семъ не отмѣнится, мало согласія съ отцомъ ожидать можно.

Господа Валполы безсумнительно всю силу здѣшняго правленія въ своихъ рукахъ имѣютъ; большій братъ Робертъ, человѣкъ весьма добрый и остраго ума, и по своему риторитету въ парламентѣ видно, что къ внутреннимъ дѣламъ много искуства имѣетъ, и зная совершенно склонность своей націи, куда хочетъ, влечетъ, наипаче къ тому употребляя золотую узду; въ дѣлахъ чужестранныхъ, какъ всѣ генерально здѣсь признаютъ, не много знанія имѣетъ, и потому особливо брата своего почитаетъ, чая, что многія посольства, въ которыхъ онъ обрѣтался, дали ему способъ въ томъ искуситься. Я не могу сказать, праведно ли то его мнѣніе, или нѣтъ, понеже за многословіемъ, которое г-нъ Горасъ, въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти онымъ подавлено, и удача въ въ его негоціаціяхъ мало въ его пользу показываетъ, хотя впрочемъ и онъ не лишается остроты ума и пріятнаго обхожденія. Оба братья, опасаясь отъ войны пріумноженія непріятелей своихъ или раздѣленія власти своей во многія руки, тишину любятъ, и потому многіе авантажи потерять лучше склонятся, чѣмъ навесть оною себѣ опа-

сность. Для того при правленіи ихъ трудно ожидать отсюду какого смѣлаго дѣйствія.

Дюкъ Нюкастель, Статскій Секретарь Полуденныхъ дѣлъ, имѣетъ великую понятность и память, но весьма мало атенціи къ чужестраннымъ дѣламъ даетъ, будучи непрестанно въ своей деревнѣ и упражняяся примножать себѣ въ провинціи друзей, которыми и мѣсто свое сохраняетъ; великое его число вотчинъ, друзей и родни, даютъ ему нѣсколько голосовъ въ парламентѣ, что понуждаетъ господъ Валполовъ не учинить себѣ его непріятелемъ, а инако давно бы свой чинъ потерялъ.

Милорда Гаринтона, Статскаго Секретаря Сѣверныхъ дѣлъ, можно поставить образцомъ честнаго и добраго человѣка, который снабденъ природнымъ основательнымъ разсужденіемъ и многимъ искуствомъ; обѣ здѣшнія противныя стороны равно его любятъ и почитаютъ, нѣтъ такого, ктобъ имъ былъ не доволенъ: нраву весьма тихаго, малорѣчивъ, не лукавъ, и столько недругъ всякихъ зàмѣшательствъ и высокомыслія, что хотя Его Королевское Величество къ нему гораздо милостивъ. Кавалеръ Валполь ему не ревнуетъ, и подлинно способнѣйшаго онъ Валполь себѣ пріискать не могъ бы, понеже Милордъ, кромѣ своей должности, ни въ какія дѣла не вступаетъ, за чѣмъ я надѣюсь, что онъ мѣсто свое сохранитъ, со всѣмъ тѣмъ, что Горасъ Валполь горяче желалъ бы оное себѣ присвоить.

О членахъ Тайнаго Совѣта не упоминаю, понеже ни силы никакой не имѣютъ, ни господину Валполю противиться отважны. Ничего также примѣчать можно о прочихъ придворныхъ, которые ни въ какія дѣла не вступаютъ, развѣ когда г. Валполь кому что позволитъ, и Его Величество ни которому изъ нихъ отмѣнную милость не являетъ.

Сколько настоящихъ дѣлъ касается, примѣчанія достойны Юлихъ и Бергская, да Ишпанская ссора; въ первомъ министры здѣшніе себя далеко ввязать не охотны; Его Королевское Величество безсомнѣнія противенъ распространенію Прусскаго дому, и союзъ съ Статами Генеральными, какъ и самое положеніе мѣстъ власти двухъ морскихъ дерновъ, происходящіе отъ того дѣла опаства чинить обоимъ обиды. Но понеже оное министерству здѣшнему кажется гораздо отдалено, за вышеописанною ихъ склонностію всякихъ обязательствъ, которыя войною грозятъ, отъ себя отдалить ищутъ, для такой же причины всѣми силами трудятся несогласіе съ Гишпанскимъ дворомъ безъ войны утушить; но естьли довольное отъ того двора удовольство купечеству здѣшнему не доставятъ, должны подлинно ожидать худыхъ слѣдствій, для того оба братья Валполя о семъ дѣлѣ больше всего пекутся; но и паче, что естьлибъ до войны дошло, опасаются соединенія Гишпанскаго двора съ Французскимъ.

Сего послѣдняго двора нынѣшнее доброе согласіе съ Цесарскимъ, нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ го-

сподъ безпокоитъ, но министры рѣдко когда о томъ думаютъ; довольствуяся тѣмъ, что въ такомъ состояніи дѣлъ Цесарской дворъ помощи отсюду не требуетъ, и что нѣкакимъ образомъ продолжается тишина Европейская, ничего не ищутъ, только, чтобъ она тянулась во все ихъ правленіе, мало печаляся, что потомъ случиться имѣетъ.

Въ негоціаціи Турецкой для примиренія Вашего Императорскаго Величества и высокаго Вашего союзника съ Портою, участіе всякое здѣсь охотно бы приняли, и хотя во всѣхъ своихъ разговорахъ недовольства никакого не оказали, однакожь не безревностны, что Французской дворъ одну оную отъ большой части производитъ, и чаю, что мой туды отъѣздъ не совсѣмъ нравенъ.

О всемъ вышеписанномъ я хотя уже имѣлъ честь по части въ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ доносить, однакоже пристойно чаялъ все въ одно мѣсто собрать столько для того, чтобы Ваше Императорское Величество вдругъ все то себѣ напомнить соизволили, сколько и для пользы отправляемаго на мое мѣсто отъ Вашего Императорскаго Величества министра, для котораго особливо прилагаю при семъ роспись чужестранныхъ министровъ, здѣсь обрѣтаемыхъ, и нѣкоторыя нужнѣйшія извѣстія для церемоніаловъ съ ними и при дворѣ и о привилегіяхъ чужестранныхъ министровъ.

Солнце — источникъ свѣта, и находится въ срединѣ міра.

(Изъ Фонтенелевыхъ Разговоровъ о множествѣ міровъ.)

Солнце есть тѣло не одного вида съ землею и съ прочими планетами. Источникъ оно всего того свѣта, что планеты отъ него получивъ, одна къ другой пересылаютъ. Могутъ онѣ тѣмъ свѣтомъ, такъ сказать, мѣняться; а не могутъ отъ себя производить. Оно одно изъ себя самаго испускаетъ сіе драгоцѣнное существо; разпростираетъ оное силою на всѣ сто́роны, оттуду оно упирается во все то, что есть твердо, и отъ одной планеты до другой протягаются долгія и пространныя дорожки свѣта, которыя взаимно пересѣкаются межъ собою безчисленными образы, и составляютъ дивное нѣкакое тканіе драгоцѣннѣйшаго всего свѣта вещества. И для того солнце находится въ центрѣ всего міра, которой есть удобнѣйшее мѣсто, отъ куду бы ему можно было раздѣлять тотъ свѣтъ на всѣ стороны, и одушевлять всю тварь теплотою своею. Солнце убо есть особливое отъ прочихъ тѣло: да какогожъ вида то тѣло? Весьма трудно сказать. Издавна ужѐ вѣрили, что оно есть нѣкакой чистѣйшій огонь; но въ началѣ сего вѣка догадалися, что то не такъ, когда усмотрѣли по поверьхности его нѣкакія пятна.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

*Стихи изъ III-й Сатиры, замѣненные въ печатномъ изданіи другими, (ст: 57 — 78 * изъ Москвит. на 1841 г. № 1.)*

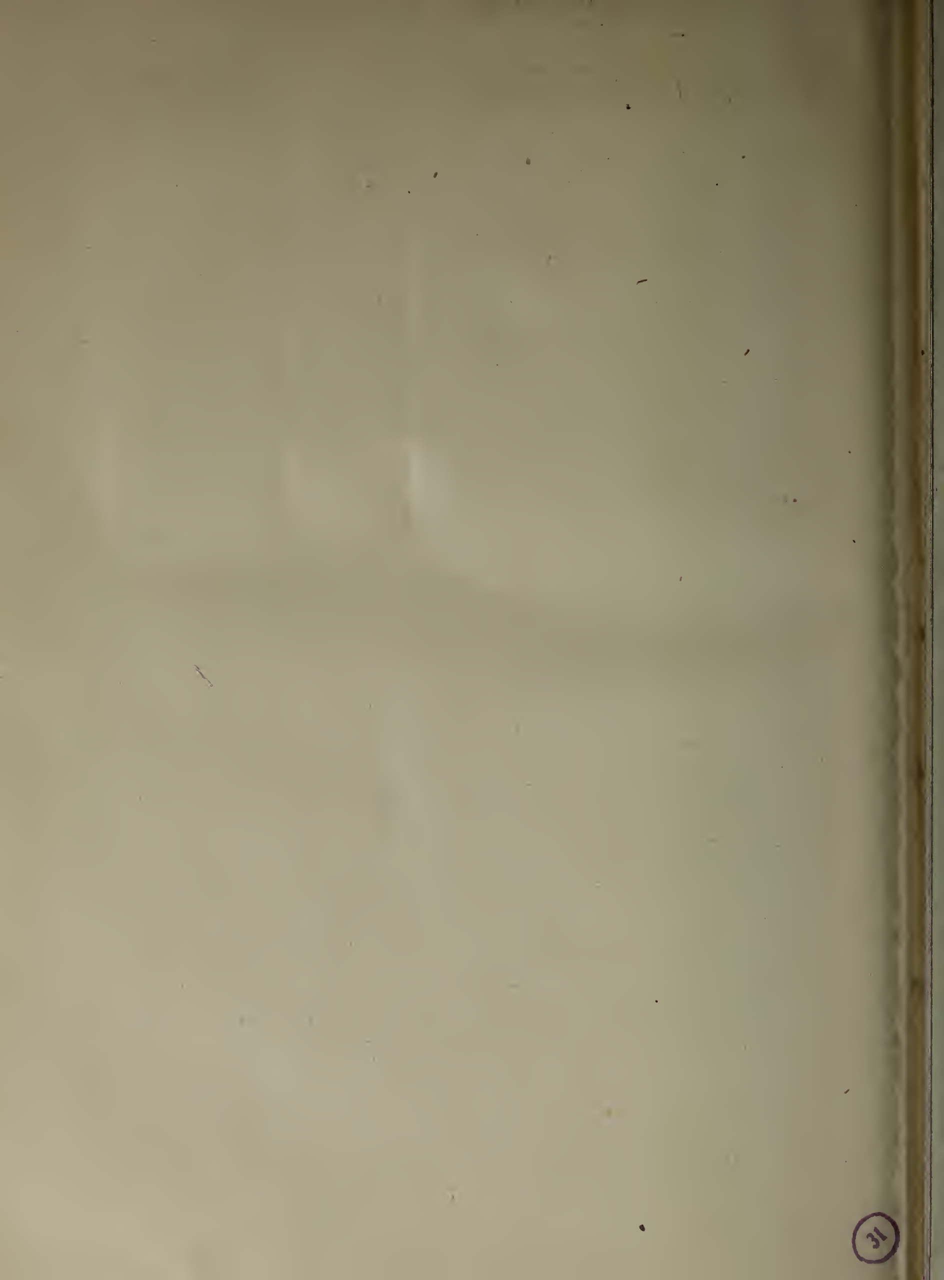
Но ужъ онъ надъ гробомъ свисъ; внукъ скочокъ ожидаетъ;
Заключеннымъ тамъ мѣшкамъ волю сей дать знаетъ;
И богатство, что теперь дѣда бѣдно мучитъ,
Потомъ у внука въ рукахъ намъ уже наскучитъ.
Таковъ Тицій, а сосѣдъ его уже противно
Расточаетъ все, все грошъ, все есть не дивно.
Не печется уже сей какъ множить мамону,
Лишняго не любитъ онъ въ мѣшкѣ денегъ звону.
Отъ главы до пятъ все въ немъ богато сіяетъ,
Столъ пространный, весь приборъ въ золотѣ блистаетъ,
Домъ пышно весь убранный, питье дорогое. —
Думалъ бы, что Крезусъ онъ; нѣтъ, все то чужое.
Не столько онъ получитъ себѣ въ годъ доходу,

* Изъ собственной тетради Князя Кантемира, полученной г. Погодинымъ отъ покойнаго А. Ѳ. Мерзлякова.

Сколько въ картахъ денегъ въ часъ броситъ какъ
бы въ воду,
А что въ домѣ, что на немъ, то все долгомъ
пахнетъ, —
И когда онъ жирѣетъ, то деревня чахнетъ. —
Дамонъ нескупъ, и нетчивъ, въ роскоши умѣ-
ренъ,
Сказать ничего нельзя, на тайну невѣренъ. —
Какъ когда ново вино, вложенное въ судно,
Кипитъ, шипитъ, пѣнится, держать его трудно;
Дуетъ доски, обручи рветъ, и мѣръ не зная,
Выбьетъ втулку, свирѣпо устьми вытекая. —

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	стрн.	*Слѣдовало бы:*
прекрасно	XXXII.	живо
Старая жизнь	LI.	—Первый врагъ старая жизн
Ibid		Ювен. с. VIII.

31

